

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 5, № 2, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

О ПРЕДЕЛАХ ПРИМЕНИМОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ ООН
ЕВГЕНИЙ СОРОКО

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ РАСЧЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ
ОЛЬГА ПЁТЧ

МИКРОПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
АНАСТАСИЯ ПЬЯНКОВА, ЕКАТЕРИНА ЩЕРБАКОВА, СЕРГЕЙ ВАСИН

СЕМЬЯ И ДОМОХОЗЯЙСТВО В РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
АННА МИРОНОВА, ЛИДИЯ ПРОКОФЬЕВА

МИГРАЦИЯ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СССР В 1920-Е
ГОДЫ
ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

АЛЕКСАНДР КУЛИШЕР О ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ БУДУЩЕМ РОССИИ
МАРК ТОЛЬЦ

ДОРОГИЕ ДЕТИ, БЕДНЫЕ МАТЕРИ
Рецензия на книгу Анны Шадринной «Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост
«цены» материнства в XXI веке»
ЛЮБОВЬ БОРУСЯК

ОТ ПРОСТОРОВ К ПРОСТРАНСТВАМ: О ПОИСКЕ ГЕОГРАФИИ В КНИГЕ О ГЕОГРАФИИ
Рецензия на коллективную монографию под ред. С.А. Панарина
«От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени»
ФЁДОР ПОПОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
Л.Ф. БОРУСЯК
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
В.В. ВЛАСОВ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА
И.Е. КАЛАБИХИНА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
А.И. КУЗЬМИН
А.Р. МИХЕЕВА
В.И. МУКОМЕЛЬ
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
В.А. ИОНЦЕВ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАКСИМОВА

Т.М. МАЛЕВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
Б.Н. МИРОНОВ
С.Ю. НИКИТИНА
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Заместитель главного редактора – Любовь Фридриховна БОРУСЯК
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор – Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

*Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
L. BORUSIAK
A. VISHNEVSKY
V. VLASOV
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA
I. KALABIKHINA

M. KLUPT
A. KUZMIN
A. MIKHEYEVA
N. MKRTCHYAN
V. MUKOMEL
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
O. GAGAUZ (Moldova)
I. ELISEEVA
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
N. ZUBAREVICH
V. IONTSEV
E. LIBANOVA (Ukraine)
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MAKSIMOVA

T. MALEVA
F. MESLÉ (France)
B. MIRONOV
S. NIKITINA
Z. PAVLIK (Czech Republic)
V. STANKUNIENE (Lithuania)
M. TOLTS (Israel)
V. SHKOLNIKOV (Germany)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Deputy Editor-in-Chief - Lyubov F. BORUSIAK
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

**Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ

Июль 2018, Т.5, №2

Оригинальные статьи

О ПРЕДЕЛАХ ПРИМЕНИМОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ ООН	6-31
<i>Евгений Сороко</i>	
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ РАСЧЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ	32-60
<i>Ольга Пётч</i>	
МИКРОПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	61-102
<i>Анастасия Пьянкова, Екатерина Щербакова, Сергей Васин</i>	
СЕМЬЯ И ДОМОХОЗЯЙСТВО В РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	103-121
<i>Анна Миронова, Лидия Прокофьева</i>	
МИГРАЦИЯ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СССР В 1920-е ГОДЫ	122-146
<i>Валентина Моисеенко</i>	
АЛЕКСАНДР КУЛИШЕР О ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ БУДУЩЕМ РОССИИ	147-168
<i>Марк Тольц</i>	
ДОРОГИЕ ДЕТИ, БЕДНЫЕ МАТЕРИ Рецензия на книгу Анны Шадринной «Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке»	169-180
<i>Любовь Борусяк</i>	
ОТ ПРОСТОРОВ К ПРОСТРАНСТВАМ: О ПОИСКЕ ГЕОГРАФИИ В КНИГЕ О ГЕОГРАФИИ Рецензия на коллективную монографию под ред. С.А. Панарина «От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени»	181-186
<i>Фёдор Попов</i>	

CONTENTS

July 2018, 5(2)

Original papers

ON THE LIMITS OF APPLICATION OF THE UN POPULATION PROJECTIONS	6-31
<i>Eugeniy Soroko</i>	
POPULATION PROJECTIONS IN GERMANY	32-60
<i>Olga Pöttsch</i>	
POPULATION MICROCENSUSES IN RUSSIA: PAST, PRESENT AND FUTURE	61-102
<i>Anastasiya Pyankova, Ekaterina Scherbakova, Sergey Vasin</i>	
FAMILY AND HOUSEHOLD IN RUSSIA: THE DEMOGRAPHIC ASPECT	103-121
<i>Anna Mironova, Lidia Prokofieva</i>	
RURAL-URBAN MIGRATION IN THE USSR IN THE 1920s	122-146
<i>Valentina Moiseenko</i>	
ALEXANDER KULISCHER ON THE DEMOGRAPHIC FUTURE OF RUSSIA	147-168
<i>Mark Tolts</i>	
PRECIOUS CHILDREN, POOR MOTHERS Review of Anna Shadrina's book "Precious children: The fall in fertility and the rise in the price of motherhood in the 21st century"	169-180
<i>Liubov Borusyak</i>	
FROM EXPANSE TO SPACE: THE SEARCH FOR GEOGRAPHY IN A BOOK ON GEOGRAPHY Review of a collective monograph «Migration throughout times: From the bronze age to the century of the digital». Ed. by S. Panarin	181-186
<i>Fedor Popov</i>	

О ПРЕДЕЛАХ ПРИМЕНИМОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ ООН

ЕВГЕНИЙ СОРОКО

В 2017 г. был опубликован очередной прогноз мирового населения, сделанный Отделом народонаселения ООН. Согласно этому прогнозу, к 2050 г. численность населения мира составит 9,772 млрд человек, к 2100 г. – 11,184 млрд. В целом этот прогноз не противоречит ни предыдущим прогнозам ООН, ни прогнозам, выполненным другими организациями. Тем не менее он иногда вызывает и достаточно резкие критические замечания. В данной статье предпринята попытка разобраться в том, что могло послужить причиной критики: новая методика прогнозирования и ее существенная доработка или полученные результаты. С этой целью проведен анализ последних прогнозов ООН, методик их составления, использованных данных, результатов прогнозирования, выполненного за последние 15 лет. Обсуждаются недостатки прогнозов ООН, а также ограничения и условность их возможного применения. Показано, что среди возможных причин повышения в последних прогнозах оценок перспективной численности населения мира к наиболее важным могут быть отнесены: 1) завышение прогнозной младенческой и детской смертности в предыдущих прогнозах; 2) преуменьшение темпов снижения рождаемости в некоторых африканских странах. Предложено обоснование того, что краткосрочные демографические прогнозы должны вызывать доверие и могут быть использованы в практических целях, и отмечена условность применения долгосрочных прогнозов, так как возможные многочисленные непредсказуемые факторы будущего сильно снижают их точность. На уровне отдельных стран большую неопределенность долгосрочного прогноза могут обуславливать крутые повороты в демографической политике или социально-политическом устройстве, что иллюстрируется примерами некоторых стран.

Ключевые слова: население, страны мира, демографический прогноз, ООН, пересмотр, методика прогнозирования, рождаемость, смертность, долговременный прогноз, вероятностный прогноз.

О КАКИХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГНОЗАХ ИДЕТ РЕЧЬ?

В данной статье обсуждаются официальные прогнозы мирового населения, которые регулярно публикуются ООН.

– *Автор прогнозов.* Основное подразделение, отвечающее за их подготовку – Отдел народонаселения (Population Division) Департамента социально-экономических проблем ООН (United Nations Department of Economic and Social Affairs).

– *Число прогнозов.* ООН производит расчеты с 1951 г. [Wilmoth 2015]. Первые прогнозы выполнялись каждые пять лет, с 1980-х годов они пересматриваются каждые два года [Keilman 1997]. Последний прогноз, опубликованный в 2017 г., – «юбилейный», 25-й в серии этих прогнозов.

ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ СОРОКО (esoroko@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г., проект «Тенденции демографического развития в России в 2005-2015 гг. в контексте долговременных демографических трендов».

Статья поступила в редакцию в марте 2018 г.

– *Название прогнозов.* Основные, регулярно рассчитываемые прогнозы ООН носят название World Population Prospects (Перспективы мирового населения), а их очередная версия называется «пересмотром» (revision) с указанием года.

– *Горизонт прогнозирования.* Первые прогнозы были сделаны на предстоящий период в 20-30 лет, например, в 1975 г. – до 2000 г. В начале XXI века прогнозы стали выполняться до середины века, а последние пересмотры делаются уже до 2100 г. Кроме того, несколько раз делались сверхдолгосрочные прогнозы, например, в 1998 г. – до 2150 г., а в 2004 г. – до 2300 г. Они назывались, в отличие от регулярных пересмотров «перспектив», именно прогнозами: World Population Projections to 2150 [WPP 1998] или просто World population to 2300 [WP 2004].

– *Страны и регионы.* Первоначальные прогнозы делались для мира в целом и крупных регионов. С 1968 г. ООН делает прогнозы народонаселения для отдельных стран мира. В пересмотре 2017 г. число стран и макрорегионов составляет 241. В перечень стран включены все страны с численностью населения не менее 90 тыс. человек [WPP 2015b: 1]. Эта предельная величина неоднократно снижалась, в конце XX века она составляла 150 тыс. [Keilman 1997].

– *Методика прогнозирования* постоянно совершенствуется. Некоторые первые вехи в истории прогнозов народонаселения были отмечены в работе Кельмана [Keilman 1997]. В 1958 г. впервые прогнозы были основаны на концепции демографического перехода и теории стабильного населения. В прогнозах 1960 и 1965 гг. были использованы методы непрямого оценивания демографических показателей для стран и регионов с неполной информацией о населении. С 1965 г. прогнозы рассчитывались с использованием компьютеров, что позволило использовать модельные профили рождаемости, смертности и миграции. Существенному углублению понимания демографических процессов способствовали обследования *World Fertility Survey*, проведенные в 1974-1982 гг. Улучшения в методике имели постепенный характер и обеспечили повышение точности прогнозов. За 65-летнюю историю очень трудно выделить какие-либо два-три существенных и наиболее важных изменения в этой методике ввиду их многочисленности и широкого спектра различных аспектов прогнозирования: используемых статистических данных, демографических теорий, математических моделей, сценариев будущего, технологии обработки. По этой причине предлагается говорить об общей «эволюции» методики прогнозирования. В данной статье не представляется возможным дать детальное описание всей истории этих прогнозов, но их современная методология будет в основных чертах описана.

– *Число вариантов прогноза.* В первых прогнозах ООН были использованы три основных, ставших в демографии уже традиционными, сценария предстоящей динамики показателей: средний, высокий и низкий. В пересмотре 2004 г. было представлено пять вариантов. В последнем прогнозе 2017 г. предложено уже девять таких сценариев: средний, высокий и низкий варианты, сценарий неизменной рождаемости, варианты текущего замещения поколений, нулевой миграции, неизменной смертности, инерционный сценарий (замещающая рождаемость, неизменная смертность, нулевая миграция), а также вариант неизменной смертности и рождаемости.

– Публикация результатов прогноза. Первые пересмотры прогнозов ООН были доступны в виде 600-800-страничных томов формата энциклопедии, которые рассылались на средства ООН в научные учреждения и библиотеки. В настоящее время прогноз представлен на интернет-сайте прогноза WPP [WPP 2017]. Размещенные на нем сотни файлов таблиц, графиков и десятки других документов уже трудно представить себе полностью напечатанными на бумаге.

Что нового в последних прогнозах ООН?

Каждый очередной пересмотр содержит ряд обновлений, отличающих его от предыдущих. С одной стороны, это новейшая информация по отдельным странам, которая появляется в результате проведения переписей населения, специальных обследований здоровья и репродуктивных планов, с другой – постоянно совершенствующаяся методика прогнозирования, стремящаяся разработать новые сценарии демографической перспективы, расширить горизонт прогнозирования, учесть последние достижения современной науки. Последние четыре прогноза (пересмотры 2010, 2012, 2015, 2017 гг.) используют методику вероятностного демографического прогнозирования.

Что послужило причиной роста интереса к прогнозам ООН?

Публикация результатов сделанных ООН прогнозов мирового населения вызывает большой интерес. Особенно заметно выросло внимание к четырем прогнозам последних пересмотров: 2010, 2012, 2015 и 2017 г. (рисунок 1).

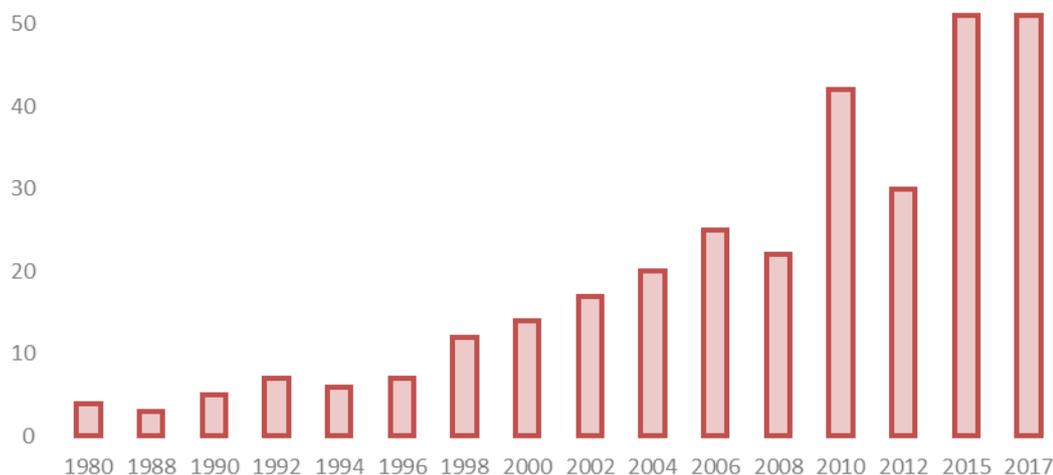

Рисунок 1. Число ссылок на World Population Prospects по годам пересмотра

Примечание. Представлены 316 ссылок, содержащихся в 193 статьях и сайтах, найденных 28.04.2018 в первых ~200 результатах Яндекс- и Google-поиска по фразе «World population prospects revision».

Дело не столько в количественных оценках, сколько в качественно новой перспективе населения мира. Те прогнозные оценки населения, которые считались давно уже принятыми специалистами и широкой общественностью, были подвергнуты сомнению

и потребовали переосмысления. Несомненно, одной из причин переоценки стало серьезное усовершенствование методики, переход к использованию вероятностного прогнозирования. Подробно эта методика описана в журнале *Science* [Gerland et al. 2014]. Ее нельзя считать абсолютно новой, еще более 15 лет назад она была применена к оценкам перспектив мирового населения [Lutz et. al 1997]. Поэтому основная причина роста интереса к прогнозу ООН – именно результаты прогнозирования, принципиально отличающиеся как от прогнозов Лутца, Сандерсона, Щербова [Lutz et. al 1997], так и от предыдущих прогнозов ООН, сделанных в начале века. Суть отличий можно кратко сформулировать так: по предыдущим прогнозам мирового населения с большой вероятностью его численность стабилизируется еще до конца XXI века и начнется его некоторое сокращение. По новым же прогнозам ООН наиболее вероятным является продолжение роста мирового населения в течение всего XXI века вплоть до 2100 г. Такое существенное расхождение вызвало не только бум интереса в мировой прессе, но и состояние шока, если не паники, у некоторых политиков и специалистов. Вот некоторые заголовки статей в мировой прессе:

- «*Economist*» – «Исследования ООН разжигают страхи демографического взрыва. Без паники: тревоги неоправданны» [Population projections... 2014];
- «*National Geographic*» – «11 миллиардов человек на Земле? Новые прогнозы народонаселения разбивают вдребезги предыдущие оценки» [Kunzig 2014];
- «*Science*» – «Стабилизация мирового населения маловероятна в текущем столетии» [Gerland et al. 2014];
- «*Forbes*» – «Спорные предположения в прогнозе ООН в 9,8 млрд» [Worstall 2017].
- Появились и критические высказывания в адрес последних прогнозов ООН, в том числе достаточно резкие. В качестве примера можно привести статью Николаса Эберштадта в «*The Wall Street Journal*», озаглавленную «Новый взрыв народонаселения запросто может оказаться “липой”»¹.

Важно отметить, что для широкой публики, действительно, некоторые изменения в прогнозах ООН от пересмотра к пересмотру могут показаться неожиданными и непонятными, тем более что ряд изданий искусственно подогревают интерес своими заголовками с использованием методов, чаще применяемых желтой прессой. Что же касается демографов и специалистов, которые регулярно используют прогнозы в своей работе, то для них эти результаты не воспринимаются как совершенно неожиданные или принципиально новые. Они лишь несколько сдвигают количественные оценки нашего текущего понимания будущего. Резкий характер высказываний некоторых специалистов (например, Эберштадта²) объясняется, главным образом, расхождением их концептуальных взглядов с мнением экспертов ООН на то, можно ли предсказывать демографическое будущее и как это делать.

¹ Eberstadt N. (2014). The new population boom could easily be a dud // *The Wall Street Journal*. 22 (Sept.) (дата обращения: 25.09.2017).

² Там же.

Рассмотрим основные положения методики прогнозирования для понимания возможных причин эволюции результатов прогнозов ООН от пересмотра к пересмотру.

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОГНОЗА ООН ПЕРЕСМОТРА 2015 Г.

1. Исходные данные о населении. Каждый новый пересмотр использует наиболее свежие данные демографической статистики стран мира из всех доступных источников, включая переписи населения, обследования здоровья и репродуктивного поведения, регистры населения, статистику естественного движения населения, а также любые другие источники, например сведения о беженцах. При появлении новых данных любые предыдущие оценки демографических показателей в базовом периоде 1950-2015 гг. могут быть обновлены и ретроспективно пересчитаны. В пересмотре 2015 г. использованы результаты более 1600 переписей населения [WPP 2015b: 3].
2. Наибольшая сложность такой оценки показателей возникает для тех стран, где демографическая статистика имеет различные изъяны: переписи населения не проводятся вообще или происходят нерегулярно, качество учета низкое из-за значительного недоучета событий, неточностей регистрации возраста или отсутствия учета вообще. Например, достоверные сведения о детской смертности для периода 2010-2015 гг. имеются по 165 странам (92% мирового населения) [WPP 2015b: 4]. Для стран с указанными проблемами на уровне каждой конкретной страны Отдел народонаселения использует различные методы непрямого оценивания, результаты выборочных демографических обследований, краткосрочного прогнозирования, а также другие методы.
3. Ситуация с регистрацией смертности взрослого населения также оставляет желать лучшего: лишь 53,7% населения мира проживает в 101 стране, где после 2010 г. имеется удовлетворительная по качеству статистика смертности [WPP 2015b: 5]. Для остальных стран с отсутствием данных или устаревшей информацией также используются не прямые методы оценивания и модельные таблицы смертности.
4. При прогнозировании структуры населения и демографических событий используется так называемый когортно-компонентный метод, позволяющий делать расчеты демографического баланса для каждой страны на горизонте прогнозирования с использованием основных составляющих динамики населения: рождаемости, смертности и международной миграции. Ввиду различного качества данных о населении для каждой страны должны быть найдены и использованы наиболее свежие и точные сведения, модели или косвенные оценки. В этом случае наиболее существенным требованием является необходимость обеспечить совместимость различных данных из разных источников [WPP 2015b: 7].
5. Еще один важный дополнительный этап подготовки прогноза населения, выполняемый Отделом народонаселения, – анализ и обеспечение совместимости показателей и трендов между странами [WPP 2015b: 13]. Например, может потребоваться разбор случаев «выбросов» показателей в некоторых странах на фоне соседних или в сравнении со значениями в макрорегионе, а для международной миграции необходимо обеспечить ее баланс на нулевом уровне для мира в целом.

6. Прогноз рождаемости производится отдельно для трех групп стран: с высоким уровнем рождаемости, где еще не началось ее снижение или это снижение только начинается; со средним уровнем рождаемости не ниже 2,1 ребенка на 1 женщину в 2010 г.; с низким уровнем рождаемости менее 2,1 [WPP 2015b: 15]. Прогнозирование базируется на положениях теории демографического перехода с классификацией состояния каждой страны на одной из трех ключевых стадий перехода: фаза 1 – высокой рождаемости; фаза 2 – снижения рождаемости, для которой переход к новому низкому уровню описывается двойной логистической функцией с использованием байесовской иерархической модели; постпереходная «восстановительная» фаза 3, для которой прогнозирование выполняется с использованием авторегрессионных моделей для временных рядов [WPP 2015b: 17].
7. На следующем этапе для каждой страны производится стохастическая имитация с использованием метода MCMC (Монте-Карло Марковские цепи) [Sevcikova et al. 2013: 5]. Например, для рождаемости производится имитация 600 тыс. траекторий будущей динамики. Основное преимущество, которое достигается стохастической имитацией, состоит в том, что наряду со средним значением демографических показателей появляется возможность рассчитать доверительные интервалы для каждого из них. В размещаемых результатах прогноза приводятся два основных варианта доверительных интервалов: 80 и 95%.
8. Для каждой страны также производится построение будущих траекторий для ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин с учетом изменений возрастных профилей смертности, основанное на использовании системы стохастического прогнозирования, аналогичного применяемому при прогнозе рождаемости.
9. Особенностью последних прогнозов ООН является не только внедрение усовершенствованных методов, моделей и алгоритмов расчетов, но и разработка пакетов прикладных компьютерных программ, позволяющих реализовать их участникам коллектива, который эти прогнозы готовит. Такие пакеты дают возможность увидеть, оценить, протестировать каждый этап расчетов, выявить специфику отдельных стран и точность настройки модельных параметров, увидеть особенности отдельных регионов и стран на графиках и картах. Отметим, что эти пакеты распространяются не только среди непосредственных участников авторского коллектива очередного пересмотра, но могут быть использованы и другими демографами в их прогнозных расчетах.
10. Перечислим вкратце некоторые другие этапы подготовки результатов прогноза: интерполяция и агрегирование показателей по возрасту, полу, периоду, странам, ранжирование стран по значению отдельных демографических показателей, оформление ключевых показателей в виде таблиц и графиков, описание результатов прогноза, их анализ и представление в сравнении с предыдущими прогнозами, размещение файлов с результатами прогнозных показателей и других документов на сайте UN DESA PD [WPP 2017] и др.

МОЖНО ЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ООН ДАЖЕ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОГО ПЕРЕСМОТРА РАССМАТРИВАТЬ КАК «МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ»?

Столь легковесная оценка совершенно непригодна применительно к прогнозам ООН, поскольку даже краткое описание методов прогнозирования достаточно ясно показывает, что прогноз представляет собой результат сложной организационно-технической процедуры, включающей многомерные информационные массивы и персонал, математические модели и алгоритмы расчетов, компьютерные программы и интернет-сайты с документацией, публикации и презентации. Для прогноза пересмотра 2015 г. можно дать некоторые ключевые количественные оценки объема и сложности выполненных работ: результаты прогнозных расчетов размещены в ~60 млн графоклеток в более чем сотне многомерных таблиц в пространстве периода в 150 лет (65 лет или более – базовый период, 85 лет – прогнозный), результаты представляют более двухсот территориальных единиц – стран и регионов мира, пола, возраста, прогнозных сценариев, демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции), а также сотни тысяч вариантов статистических испытаний. Минимальная оценка общего объема вычислений, сделанных при построении прогноза, $\sim 3 \cdot 10^{14}$.

КАК ВЫГЛЯДИТ КЛЮЧЕВОЙ РЕЗУЛЬТАТ ПРОГНОЗА?

Историческая динамика и перспективы численности населения мира по прогнозу последнего пересмотра представлены на рисунке 2.

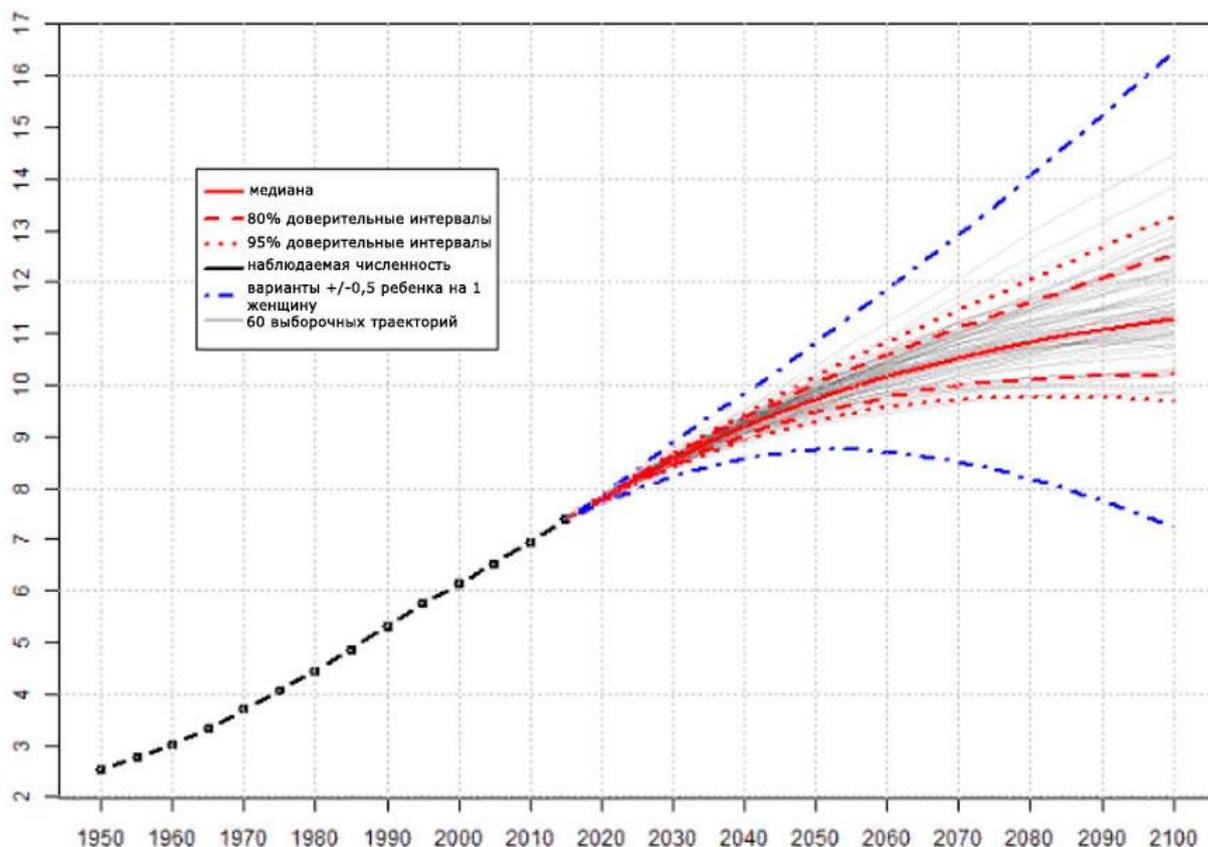

Рисунок 2. Наблюдаемая и прогнозная численность населения мира до 2100 г. по прогнозу пересмотра 2017 г. млрд человек

Источник: [WPP 2017].

Мировое население к 2017 г. составляло 7,6 млрд человек (50,4% – мужчины и 49,6% – женщины). Оно увеличилось на 1 млрд с 2005 г. и на 2 млрд с 1993 г. В 2017 г. число детей до 5 лет составило 9%, до 15 лет – 26%, пожилых в возрасте 60 лет и старше – 13%, и 80+ лет – 2%. Ежегодный прирост численности населения Земли в настоящее время оценивается в 83 млн человек. По среднему варианту прогноза к 2030 г., несмотря на снижение рождаемости, мировое население достигнет 8,6 млрд, к 2050 г. – 9,8 млрд, а к 2100 г. – 11,2 млрд человек. Даже если предположить, что снижение рождаемости ускорится, рост численности населения будет продолжаться как минимум до 2050 г. К 2030 г. мировое население с вероятностью 95% составит от 8,4 до 8,7 млрд человек. Этот прогноз к 2050 г. дает величину от 9,4 до 10,2 млрд, а к 2100 г. – от 9,6 до 13,2 млрд человек [WPP 2015a: Key finding and advance tables: 12].

КАКОВА ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРСПЕКТИВ МИРОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ООН?

Представленные ключевые цифры из пересмотра 2017 г. отличаются от того, что содержали предыдущие пересмотры. Общая тенденция прогнозных оценок мирового населения – рост от пересмотра к пересмотру. Например, прогноз численности мирового населения к 2050 г. по пересмотру 2002 г. составил 8,9 млрд человек, 2010 г. – 9,3 млрд, а по пересмотру 2017 г. – уже почти 9,8 млрд. Прогноз же на 2100 г. составил по пересмотру 2010 г. 10,1 млрд, а

2015 и 2017 г. – уже 11,2 млрд человек. Более детально прогноз по семи последним пересмотрам представлен в таблице 1.

Таблица 1. Прогнозная численность мирового населения в 2050 и 2100 г. по среднему варианту прогнозов ООН пересмотров 2004-2017 гг., млрд человек

Горизонт прогноза	Год пересмотра						
	2004	2006	2008	2010	2012	2015	2017
2050 г.	9,08	9,19	9,15	9,30	9,55	9,73	9,77
2100 г.	-	-	-	10,13	10,85	11,21	11,18

Источники: [WPP 2004, 2006, 2008, 2010, 2012, 2015a, 2017].

В ЧЕМ ПРИЧИНА ИЗМЕНЕНИЙ В ПРОГНОЗАХ?

Ответ на этот вопрос, по-видимому, не может быть однозначным. Рассмотрим несколько возможных причин роста оценок.

Причина №1. Оценки и прогнозные значения младенческой и детской смертности, использованные при построении прогнозов предыдущих пересмотров, оказались сильно завышенными, можно сказать излишне алармистскими. Реальная картина по мере ее уточнения и появления более свежих и точных данных достаточно быстро показала их ошибочность и, естественно, потребовала уточнения в следующих пересмотрах. В качестве примера приведем лишь одну страну – Мали, где по прогнозу пересмотра 2006 г. детская смертность в 2000-2005 гг. оценивалась на уровне 219 на 1000 родившихся живыми, прогноз уровня детской смертности на 2010-2015 гг. составил 180,5, а на 2045-2050 гг. – 87,2. В прогнозе же пересмотра 2017 г. оценка на 2010-2015 гг. была существенно меньшей – 125 на 1000, а прогноз на 2045-2050 гг. был изменен до величины 27,3 на 1000. В качестве иллюстрации в таблице 2 данный показатель представлен подробнее для трех стран с высоким сегодняшним уровнем детской смертности.

Таблица 2. Смертность детей до 5 лет, оценка и средний вариант прогноза ООН по данным пересмотров 2006 и 2017 гг., на 1000 родившихся живыми, Афганистан, Ангола и Мали

Страна	Пересмотр 2006 г.			Пересмотр 2017 г.	
	2000-2005 (оценка)	2010-2015 (прогноз)	2045-2050 (прогноз)	2010-2015 (оценка)	2045-2050 (прогноз)
Афганистан	252,0	219,9	106,9	81,3	30,8
Ангола	245,9	213,1	102,1	101,1	49,3
Мали	219,0	180,5	87,2	125,1	42,8

Источник: [WPP 2006, 2017].

ЧТО ПРОИСХОДИТ С РОЖДАЕМОСТЬЮ?

С оценками и прогнозами рождаемости дела обстоят по ряду стран несколько хуже, и это возможная Причина №2. По данным ООН рождаемость действительно продолжает снижаться в странах, где ее уровень остается еще высоким, однако темпами значительно более низкими, чем считалось ранее. Это явление даже получило свое название «stall»

(застой). Так, в Нигерии по прогнозу пересмотра 2006 г. коэффициент суммарной рождаемости (КСР) в 2000-2005 гг. оценивался на уровне 5,85 ребенка на 1 женщину, прогноз на 2010-2015 гг. составил 4,74, а на 2045-2050 гг. – 2,4. В прогнозе же пересмотра 2017 г. оценка на 2010-2015 гг. оказалась значительно более высокой – 5,74, а прогноз на 2045-2050 гг. – 3,55. В результате прогнозы для Африки предсказывают четырехкратный рост ее населения к концу XXI века. Перспектива изменений рождаемости на примере трех африканских стран с высоким уровнем рождаемости представлена в таблице 3.

Таблица 3. Коэффициент суммарной рождаемости, оценка и средний вариант прогноза ООН пересмотров 2006 и 2017 г., детей на 1 женщину

Страна	Пересмотр 2006 г.			Пересмотр 2017 г.	
	2000-2005 (оценка)	2010-2015 (прогноз)	2045-2050 (прогноз)	2010-2015 (оценка)	2045-2050 (прогноз)
Ангола	6,75	6,04	2,98	5,95	3,80
Нигер	7,45	6,88	3,78	7,40	4,79
Нигерия	5,85	4,74	2,40	5,74	3,55

Источники: [WPP 2006, 2017].

Как следует из прогноза, подготовленного в 2006 г., значения КСР на 2010-2015 гг. в двух из трех стран оказались существенно ниже, чем уточненные статистические оценки, рассчитанные позже, а новый прогноз на середину столетия во всех трех странах существенно превосходит прогноз 2006 г. Особенно выделяется Нигерия, где прогноз и оценка на 2010-2015 гг. различаются на 1 ребенка (на одну женщину)! Поскольку прогнозные значения в середине века по последнему прогнозу более чем на 1 ребенка выше, чем в пересмотре 2006 г., значительное превышение КСР в первой половине XXI века приводит к существенной разнице в численности населения страны к середине века: 410,6 млн человек по последнему прогнозу по сравнению с 288,7 млн по прогнозу 2006 г., т.е. разница составила более 120 млн человек! Существенное влияние заложенных при расчетах прогнозных значений суммарной рождаемости на примере только одной страны (Нигерии) подтверждается также при сравнении прогнозов численности населения страны в «соседних» пересмотрах 2010 и 2012 г., выполненном Мадсеном³. Более детально обоснованию причин существенных расхождений между указанными пересмотрами Отдел народонаселения ООН посвятил специальный выпуск бюллетеня *Population Facts* в декабре 2013 г. [PopFacts 2013]. В этом выпуске показано, что наибольший вклад (600 млн человек к 2100 г.) в разницу между двумя пересмотрами внесен после корректировки прогноза рождаемости по африканским странам, вызванной учтенными в прогнозе 2012 г. свежими данными обследований населения, проведенных в 2010-2011 гг.

КАК ОЦЕНИТЬ КАЧЕСТВО ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ?

Есть несколько подходов к решению проблемы оценки качества прогноза, для чего

³ Madsen E. (2013). New UN population projections released: pockets of high fertility drive overall increase // NewSecurityBeat - the blog of the Environmental Change and Security Program. June 26. URL: <https://www.newsecuritybeat.org/2013/06/population-projections-released-pockets-high-fertility-drive-increase/> (дата обращения: 25.09.2017).

используются различные термины: точность (accuracy), надежность (reliability), неопределенность (uncertainty) прогноза. Категории источников ошибок в прогнозе, согласно Хану и Лутцу [Khan, Lutz 2007]:

- ошибки в исходных данных (неполнота, трудности учета, искажения, недоучет при проведении переписей населения);
- неточности в определении прогнозных значений демографических параметров (например, ожидаемой продолжительности жизни при рождении);
- непредсказуемые события (эпидемии, войны, природные катастрофы, такие как наводнения или голод, экономические кризисы, наплыв мигрантов и др.);
- вероятностный характер демографических процессов, приводящий к флуктуациям в оценках чисел родившихся, умерших и мигрантов;
- неточности при формировании моделей для прогнозирования каждой из трех компонент: рождаемости, смертности или миграции, которые могут привести к ошибкам в прогнозных показателях.

При решении вопроса о возможности практического использования демографических прогнозов необходимо различать как минимум две стороны: собственно демографический и внедемографический аспекты.

КАК МОЖНО ОЦЕНИТЬ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОГНОЗЫ ООН С ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ?

Если коротко, то это демографическая безупречность. Что под этим понимается?

- В максимальной степени используются все доступные сведения национальной демографической статистики и переписей населения, что находит свое подтверждение в разделе источников данных для прогнозов ООН. В случае отсутствия или низкого качества этой статистики используются результаты выборочных обследований населения.
- Учитываются как общемировые закономерности и тенденции, так и исторические тренды основных демографических характеристик на уровне отдельных стран и регионов (рождаемости, смертности и миграции).
- Устранены факторы субъективности экспертных оценок, влияние роли числа экспертов, а также нормативный подход в определении будущей эволюции прогнозных параметров, которая рассчитывается с использованием многопараметрических моделей.
- Взгляды представителей мировой демографической науки на анализ демографических тенденций, их теоретическое объяснение и понимание в максимально возможной степени используются при прогнозировании. Это, например, концепция демографического перехода, модельные таблицы смертности и др.
- Технология построения прогноза позволяет проверять различные сценарии перспективной демографической динамики, тестировать прогнозы для отдельных стран и территорий, производить их настройку и увязку, обеспечить согласованность

различных показателей, привлекать к разработке прогноза специалистов из разных стран.

Однако достаточно ли перечисленных достоинств для гарантии расчета действительно надежного прогноза? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, что система прогнозирования учитывает явным образом, а что не учитывает вовсе. При внимательном рассмотрении оказывается, что в моделях, применяемых для оценки предстоящей эволюции демографических характеристик, в качестве фактора явно используется ТОЛЬКО время t ! Необходимо заметить, конечно, что, строго говоря, это не просто календарный период на горизонте прогноза, а относительное время текущей стадии демографического перехода для каждой конкретной страны. Однако при этом за бортом прогноза оказываются огромные пласты различного уровня факторов, которые в принципе могут существенно повлиять на течение демографического перехода. Они включают в себя следующие группы:

- экономическое развитие как важный фактор демографического поведения;
- климатические и экологические факторы, которые могут влиять на здоровье и смертность;
- изменения в социальной и политической организации общества во многих странах мира;
- рост или сохранение гетерогенности населения и неравенства различных регионов, слоев и групп: этнических, социальных, конфессиональных и др.;
- непредсказуемость демографической политики на национальном уровне.

Каждая из этих групп факторов в свою очередь содержит немало аспектов, компонентов или подсистем. Проиллюстрируем это на примере гетерогенности (неоднородности) населения по широкому набору признаков. В их качестве могут быть приведены следующие:

- уровень доходов и их источники;
- условия проживания и уровень жизни;
- ассортимент пищевых продуктов, меню, регулярность и объем питания;
- стиль жизни, физические нагрузки, стрессы, гиподинамия;
- объем, качество и доступность питьевой воды;
- риски природных и техногенных катастроф;
- угрозы терактов, военных, межэтнических, религиозных конфликтов;
- региональная дифференциация уровня и темпов урбанизации, автомобилизации;
- доступность и оперативность служб спасения, качество врачебной помощи;
- подверженность действию излучений, химических веществ, медикаментов.

В свою очередь данный список как, очевидно, не окончательный может быть легко дополнен еще десятками факторов. По большинству из перечисленных факторов могут серьезно различаться не только страны и регионы мира, но и районы, отдельные населенные пункты и типы поселений внутри каждой страны.

Что же служит причиной того, что демографические прогнозы тем не менее в основном успешно выполняются? Может быть предложено следующее достаточно общее объяснение:

- население и его поведение очень инерционны, особенно в сравнении с колебаниями экономической конъюнктуры, погодными катаклизмами и социально-политическими пертурбациями;
- действие большинства факторов на демографическое развитие выборочно, локально, а результат может проявиться с большим запаздыванием или только в результате длительного накопления результатов воздействия;
- разнообразные факторы воздействуют на отдельные процессы в населении в общем случае разнонаправлено, а их демографическая результирующая появляется только после агрегирования в один большой пул;
- равнодействующая множества разнонаправленных факторов в целом характеризует прогресс человеческой цивилизации, и она направлена, несомненно, в положительном направлении.

КАКОВА СТЕПЕНЬ ПРИМЕНИМОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ?

Отметим еще раз, что прогноз содержит миллионы значений различных показателей, цена ошибки каждого из них, несомненно, различна. С научной точки зрения, ответ на вопрос о том, можно ли использовать прогнозные показатели в решении практических задач, должен решаться на основании детального анализа ошибок, которые содержались в предыдущих прогнозах. В качестве образца фундаментального исследования в этой области могла бы быть взята сделанная в конце прошлого века работа Нико Кельмана [Kelman 1997]. Однако возможно ли и целесообразно ли повторение подобного исследования? Ответ, видимо, не будет положительным по следующим двум основным причинам.

- 1) Новейшие прогнозы ООН последних пересмотров 2010-2017 гг. [WPP 2010, 2012, 2015a, 2017] существенно отличаются по используемой методике от сделанных ранее. То есть четыре последних прогноза в отличие от прогнозов 2008 г. и предыдущих представляют собой, по сути, совершенно разные прогнозы. Поэтому любые апостериорные оценки ошибок, сделанных, например, в пересмотрах 1998 или 2006 г., дадут слишком мало информации о возможных ошибках в новейших прогнозах. С другой стороны, прогнозы пересмотров 2010-2017 гг. имеют слишком короткую историю (7 лет), чтобы получить такие апостериорные оценки сделанных в них ошибок для горизонта выполненного прогноза хотя бы в 20-30 лет.
- 2) Вероятностное прогнозирование, примененное в новейших пересмотрах, дает достаточное представление о степени их точности и риске ошибки. Поэтому содержащиеся доверительные интервалы основных показателей позволяют исследователям, работающим с прогнозом, оценить величину возможных ошибок и принять решение о целесообразности использования прогнозного значения конкретного демографического индикатора. В этом решении невозможно обойтись без анализа двух важнейших измерений: временного горизонта прогнозирования и территориального уровня.

КРАТКОСРОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ

Длина периода, на который делается прогноз, обычно используется для градации прогнозов как краткосрочных (10-20 лет), среднесрочных (20-40 лет) и долгосрочных (более 40 лет). Что касается краткосрочных прогнозов, в том числе ООН, представляется, что они могут рассматриваться как достаточно точные, обоснованные и пригодные для использования в практических целях экономического или экологического прогнозирования и в других сферах.

В этом случае, например, представляются вызывающими доверие оценки рейтинга наиболее крупных стран мира в не столь отдаленном будущем – в 2030 г. Как показано в таблице 4, рейтинги стран по последним двум пересмотрам совпадают, при этом прогнозная численность различается не более чем на 1-2%.

Таблица 4. Рейтинг первой десятки стран по численности населения в 2030 г., млн человек, прогнозы ООН пересмотра 2015 и 2017 гг.

№ п/п	Страна	Год пересмотра	
		2015	2017
1	Индия	1 528	1 513
2	Китай	1 416	1 441
3	США	356	354
4	Индонезия	295	295
5	Нигерия	263	264
6	Пакистан	245	244
7	Бразилия	229	225
8	Бангладеш	186	186
9	Мексика	148	148
10	Россия	139	141

Источники: [WPP 2015a, 2017].

Приведем примеры практических задач, где возможно использование краткосрочного прогноза: оценка требуемого количества доз вакцин и прививок в данной стране, числа учеников школьного возраста, объема потребности в питьевой воде, числа жителей страны в пенсионном возрасте, плотности населения и др.

С увеличением прогнозного горизонта растет и степень неопределенности будущего. Это, конечно, достаточно универсальный принцип, и он имеет место даже для сравнительно небольших стран с прекрасной статистикой населения и ее длительной историей, например для Норвегии, где данная проблема была отмечена в последних прогнозах населения страны [Tønnessen et al. 2016]. И там, и в прогнозах ООН растущая неопределенность будущего проявляется в том, что коридор доверительного интервала расширяется с переходом к более отдаленному периоду. Среднесрочные прогнозы представляются уже менее точными, поскольку возникает угроза того, что накопленная результирующая сила воздействия какого-либо неучтенного фактора при длительном воздействии может достаточно серьезно поколебать оценки предстоящего будущего. Но это вовсе не означает, что их нельзя применять. Скорее, наоборот. Для ряда задач применение результатов прогноза может оказаться необходимым и полезным. Рассмотрим пример эколога, который оценивает ожидаемый уровень выбросов CO₂ в Индии к 2040 г. По прогнозу ООН, население страны к этому сроку составит ~1,6 млрд человек и с

вероятностью 95% оно будет находиться в интервале 1,5-1,7 млрд. В принципе, любое число в указанном диапазоне эколог может взять в качестве значения фактора, определяющего уровень этих выбросов, поскольку риск ошибки окажется, скорее всего, значительно ниже, чем риски, связанные с другими, не менее важными компонентами, определяющими этот уровень, такими как уровень экономического развития, степень автомобилизации или развитие атомной энергетики. Для перечисленных факторов вряд ли ему удастся использовать более точные прогнозы этих и других компонент по сравнению с демографическими (возможное отклонение всего $\pm 7\%$).

КАКИЕ СУЩЕСТВУЮТ ДРУГИЕ ПРОГНОЗЫ МИРОВОГО НАСЕЛЕНИЯ?

Оценивая прогноз ООН, необходимо, конечно, иметь в виду, что есть и другие, альтернативные сценарии и прогнозы мирового населения. Наряду с ООН, опыт построения множества различных прогнозов населения мира и отдельных стран имеют другие международные научные организации и национальные статистические ведомства: Бюро переписей США (US Census Bureau), Международный институт прикладного системного анализа (IIASA), Бюро данных о народонаселении (Population Reference Bureau), Венский институт демографии (Vienna Institute of Demography), Мировой банк (World Bank) и др. В отличие от «чисто демографических» прогнозов представляет интерес, например, доклад Римскому Клубу, подготовленный Рандерсом Йоргеном, содержащий прогнозы перспективного состояния не только населения, но и климата, экономики, социальных и других процессов в 2052 г. В этих прогнозах, в частности, принят во внимание фактор, который может поколебать традиционные прогнозные оценки не только количественно, но и качественно, – уровень урбанизации. В представленном докладе приведена своя оценка максимальной численности мирового населения к 2040 г. на уровне 8,1 млрд человек, после чего ожидается ее снижение [Jorgen 2012].

КАК МОГУТ БЫТЬ ОЦЕНЕНЫ ДОЛГОСРОЧНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ?

Обсудим вопрос о долгосрочном прогнозе с временным горизонтом, превышающим 50 лет. То, что на численность и состав населения в столь отдаленной перспективе может повлиять множество различных факторов, большинство из которых прогнозировать крайне затруднительно, представляется несомненным. Рассмотрим более детально следующие три группы этих факторов. Первая группа – факторы, которые всегда существовали ранее, однако они носят во многом случайный характер и трудно прогнозируемы принципиально: землетрясения, цунами, наводнения, экономические кризисы и техногенные катастрофы. Еще одна группа – факторы, действующие наперекор процессам глобализации и общемировым тенденциям взаимной конвергенции. Они включают в себя новые характеристики политического, социального и экономического развития, а также перераспределения населения по территориям, которые в совокупности порождают все новые проблемы, неоднородности, неравномерности и угрозы. К ним можно отнести, например, растущую плотность населения, дефицит питьевой воды, неравенство населения

разных стран перед угрозами военных и межэтнических конфликтов. В третью группу можно включить принципиально новые угрозы, которые могут существенно повлиять на будущее развитие демографических процессов, однако, предугадать, сколько их и какие именно угрозы могут возникнуть, еще труднее. Для обоснования высоких шансов возникновения таких проблем в отдаленном будущем вернемся на время к середине XX века. Если бы в то время решалась задача построения прогнозов населения в современном их понимании, вряд ли можно было бы предсказать и тем более количественно учесть такие факторы, как появившаяся позднее эпидемия СПИДа, распространение генномодифицированных продуктов, вспомогательные репродуктивные технологии, изменение климата, радиоактивные и электромагнитные излучения... Что же говорить о Чернобыле или Фукусиме?

Приведенные три группы процессов в природе и обществе, которые в будущем могут существенно повлиять на здоровье населения и развитие демографических процессов и предсказание которых крайне затруднительно, неизбежно приводят к заключению, что к долговременному прогнозу необходимо подходить с высокой степенью скептицизма и давать себе отчет в его условности. Не доверять прогнозным показателям нам не позволяют не столько неточности в исходных данных или погрешности в собственно демографических расчетах, сколько то, что прогнозируемые показатели и структуры в значительной степени зависят от процессов, происходящих вне собственно демографии. Но демографы вовсе не претендуют на то, что они являются одновременно также и экономистами, экологами, политиками, психологами или фантастами-футурологами, которым ясны все факторы, способные в будущем формировать демографическое поведение. А вот решение вопроса, применять или не применять демографический прогноз в столь отдаленной перспективе, несомненно, зависит от того, какая конкретная прикладная задача решается. Здесь важно отметить, что новейшие прогнозы ООН дают меру риска того, что этот прогноз может не сбыться. Например, по вероятностному прогнозу ООН, население Нигерии к 2080 г. составит от 350 до 1000 млн человек. Риск того, что оно будет вне указанного интервала, составит 0,05. Если экономиста-футуролога такое соотношение риска ошибки и величины интервала устраивает, он сможет воспользоваться прогнозом для расчетов других необходимых ему социально-экономических индикаторов. Но ценность использования информации о перспективной численности населения из столь широкого интервала представляется крайне невысокой.

ЧТО НЕОБХОДИМО УЧЕСТЬ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОГНОЗА НЕ НА УРОВНЕ МИРА В ЦЕЛОМ, А ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ?

Другой важнейший аспект оценки демографического прогноза – территориальный уровень. Степень точности и достоверности прогнозов по большинству стран и регионов мира в краткосрочной и среднесрочной перспективе можно оценить достаточно высоко. Как показывает опыт предыдущих прогнозов, относительная ошибка в оценках численности населения в них, скорее всего, не будет превышать 3-5%. В качестве примера можно привести Францию, население которой к 2030 г. по среднему варианту прогноза составит 67,9 млн человек, а «вилка» при доверительном интервале 95% оценивается от 66 до 69 млн

[WPP 2017]. Другими словами, риск того, что численность населения окажется вне этого небольшого $\pm 2\%$ -ого интервала, составит 0,05. Однако это справедливо, к сожалению, не для всех стран. К числу «сомнительных» необходимо отнести, прежде всего, некоторые развивающиеся страны, где до сих пор отсутствует система учета естественного движения населения или качество этого учета оставляет желать лучшего. В прогнозных расчетах для них ошибка может превысить 10% или даже 15%. Например, в Афганистане число детей в возрасте до 15 лет к 2030 г. по среднему варианту прогноза составит ~16,45 млн. Но ширина доверительного интервала превысит $\pm 20\%$ [WPP 2017]! Нельзя исключить также, что и в XXI веке в некоторых странах могут произойти значительные крутые «повороты» в демографическом развитии, вызванные различными причинами. Для иллюстрации могут служить три примера. Первый – это Китай, где политика «Одна семья – один ребенок» привела к существенному сокращению рождаемости. Достаточно ярко этот результат заметен, если сравнить эволюцию коэффициента суммарной рождаемости в Китае с Индией, где она происходила «естественным путем», т.е. без кардинального вмешательства государства. Как проиллюстрировано на рисунке 3, в Китае в течение 30 лет КСР был в среднем на 1 ребенка ниже, чем в Индии, если за отправную точку взять примерно равные начальные его уровни (для этого показателя по Индии необходимо сдвинуть на 10 лет). Результат такой политики в Китае можно оценить с помощью условного «ретроспективного» демографического прогноза населения, если бы он делался в 1970 г., где в «мягком» варианте предстоящей динамики рождаемости была бы взята рождаемость Индии. В этом случае прогнозная оценка численности населения Китая к 2005 г. оказалась бы на 400 млн человек больше, чем это оказалось в действительности! Очередной крутой поворот для Китая после отмены указанной жесткой политики может еще раз ожидать нас в ближайшие десятилетия.

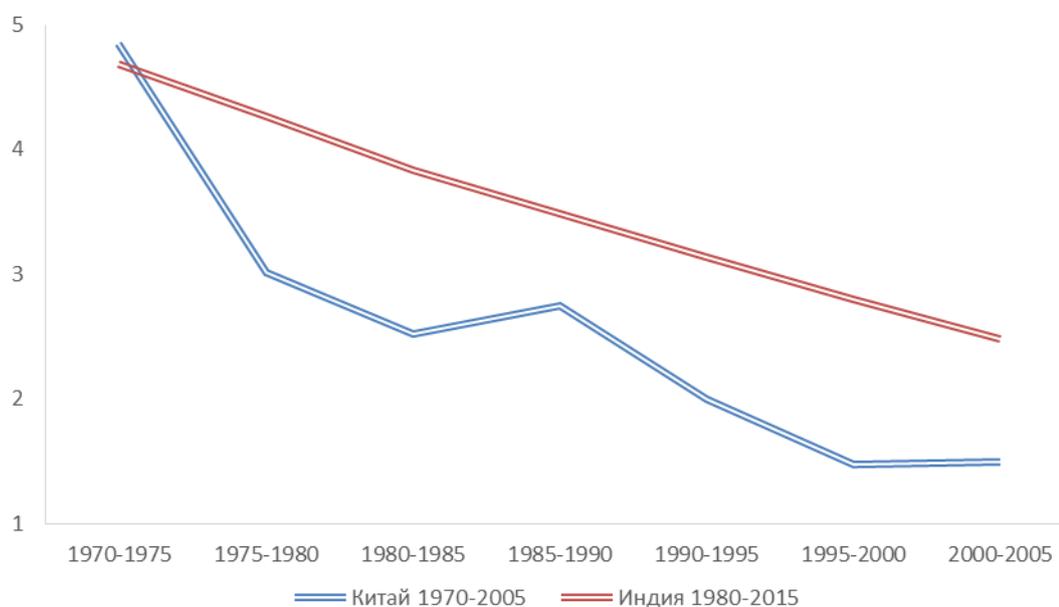

Рисунок 3. Коэффициент суммарной рождаемости в Китае (1970-2005 гг.) и Индии (1980-2015 гг.), детей на 1 женщину

Примечание. Линия для Индии сдвинута на 10 лет для совмещения начального уровня.

Источник: [WPP 2015a].

Еще один очень интересный пример 2 – Иран. Динамика КСР в Иране и восьми других странах ближайшего региона за последние 40 лет представлена на рисунке 4.

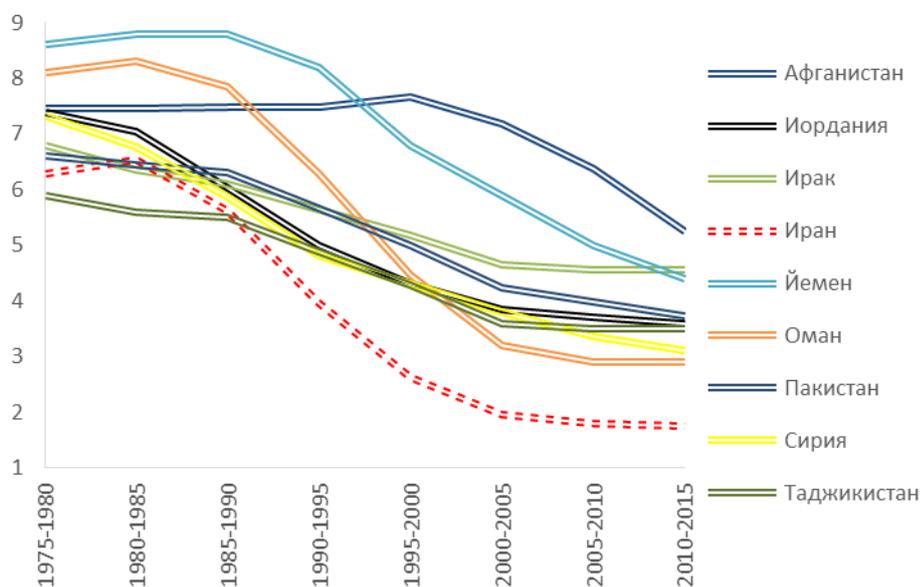

Рисунок 4. Коэффициент суммарной рождаемости в Иране и некоторых соседних странах, 1975-2015

Источник: [WPP 2015a].

График на рисунке 4 демонстрирует демографически достаточно уникальную историческую эволюцию рождаемости в отдельной стране, когда в течение 20 лет после исламской революции она сократилась более чем втрое. При этом, в отличие от Китая, снижение произошло без жесткой государственной антинаталистской политики.

Для этого примера можно предугадать потенциальную демографическую «осечку», если бы демографический прогноз для Ирана готовился в 1980 г. Вряд ли мог бы найтись в мире такой демограф, который осмелился бы тогда утверждать, что через 20 лет КСР окажется там ниже 2 детей на женщину.

И, наконец, нельзя не упомянуть пример 3 – Россию. Активная демографическая политика последних лет не только продемонстрировала свою результативность, но и нашла достаточно яркое отражение в эволюции прогнозов ООН. Для иллюстрации рассмотрим примеры последних пяти пересмотров (таблица 5).

Таблица 5. Прогноз численности населения России на 2025, 2050 г. по прогнозам ООН пересмотров 2006, 2008, 2012, 2015 и 2017 г., тыс. человек

Прогнозный период	Год пересмотра				
	2006	2008	2012	2015	2017
2025 г.	128 193	132 345	136 967	141 205	142 607
2050 г.	107 832	116 097	120 896	128 599	132 731

Источники: [WPP 2006, 2008, 2012, 2015a, 2017].

Таким образом, за исторически короткий период всего лишь в 11 лет прогнозные оценки ООН, сделанные для населения России, к середине века выросли почти на 25 млн человек!

Приведенные три примера дают основание утверждать, что, несмотря на демографическую безупречность, прогнозы ООН подвержены риску не оправдаться для некоторых стран по причинам, которые должны быть отнесены к категории не чисто демографических. По большинству показателей и стран прогноз может быть использован в практических целях, например, в социально-экономическом прогнозировании, но при этом следует проявлять определенную осторожность и скептицизм и делать по этому поводу оговорки об условности демографического прогноза. Нельзя исключить появление некоторых стран, для которых понятие «прогноз» становится не совсем корректным и уместным. Причина – в невозможности не только правильно спрогнозировать численность населения, но и вообще предугадать, предвидеть, что предстоящие изменения могут оказаться столь значительными, а направление этих изменений – столь неожиданным. Для таких стран вопрос не столько в некоторой количественной погрешности, а в качественно принципиальном фиаско при применении любого традиционного прогнозирования. Например, нельзя исключить возможность того, что Нигерия в ближайшие полстолетия пойдет по пути Китая или Ирана, что может опрокинуть сделанные для нее до сих пор прогнозные оценки.

А ВСЕ ЛИ ТАК ПЛОХО?

По прогнозам ООН, общий тренд роста мирового населения вплоть до конца века сохранится. Но возникает вопрос, а действительно ли эти перспективы столь неблагоприятны, чтобы оправдать алармистское восприятие этого прогноза? Чтобы убедиться в том, что ожидаемое будущее не столь безнадежно, рассмотрим вначале такой показатель, как темпы абсолютного прироста населения в течение оставшейся части XXI века.

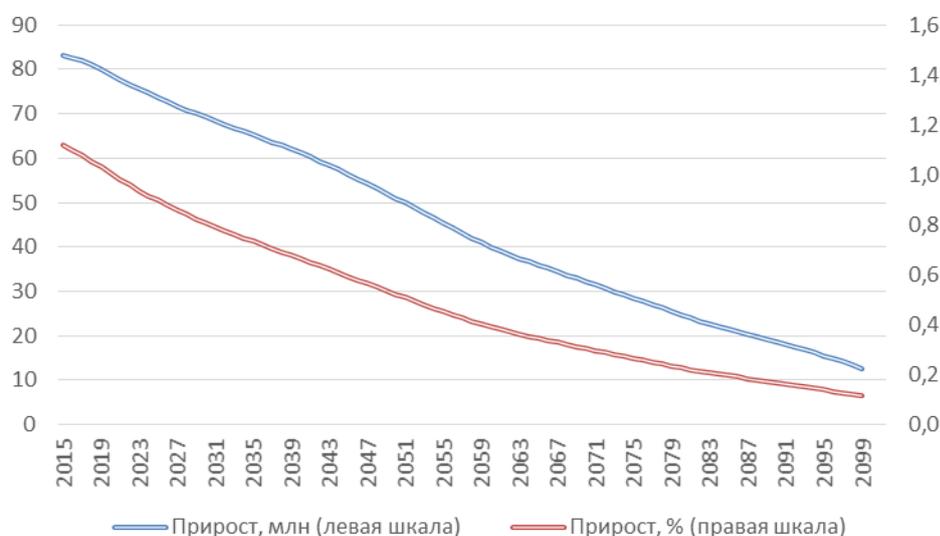

Рисунок 5. Ежегодный прирост мирового населения согласно среднему варианту прогноза ООН пересмотра 2015 г., 2015-2100, абсолютный в млн человек, относительный в %

Источник: [WPP 2015a].

Как показано на рисунке 5, за 85 лет прирост мирового населения сократится в 6,5 раза. Однако несколько больший оптимизм вызывает динамика относительного прироста, снижение этого показателя к концу века будет десятикратным! А это позволяет достаточно уверенно сделать заключение, что наступление эпохи стабилизации и снижения численности населения Земли не отменяется совсем, а лишь откладывается, и появляются некоторые надежды ее наступления несколько позже – в начале XXII века.

Есть ли у прогноза ООН слабые стороны?

Наряду с достаточно устойчивой в целом тенденцией неуклонного совершенствования прогнозов ООН от пересмотра к пересмотру, а также отмеченной выше их демографической безупречностью, это вовсе не означает, что история этих прогнозов абсолютно безоблачна, они вовсе лишены недостатков и не вызывают никаких нареканий. Поэтому для читателя может представлять определенный интерес перечисление некоторых замечаний. К примеру, у многих демографов в свое время множество вопросов вызвал пересмотр 2004 г., где проявилась явная «уравниловка» совершенно разных стран мира, притом не только развитых и имеющих рождаемость на уровне ниже простого воспроизводства населения, для которых к середине XXI века она ожидалась в среднем варианте прогноза на уровне 1,85 ребенка на 1 женщину. Изумление вызвало не само значение показателя и не совпадение этой величины в странах с разными трендами рождаемости, а число этих стран, которых в этом пересмотре оказалось более сотни! Здесь, очевидно, планка стремления экспертов к «всеобщему» консенсусу по поводу этого прогнозного уровня для совершенно различных стран была явно завышена. Необходимо отметить также, что Отдел народонаселения UN DESA неоправданно незначительно обращается с результатами своего труда, что проявляется в том, что после публикации результатов очередного пересмотра основной массив файлов и интернет-страниц предыдущего прогноза становится недоступным. Небольшим исключением являются лишь публикации, содержащие описание основных результатов прогноза, но они почему-то постоянно меняют свои названия: Highlights (2004), Analytical Report (2006), Highlights and Advance Tables (2012), Key Findings and Advance Tables (2015) и др. [WPP 2004, 2006, 2012, 2015a]. Интернет-страницы, опубликованные для пересмотра 2015 г., после выхода результатов следующего пересмотра исчезают, а ссылки на эти публикации в многочисленных публикациях теряют смысл. В отличие от демографических ежегодников ООН, полный комплект которых с 1948 г. доступен через Систему демографических ежегодников [DYS 2018], некоторые пересмотры на сайте прогноза ООН [WPP 2017] вообще отсутствуют и доступны лишь на других, внешних по отношению к ООН сайтах. Еще один недостаток – отсутствие основных документов прогноза на одном из официальных языков ООН – русском, перевод на который по стоимости вряд ли превышает 0,1-0,2% от всех работ по прогнозированию и уже оплачен взносами в ООН стран с

русскоговорящим населением (это не только Россия, но и Белоруссия, Украина, Казахстан и др.). Еще одна заметка по поводу публикации основных результатов прогноза относится к немалому числу различных версий «окончательных» (final) или «исправленных» (revised) их версий, многие из которых были опубликованы лишь через 1-2 или даже 4 года после выполнения прогноза соответствующего пересмотра. По этой причине, чтобы избежать путаницы между годом пересмотра и годом выхода соответствующих документов, в списке литературы в настоящей статье для них указан год **пересмотра**, а не год издания. Некоторые неточности были также замечены в описании источников данных, например, в пересмотре 2015 г. для сведений по смертности для населения России указывался в качестве источника Human Mortality Database для периода, который на самом деле в этой базе данных не был представлен в полном объеме. В последнем пересмотре небрежно оформлена легенда для оценок 1950-2015 гг., названных «observed», в разделе «Графики» для численности населения; их в ней найти крайне затруднительно (линия из тире с жирной точкой на графике описана в легенде как сплошная синяя).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный в статье прогноз населения мира, выполненный ООН в 2017 г., представляет собой результат серьезной и глубокой работы с представлением подробной разносторонней информации о предстоящем демографическом будущем. Прогноз может рассматриваться как серьезное достижение современной статистики, компьютерного моделирования и науки о народонаселении. Несмотря на то, что многие рассмотренные в статье факторы и причины, лежащие вне собственно демографических процессов, оказались непосредственно неучтенными в этом прогнозе, достоверность и обоснованность основных выводов и тенденций необходимо оценить достаточно высоко, а результаты прогноза могут быть использованы широкими кругами специалистов различного профиля: экономистами, политиками, экологами, социологами и представителями многих других областей. В краткосрочной перспективе точность этого прогноза может быть оценена на высоком уровне. Что же касается более отдаленной перспективы, прогнозные показатели могут быть также рекомендованы, но лишь в качестве ориентиров, прежде всего просто за неимением пока более глубоких системных междисциплинарных исследований и методик прогнозирования. При этом, однако, они должны восприниматься с некоторым скептицизмом и использоваться с осторожностью и с учетом результатов вероятностных характеристик прогнозируемых индикаторов. Пользователям прогноза необходимо отдавать себе отчет в определенной их условности и риске возможных погрешностей некоторых показателей для ряда стран и регионов мира, связанных с высокой степенью неопределенности будущего.

ЛИТЕРАТУРА

DYS (2018). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Statistics Division. Demographic Yearbook System. 1948-2016. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/products/dyb/#statistics> (дата обращения: 21.05.2018).

- Gerland P., A.E. Raftery, H. Ševčíková, N. Li, D. Gu, T. Spoorenberg, L. Alkema, B.K. Fosdick, J. Chunn, N. Lalic, G. Bay, T. Buettner, G.K. Heilig, J. Wilmoth (2014). World population stabilization unlikely this century // *Science*. 10 (October). Vol. 346. Is. 6206: 234-237.
- Jorgen R. (2012). 2052: A global forecast for the next forty years. Vermont, USA: Chelsea Green Publishing. 304 p.
- Keilman N. (1997). The Accuracy of the United Nation's World Population Projections // *Statistics Norway. Documents*. 97/4 (March). URL: https://www.ssb.no/a/histstat/doc/doc_199704.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
- Khan H.T.A., W. Lutz (2007). How well did past UN Population Projections anticipate demographic trends in six Southeast Asian countries? // *Oxford Institute of Ageing. Working paper 507*. Oxford, UK. URL: http://www.ageing.ox.ac.uk/files/workingpaper_507.pdf (дата обращения: 08.07.2017).
- Kunzig R. (2014). A world with 11 billion people? New Population projections shatter earlier estimates // *National Geographic*. URL: <http://news.nationalgeographic.com/news/2014/09/140918-population-global-united-nations-2100-boom-africa/> (дата обращения: 08.07.2017).
- Lutz W., W. Sanderson, S. Scherbov (1997). Doubling of world population unlikely // *Nature*. Vol. 387: 803-805.
- PopFacts (2013). Explaining differences in the projected populations between the 2012 and 2010 Revisions of World Population Prospects: The role of fertility in Africa // *Population Facts. UN DESA PD*. 10. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/popfacts/PopFacts_2013-10_new.pdf (дата обращения: 26.03.2018).
- Population projections. Don't panic (2014). A UN study sparks fears of a population explosion. The alarm is misplaced // *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/news/international/21619986-un-study-sparks-fears-population-explosion-alarm-misplaced-dont-panic> (дата обращения: 08.07.2017).
- Sevcikova H., A.E. Raftery, P. Gerland (2013). Bayesian probabilistic population projections: do it yourself // *United Nations Statistical Commission and Economic Commission for Europe Statistical Office of the European Union (Eurostat). Joint Eurostat/UNECE Work Session on Demographic Projections organised in cooperation with Istat (29-31 October 2013, Rome, Italy)*. Item 13 - Bayesian approaches. WP 13.2. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.11/2013/WP_13.2.pdf (дата обращения: 23.05.2018).
- Tønnessen M., S. Leknes, A. Syse (2016). Population projections 2016-2100: main results // *Statistics Norway*. URL: https://www.ssb.no/en/befolkning/artikler-og-publikasjoner/_attachment/270675?_ts=15571cbb700 (дата обращения: 21.05.2018).
- Wilmoth J. (2015). Global population projections by the United Nations // *Joint Statistical Meetings. Session 151 "Better demographic forecasts, better policy decisions"*. Seattle, 10 August. Presentation. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/about/director/pdf/2015.08.10_JSM_slides.pdf (дата обращения: 08.07.2017).
- Worstall T. (2017). The problematic assumption in the UN's 9.8 Billion people projection // *Forbes*. June. URL: <https://www.forbes.com/sites/timworstall/2017/06/22/the-problematic-assumption-in-the-uns-9-8-billion-people-projection/#b499e6d32918> (дата обращения: 25.09.2017).

- WP (2004). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population to 2300. New York: United Nations. URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/longrange2/WorldPop2300final.pdf> (дата обращения: 18.05.2018).
- WPP (1998). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Projections to 2150. New York: United Nations.
- WPP (2004). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2004 Revision. Highlights. New York: United Nations. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/WPP2004/2004Highlights_finalrevised.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
- WPP (2006). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2006 Revision. Vol. III: Analytical Report. New York: United Nations. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/WPP2006RevVol_III/WPP2006RevVol_III_final.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
- WPP (2008). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2008 Revision. Highlights. New York: United Nations. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/wpp2008/wpp2008_highlights.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
- WPP (2010). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2010 Revision. Vol. I: Comprehensive Tables. New York: United Nations. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/trends/WPP2010/WPP2010_Volume-I_Comprehensive-Tables.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
- WPP (2012). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2012 Revision. Highlights and Advance Tables. New York: United Nations. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/Files/WPP2012_HIGHLIGHTS.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
- WPP (2015a). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2015 Revision. Key Findings and Advance Tables. New York: United Nations. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/key_findings_wpp_2015.pdf (дата обращения: 18.05.2018).
- WPP (2015b). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2015 Revision, Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections. New York: United Nations. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2015_Methodology.pdf (дата обращения: (accessed: 18.05.2018).
- WPP (2017). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects 2017. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 18.05.2018).

ON THE LIMITS OF APPLICATION OF THE UN POPULATION PROJECTIONS

EUGENY SOROKO

The last few years have seen a significant growth of interest in UN population projections. The latest such projection made by the UN Population Division was published in 2017, and is, on the whole, in agreement both with previous UN projections and projections conducted by other institutions. According to the 2017 Revision, world population size will reach 9.772 billion persons in 2050 and 11.184 billion in 2100. However, these dry figures themselves cannot explain the appearance of harsh criticism of these projections. This paper aims to get a better grip on the real reason for this criticism – the new methods used in these projections and their significant reworking, or the results themselves. For this purpose, an analysis is made of the recent UN projections, their methods, the data used, and the results of projections made in the last 15 years. Shortcomings of the UN projections are discussed, as well as the limitations and conditionality of their possible use. It is shown that among the possible reasons for an increase in projected world population, the most significant ones include: 1) the overestimate of projected infant and child mortality in previous projections, and 2) the underestimate of the rate of fertility decline in several African countries. It is argued that short-term population projections should be trusted and may be used for practical purposes, while the conditionality of applying long-term projections, for which there are multiple possible unpredictable factors of future demographic development, significantly reduces their precision. For particular countries, a great uncertainty of long-term projection may be caused by a sharp change in population policy or sociopolitical organization. This is illustrated by examples for several countries.

Key words: *population, countries of the world, population projection, UN, revision, methods of projection, fertility, mortality, long-term projection, probabilistic projection.*

EUGENY SOROKO (esoroko@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE STUDY WAS IMPLEMENTED UNDER THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2017. PROJECT "TENDENCY OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE LONG-TERM POPULATION TRENDS".

DATE RECEIVED: MARCH 2018.

REFERENCES

- DYS (2018). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Statistics Division. Demographic Yearbook System. 1948-2016. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/products/dyb/#statistics> (accessed: 21.05.2018).
- Gerland P., A.E. Raftery, H. Ševčíková, N. Li, D. Gu, T. Spoorenberg, L. Alkema, B.K. Fosdick, J. Chunn, N. Lalic, G. Bay, T. Buettner, G.K. Heilig, J. Wilmoth (2014). World population stabilization unlikely this century // *Science*. 10 (October). Vol. 346. Is. 6206: 234-237.
- Jorgen R. (2012). 2052: A global forecast for the next forty years. Vermont, USA: Chelsea Green Publishing. 304 p.
- Keilman N. (1997). The Accuracy of the United Nation's World Population Projections // *Statistics Norway. Documents*. 97/4 (March). URL: https://www.ssb.no/a/histstat/doc/doc_199704.pdf (accessed: 18.05.2018).
- Khan H.T.A., W. Lutz (2007). How well did past UN Population Projections anticipate demographic trends in six Southeast Asian countries? // *Oxford Institute of Ageing. Working*

- paper 507. Oxford, UK. URL: http://www.ageing.ox.ac.uk/files/workingpaper_507.pdf (accessed: 08.07.2017).
- Kunzig R. (2014). A world with 11 billion people? New Population projections shatter earlier estimates // National Geographic. URL: <http://news.nationalgeographic.com/news/2014/09/140918-population-global-united-nations-2100-boom-africa/> (accessed: 08.07.2017).
- Lutz W., W. Sanderson, S. Scherbov (1997). Doubling of world population unlikely // Nature. Vol. 387: 803-805.
- PopFacts (2013). Explaining differences in the projected populations between the 2012 and 2010 Revisions of World Population Prospects: The role of fertility in Africa // Population Facts. UN DESA PD. 10. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/popfacts/PopFacts_2013-10_new.pdf (accessed: 26.03.2018).
- Population projections. Don't panic (2014). A UN study sparks fears of a population explosion. The alarm is misplaced // The Economist. URL: <https://www.economist.com/news/international/21619986-un-study-sparks-fears-population-explosion-alarm-misplaced-dont-panic> (accessed: 08.07.2017).
- Sevcikova H., A.E. Raftery, P. Gerland (2013). Bayesian probabilistic population projections: do it yourself // United Nations Statistical Commission and Economic Commission for Europe Statistical Office of the European Union (Eurostat). Joint Eurostat/UNECE Work Session on Demographic Projections organised in cooperation with Istat (29-31 October 2013, Rome, Italy). Item 13 - Bayesian approaches. WP 13.2. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.11/2013/WP_13.2.pdf (accessed: 23.05.2018).
- Tønnessen M., S. Leknes, A. Syse (2016). Population projections 2016-2100: main results // Statistics Norway. URL: https://www.ssb.no/en/befolkning/artikler-og-publikasjoner/_attachment/270675?_ts=15571cbb700 (accessed: 21.05.2018).
- Wilmoth J. (2015). Global population projections by the United Nations // Joint Statistical Meetings. Session 151 "Better demographic forecasts, better policy decisions". Seattle, 10 August. Presentation. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/about/director/pdf/2015.08.10_JSM_slides.pdf (accessed 08.07.2017).
- Worstell T. (2017). The problematic assumption in the UN's 9.8 Billion people projection // Forbes. June. URL: <https://www.forbes.com/sites/timworstell/2017/06/22/the-problematic-assumption-in-the-uns-9-8-billion-people-projection/#b499e6d32918> (accessed: 25.09.2017).
- WP (2004). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population to 2300. New York: United Nations. URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/longrange2/WorldPop2300final.pdf> (accessed: 18.05.2018).
- WPP (1998). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Projections to 2150. New York: United Nations.
- WPP (2004). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2004 Revision. Highlights. New York: United Nations. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/WPP2004/2004Highlights_finalrevised.pdf (accessed: 18.05.2018).

- WPP (2006). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2006 Revision. Vol. III: Analytical Report. New York: United Nations. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/WPP2006RevVol_III/WPP2006RevVol_III_final.pdf (accessed: 18.05.2018).
- WPP (2008). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2008 Revision. Highlights. New York: United Nations. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/wpp2008/wpp2008_highlights.pdf (accessed: 18.05.2018).
- WPP (2010). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2010 Revision. Vol. I: Comprehensive Tables. New York: United Nations. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/trends/WPP2010/WPP2010_Volume-I_Comprehensive-Tables.pdf (accessed: 18.05.2018).
- WPP (2012). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2012 Revision. Highlights and Advance Tables. New York: United Nations. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/Files/WPP2012_HIGHLIGHTS.pdf (accessed: 18.05.2018).
- WPP (2015a). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2015 Revision. Key Findings and Advance Tables. New York: United Nations. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/key_findings_wpp_2015.pdf (accessed: 18.05.2018).
- WPP (2015b). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects. The 2015 Revision, Methodology of the United Nations Population Estimates and Projections. New York: United Nations. URL: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2015_Methodology.pdf (accessed: 18.05.2018).
- WPP (2017). United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects 2017. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (accessed: 18.05.2018).

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ РАСЧЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

ОЛЬГА ПЁТЧ

Целенаправленная социально-экономическая политика немыслима без представлений о будущем развитии населения и его структуры. Перспективные расчеты населения позволяют получить такого рода компас. Их результаты показывают, как будут изменяться численность и структура населения при определенных гипотезах о развитии рождаемости, смертности и миграции. Поскольку эти демографические процессы протекают очень постепенно и их воздействие проявляется в полной мере лишь через несколько десятилетий, особый интерес представляют расчеты на долгосрочную перспективу.

Данная статья знакомит с официальными перспективными расчетами населения Федерального статистического управления Германии. Опираясь на широко распространенные в международной практике когортно-компонентный метод и сценарную технику, они имеют ряд особенностей. Как трактовка целей и интерпретация результатов, так и некоторые детали методологии, и дизайн сценариев как системы равноценных вариантов будущего развития отличны от принятых в настоящее время в России. На примере предположений 13-го координированного перспективного расчета о будущей динамике рождаемости статья знакомит с одним из возможных подходов к моделированию гипотез. В основе этого подхода находится анализ тенденций динамики репродуктивного поведения женщин реальных поколений. В заключение сделанные на базе данных 2013 г. выводы о будущем уровне итоговой рождаемости критически анализируются с учетом новых данных до 2016 г. о подъеме деторождения в Германии. Анализ факторов, сопутствующих этому процессу, позволяет оценить их потенциал для будущего развития рождаемости.

Ключевые слова: демографические прогнозы, когортно-компонентный метод, прогнозные гипотезы, рождаемость, средний возраст матери, откладывание рождений, компенсация рождений, коэффициент суммарной рождаемости, итоговая рождаемость.

ВСТУПЛЕНИЕ

Прогнозы или, точнее, перспективные расчеты населения – исключение в сфере официальной статистики. Присущая будущему неопределенность противоречит свойственному государственной статистике стремлению к максимально точному учету. Демографические прогнозы являются, однако, инструментом, без которого общество было бы лишено важного компаса и перспективная социально-экономическая политика была бы невозможна. Как в России, так и в Германии, о которой здесь пойдет речь, они привлекают пристальное внимание различных групп пользователей и нередко подвергаются критике самого разного калибра. Главной ее причиной служат, как правило, завышенные ожидания в отношении точности «предсказания» реального развития. Поэтому для грамотного использования перспективных расчетов важно понимание как их возможностей, так и их ограниченности.

ОЛЬГА ПЁТЧ (olga.poetzsch@destatis.de), ФЕДЕРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ, ФРГ.

Статья поступила в редакцию в декабре 2017 г.

Статья знакомит с официальными перспективными расчетами населения Федерального статистического управления Германии (далее ФСУ). При схожих с применяемыми в России методах расчета и поиска гипотез они отличаются трактовкой целей и интерпретацией результатов, а также некоторыми деталями методологии и дизайном вариантов. Этим особенностям посвящены первые три раздела. Поскольку в рамках одной статьи невозможно уделить одинаковое внимание всем гипотезам, в четвертом разделе рассматривается один из подходов к формированию предположений на примере рождаемости. Данный пример интересен, во-первых, потому что в основе предположений о рождаемости ФСУ Германии лежит не только широко применяемая формальная экстраполяция тренда коэффициентов рождаемости, но, в первую очередь, – демографический анализ репродуктивного поведения реальных поколений. Это дает возможность российскому читателю познакомиться с альтернативными подходами к обоснованию гипотез рождаемости. Во-вторых, ввиду необычно сильного отклонения реальных трендов рождаемости в 2014-2015 гг. от предположений последнего перспективного расчета населения на базе данных до 2013 г., интересно проанализировать, в какой степени эти актуальные изменения влияют на новые гипотезы о долгосрочных тенденциях в рождаемости.

1. ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПЕРСПЕКТИВНЫХ РАСЧЕТОВ НАСЕЛЕНИЯ ГЕРМАНИИ

В международной практике демографических прогнозов большое внимание уделяется терминологии. Это облегчает общение с пользователями, журналистами, оппонентами и коллегами из других стран. ФСУ Германии проводит и публикует так называемые *Координированные перспективные расчеты населения*. «Координация» касается подготовки гипотез и методологии расчетов на региональном и федеральном уровнях. Это является условием сопоставимости результатов по федеральным землям и по Германии в целом.

Понятию «перспективный расчет» (англ. *projection*, нем. *Vorausberechnung*) отдаётся предпочтение перед понятием «прогноз» (англ. *forecast*, нем. *Prognose*). Понятие «прогноз» используется крайне редко как обобщающий термин. Поскольку «прогноз» ассоциируется с чем-то предсказуемым или запланированным, то это понятие более адекватно для краткосрочных расчетов¹. Демографические же модели на длительную перспективу – как бы основательно они ни были продуманы и просчитаны – всегда условны: они показывают, как будут развиваться половозрастная структура и численность населения в случае протекания демографических процессов в соответствии с принятыми гипотезами². В этом имманентная ограниченность и в то же время большие преимущества перспективных расчетов при условии, что они научно обоснованы и объективны.

¹ Краткосрочные демографические прогнозы не менее важны, но они относятся к иной категории моделей и пока не разрабатываются федеральной статистикой.

² Для сравнения: Архангельский и Елизаров трактуют демографический прогноз как «научно обоснованное предвидение будущей демографической ситуации» [Архангельский, Елизаров 2016].

Воздействие демографических процессов на численность и структуру населения проявляется в полной мере лишь по прошествии нескольких десятилетий. С целью дать как можно более полную картину развития населения в будущем ФСУ Германии проводит перспективные расчеты на долгосрочный период от 40 до 60 лет. При этом приходится считаться с тем, что с увеличением прогнозного периода неизбежно усиливается гипотетический характер сделанных предположений.

При проведении долгосрочных перспективных расчетов речь, однако, не идет о том, чтобы «предвидеть» или «предсказать» точную цифру на тот или иной год. Более реальной, но не менее существенной, является верная оценка средне- и долгосрочных последствий протекающих или назревающих демографических изменений. В контексте современного развития Германии это относится в первую очередь к темпам старения населения, изменению соотношения между группами населения в трудоспособном и нетрудоспособном возрастах, а также к неравномерности развития регионов. Как показывает ретроспективный анализ отклонений прогнозных расчетов за период с 1997 по 2009 г. от реального развития, эту функцию они выполняли до сих пор надежно [Pöttsch 2016a].

Это позволяет, с одной стороны, подготовить общественность к практически неизбежным (при последовательном развитии) феноменам, таким, например, как резкое повышение численности людей в возрасте старше 80 лет. С другой стороны, это даёт возможность вовремя распознать негативные тенденции и принять меры, препятствующие их распространению или смягчающие их последствия.

В Германии одним из примеров такой реакции государства на результаты перспективных расчетов является постепенное повышение пенсионного возраста с 65 до 67 лет с 2012 по 2031 г. В этот период многочисленное поколение беби-бума (с конца 1950-х до конца 1960-х годов) выйдет из работоспособного возраста, а его место займут сравнительно малочисленные более молодые когорты. Постепенная передвижка пенсионной границы позволит сделать этот переход менее резким для систем социального страхования и уменьшить диспропорции между группами населения в работоспособном и пенсионном возрастах [Rürup-Bericht 2003]. Помимо пенсионной реформы, реакцией на перспективные расчеты населения стали также мероприятия семейной политики 2007-2014 гг. (см. раздел 4.4) и обширная дискуссия о низкой рождаемости, высокой бездетности и проблемах работающих родителей³.

Таким образом, цель официальных перспективных расчетов населения в Германии заключается прежде всего в том, чтобы своевременно и верно проанализировать возможные последствия протекающих демографических изменений и подготовить информационную базу для политики, экономики и общества. Если такая система предупреждения и реакции

³ Оценка демографической тенденции как «негативной» или «позитивной» делается, как правило, исходя из приоритетов данного времени. При выборе превентивных мер не всегда могут быть учтены все их возможные последствия, в том числе и негативные. Например, «политика одного ребенка» в Китае, введенная с целью ограничения роста населения, достигла своей приоритетной цели. Но одновременно она породила новые демографические проблемы: сильное старение населения и сверхпропорциональный рост доли мужского населения.

на предупреждение функционирует, то отклонение реального развития населения от прогнозной модели вследствие целенаправленной демографической политики является желаемым результатом.

Чтобы перспективные расчеты могли выполнить свою сигнальную функцию, им должен предшествовать верный анализ исходной демографической ситуации, а также долговременных и текущих тенденций в рождаемости, смертности и миграции.

В Германии проведение перспективных расчетов населения предписывается Законом о статистике населения [Bevölkerungstatistikgesetz 2015: §5]. ФСУ придает большое значение соблюдению *принципов нейтральности, объективности, научной обоснованности и доступности*, лежащих в основе германской официальной статистики. В обсуждении гипотез принимают участие только специалисты: группа экспертов из 7-10 членов (видные учёные и представители организаций, занимающихся прогнозированием) и представители земельных статистических управлений. Гипотезы и результаты нового перспективного расчета представляются президентом ФСУ на пресс-конференции для журналистов и публикуются на сайте для всех заинтересованных пользователей [Statistisches Bundesamt 2015a].

Первый прогнозный расчет был осуществлен в ФРГ в 1951 г. Координированные перспективные расчеты проводятся с 1966 г. Последний 13-й координированный расчет развития населения с 2014 по 2060 г. был опубликован в начале 2015 г. Один из его вариантов был актуализирован в начале 2017 г. с учетом изменений в результате беспрецедентного притока иммигрантов в 2015 г. Подробнее об этом сказано в разделе 3.

2. МЕТОДОЛОГИЯ РАСЧЕТОВ И ИСХОДНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Прогнозные модели ФСУ Германии основаны на когортно-компонентном методе. В России этот метод больше известен как „метод передвижки возрастов“. Этот подход возник в Англии и Уэльсе в конце XIX века [Cannan 1895] и был далее развит в 20-х годах XX века [Bowley 1924; Whelpton 1936]. Он многократно описан в литературе [напр. Willekens 1990; Архангельский, Елизаров 2016] и широко распространен в международной практике. Тем не менее порядок учета компонент и расчет параметров могут варьироваться и тем самым влиять на результаты. Поэтому уделим внимание некоторым деталям алгоритма, применяемого в настоящее время в Германии.

2.1 Особенности алгоритма когортно-компонентной модели ФСУ Германии

Население на конец базисного года распределяется по полу и возрасту от 0 до 110 лет. Для того чтобы определить, сколько женщин/мужчин (далее пол будет обозначен g) одинакового возраста доживет от конца одного до конца следующего года, используются данные об их численности на конец исходного года и соответствующие коэффициенты смертности⁴. Коэффициенты дожития из таблиц смертности не применяются, так как они

⁴ О соотношении частоты и вероятности события см. [Андреев 1972].

показывают, с какой вероятностью лицо, дожившие до точного возраста x , доживет до точного возраста $(x+1)$. Для перспективного расчета необходимо, однако, знать не только вероятность дожития до возраста $(x+1)$, но и до конца календарного года, в котором этот возраст был достигнут. Поэтому алгоритм расчетов предусматривает следующее преобразование вероятности умереть ($q_{x,j}^{(g)}$) в условную вероятность дожить от конца года j до конца года $(j+1)$:

$$p_{x,j}^{(g)} = p(\text{дожить до } 31.12.(j+1), \text{ если лицо дожило до } 31.12.j) = \frac{(1 - q_{x,j}^{(g)})(1 - q_{x+1,j+1}^{(g)})}{(1 - q_{x,j}^{(g)})/2}.$$

Исходя из населения $P_{x-1,j-1}$, в течение года j умирают $(1 - p_{x-1,j-1})P_{x-1,j-1}$ человек и рождаются $f_{x,j}P_{x,j}^w$ детей (верхним индексом w обозначается женское население).

При учете миграции ($M_{x,j}^{(g)}$ – сальдо эмигрантов и иммигрантов пола g и возраста x в году j) делается допущение, что эмигранты и иммигранты в среднем полгода находятся на рассматриваемой территории. Поэтому население в возрасте x лет, пола g на 31.12. j для всех когорт старше нулевого возраста ($x > 0$) рассчитывается по формуле:

$$\begin{aligned} P_{x,j}^{(g)} &\approx P_{x-1,j-1}^{(g)} + M_{x,j}^{(g)} - (1 - p_{x-1,j-1}^{(g)})(P_{x-1,j-1}^{(g)} + M_{x,j}^{(g)})/2 \\ &= p_{x-1,j-1}^{(g)}P_{x-1,j-1}^{(g)} + (1 + p_{x-1,j-1}^{(g)})M_{x,j}^{(g)}/2. \end{aligned}$$

Таким образом, полученное на конец прогнозного года население включает: а) иммигранток (Z); б) эмигранток (A) детородных возрастов. В рамках модели для них допускается половина возрастной вероятности родить ребенка в течение того полугодия, когда они находились на рассматриваемой территории:

$$\text{а) } f_{x,j}(1 + p_{x-1,j-1}^{(w)})Z_{x,j}^{(w)}/4 \quad \text{или б) } f_{x,j}(1 + p_{x-1,j-1}^{(w)})A_{x,j}^{(w)}/4.$$

В целом число рождений на 31.12. j следовательно составляет:

$$B_j^{(g)} = \sum_x f_{x,j}^{(g)}(P_{x,j}^{(w)} - (1 + p_{x-1,j-1}^{(w)})M_{x,j}^{(w)}/4)$$

Численность нулевой когорты с учетом младенческой смертности исчисляется по формуле:

$$P_{0,j}^{(g)} \approx p_{0,j}^{(g)} \sum_x f_{x,j}^{(g)}(P_{x,j}^{(w)} - (1 + p_{x-1,j-1}^{(w)})M_{x,j}^{(w)}/4) + (1 + p_{0,j}^{(g)})M_{0,j}^{(g)}/2,$$

где $p_{0,j}^{(g)}$ - вероятность для новорожденного пола g в году j дожить до 31.12. j .

Младенческая смертность распределяется неравномерно в течение первого года жизни, так как вероятность умереть в первом полугодии значительно выше, чем во втором. Если этого не учесть, то смертные случаи будут неверно распределены по календарным годам, а размер нулевой когорты будет систематически завышаться. Поэтому вводится

корректирующий коэффициент, соответствующий доле умерших в первом полугодии в общей численности умерших в течение первого года жизни. В настоящее время он составляет для мальчиков $\alpha \approx 0,90$, а для девочек $\alpha \approx 0,89$. Вероятность дожития для нулевой когорты рассчитывается по формуле:

$$p_{0,j}^g = 1 - \alpha q_{0,j}^g$$

2.2 Исходная информация

Говоря об исходной информации, мы делаем различие между непосредственно прогнозным расчетом и формированием гипотез. Источником данных для самого расчета является текущая статистика населения. Население на конец базисного года распределяется по полу и году рождения (годовым когортам). Возрастные коэффициенты рождаемости для девочек пересчитываются со среднегодовых на конец года. При этом в знаменателе коэффициентов среднегодовое женское население заменяется на население по состоянию на 31 декабря. Возрастные коэффициенты смертности получают из таблицы смертности базисного периода.

База данных для формирования гипотез гораздо шире. Сюда входят динамические ряды возрастных и суммарных коэффициентов рождаемости для гипотетических (условных) и реальных поколений на базе текущей статистики, а также распределение женских когорт по числу рождений на базе данных обследования домохозяйств⁵. Для гипотез по ожидаемой продолжительности жизни используются динамические ряды половозрастных коэффициентов смертности за период с конца XIX века.

Предположения по сальдо внешней миграции основываются, в первую очередь, на данных о внешней эмиграции и иммиграции начиная с 1950 г. Помимо этого привлекаются экспертные оценки и данные ООН по демографической и экономической ситуации в типичных для Германии регионах – источниках миграции, а также вся имеющаяся в распоряжении информация о факторах, которые могут повлиять на миграционные потоки в будущем. Для детальных гипотез по половозрастной структуре мигрантов рассчитываются среднегодовые распределения прибывающих и выбывающих из страны. При этом учитывается, что половозрастные распределения в период сильной миграции могут быть иными, чем в период миграционного «затишья».

Внутренняя миграция между федеральными землями рассчитывается для каждого прогнозируемого года одновременно для всех 16 федеральных земель. Предположения базируются на данных за последние три года об удельной доле выбывающих в населении каждой земли по половозрастным группам. Произведение исходной численности населения определенной когорты и соответствующей процентной доли даёт всегда отличное от нуля число выбывающих из конкретной земли в прогнозном периоде. Выбывающее из данной земли население является одновременно прибывающим в остальных 15 землях.

⁵ Обследование домохозяйств Mikrozensus охватывает ежегодно 1% населения; каждые 4 года в рамках этого обследования женщины в возрасте от 15 до 75 лет опрашиваются о числе рожденных ими детей [Statistisches Bundesamt 2017c; Bujard et al. 2015; Schwarz 2001].

Распределение выбывающих по землям осуществляется в свою очередь в соответствии с удельными долями, наблюдавшимися за последние три года базисного периода.

3. ГИПОТЕЗЫ И ДИЗАЙН ПЕРСПЕКТИВНЫХ РАСЧЕТОВ

В основе гипотез лежит анализ долговременных трендов и актуальных тенденций основных демографических процессов: рождаемости, смертности и миграции. По каждому из этих процессов принимаются, как правило, две или три гипотезы. Каждая из них рассматривается как сценарий, реально возможный, исходя из всей имеющейся на настоящий момент информации.

Все гипотезы комбинируются между собой в варианты перспективного расчета. При этом сознательно избегается традиционная схема из высокого, среднего и низкого вариантов. Такая схема неизбежно ведет к тому, что средний вариант трактуется пользователями как наиболее вероятный. ФСУ Германии придерживается, однако, точки зрения, что одной *вероятной* траектории будущего развития быть не может. В развитии рождаемости и смертности всегда возможны вариации тренда. Предположения по миграции могут в лучшем случае обозначить границы, в которых будет варьироваться среднее сальдо миграции в течение длительного периода. Принцип транспарентности требует поэтому уже в дизайне перспективных расчетов учитывать присущую будущему неопределённость, с чем должны считаться и пользователи. В идеальном случае это должна быть продуманная система вариантов реально возможных траекторий будущего развития.

(Заметим в скобках: было бы, конечно, наивно утверждать, что такая трактовка официальных перспективных расчетов устраивает всех. Уже в 1972 г. известный американский демограф Натан Кейфиц метко заметил, что «демографы делают расчеты будущего населения обычно как проекцию. ... Но пользователь, как правило, не профессиональный демограф, и он ожидает *предсказания* того, что действительно произойдет в будущем»⁶ [Keyfitz 1972: 353]. Стремление принять одну единственную долгосрочную проекцию за надежный прогноз (предсказание) будущего существует, конечно, и у части пользователей в Германии [zur Nieden et al. 2016; Pöttsch 2016a]).

Помимо вариантов, перспективные расчеты ФСУ всегда включают так называемые дополнительные модели. Такие модели основаны на предположениях, представляющих интерес с аналитической точки зрения, но маловероятных как сценарий будущего развития. Это, например, предположения с нулевым и со стабильно завышенным сальдо миграции, с коэффициентом суммарной рождаемости на уровне простого воспроизводства (2,1 ребенка на женщину) или с замедленным ростом ожидаемой продолжительности жизни.

Последний 13-й координированный перспективный расчет включал 8 вариантов и 3 дополнительных модели [Statistisches Bundesamt 2015b; Pöttsch 2016a] (таблицы 1,2).

⁶ Перевод автора из текста оригинала.

Таблица 1. Основные гипотезы 13-го координированного перспективного расчета для Германии

Компоненты/гипотезы	Тренд	Параметры	
<u>Рождаемость</u>		<i>Коэффициент суммарной рождаемости, рождений на женщину</i>	<i>Средний возраст матери при рождении ребенка, лет</i>
База 2013 г.		1,4	30,7
Гипотеза G1	Почти неизменный	1,4 (в актуализированном прогнозном расчете на базе 2015 г. гипотеза G1 соответствовала КСР=1,5)	Повышение до 31,8; 2028-2060 гг. стабильный
Гипотеза G2	Легкое повышение	Повышение до 1,6; 2028-2060 гг. стабильный	Повышение до 31,4; 2028-2060 гг. стабильный
<u>Смертность</u>		<i>Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет</i>	<i>Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет, лет</i>
База 2010-2012 гг.		мальчики – 77,72 девочки – 82,80	мужчины – 17,46 женщины – 20,74
Гипотеза L1	Умеренное повышение до 2060	мальчики – 84,77 девочки – 88,80	мужчины – 21,96 женщины – 25,05
Гипотеза L2	Сильное повышение до 2060	мальчики – 86,72 девочки – 90,42	мужчины – 23,65 женщины – 26,55
<u>Миграция</u>		<i>Годовое сальдо миграции, человек</i>	<i>Сальдо за период с 2014 по 2060 г. (среднегодовое/кумулятивное):</i>
База 2014 г.	-	500 000	-
Гипотеза W1	Долгосрочный, нижняя граница	Постепенное снижение до 100 000 в 2021 г., затем постоянный уровень до 2060 г.	130 000 чел. в год/ 6,2 млн чел.
Гипотеза W2	Долгосрочный, верхняя граница	Постепенное снижение до 200 000 в 2021 г., затем постоянный уровень до 2060 г.	230 000 чел. в год/ 10,6 млн чел.

Комбинации гипотез G1-L1-W1 (1-й вариант) и G1-L1-W2 (2-й вариант) показывают, как будет развиваться население до 2060 г., если наблюдаемые до базисного периода тенденции в рождаемости и смертности будут продолжаться и в будущем, а позитивное сальдо миграции будет варьироваться с 2021 до 2060 г. в пределах от 100 до 200 тыс. человек в год. Таким образом, данные варианты образуют коридор, в пределах которого будет развиваться население Германии в случае продолжения демографических трендов⁷. Комбинация гипотез G2-L1-W2 (6-й вариант) иллюстрирует относительно молодую модель населения с реально возможным, но до момента проведения расчетов ещё не

⁷ URL: <https://service.destatis.de/bevoelkerungspyramide/index.html#l=ru> (дата обращения: 21.12.2017).

наблюдавшимся, повышением рождаемости, умеренным ростом продолжительности жизни и относительно высоким сальдо миграции. В отличие от этого варианта, комбинация G1-L2-W1 (3-й вариант) демонстрирует противоположный сценарий: с быстрым старением населения при устойчиво низкой рождаемости, ускоренном росте продолжительности жизни и относительно низком сальдо миграции. Прочие комбинации показывают, в частности, в каких границах может варьироваться численность населения, исходя из сделанных предположений.

Таблица 2. Гипотезы дополнительных моделей

Компоненты/гипотезы	Параметры	
<u>Рождаемость</u>	<i>Коэффициент суммарной рождаемости, рождений на женщину</i>	<i>Средний возраст матери при рождении ребенка, лет</i>
Гипотеза G3	Подъем до уровня простого воспроизводства, с 2015 г. стабильно 2,1	Повышение до 31,2; с 2015 г. стабильный
<u>Миграция</u>	<i>Годовое сальдо миграции, человек</i>	<i>Сальдо за период с 2014 по 2060 г. (среднегодовое/кумулятивное):</i>
Гипотеза W0	Нулевой баланс иммиграции и эмиграции	0/0
Гипотеза W3	300 000 с 2015 г.	300 000 чел. в год./14,3 млн чел.

Ни в одном из этих вариантов, впрочем, не был и не мог быть предусмотрен беспрецедентный рост иммиграции в Германию в 2015 г. За один год население страны выросло почти на миллион человек. Поскольку еще не ясно, как будет развиваться миграция (в особенности из кризисных регионов восточной Азии) в дальнейшем и как она повлияет на демографические процессы, в частности на рождаемость, ФСУ Германии ограничилось в начале 2017 г. лишь актуализацией второго варианта 13-го координированного перспективного расчета (G1-L1-W2) [Statistisches Bundesamt 2017a]. Он базируется на данных о населении по состоянию на 31.12.2015 и актуализированных исходных коэффициентах рождаемости и смертности. Принятые ранее гипотезы о развитии рождаемости и смертности остались неизменными, сальдо миграции на период с 2016 до 2019 г. было повышено, а с 2020 г. соответствует прежним предположениям. Очередной 14-й перспективный расчет планируется на начало 2019 г.

Подходы к поиску гипотез различаются в зависимости от специфики демографического процесса. В следующем разделе мы рассмотрим, как были обоснованы гипотезы 13-го перспективного расчета по рождаемости и как они выдерживают проверку временем.

4. ГИПОТЕЗЫ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОЖДАЕМОСТИ В ГЕРМАНИИ

4.1 Подход и исходная информация

Гипотезы по рождаемости формулируются, как правило, для коэффициента суммарной рождаемости условных поколений (КСР для календарных лет) и параметров возрастного

распределения коэффициентов рождаемости, таких как, например, модальный или средний возраст матери при рождении ребенка [Архангельский, Елизаров 2016]. Третья составляющая, влияющая на число рождений в календарном году, – численность женского населения в детородных возрастах – вытекает из структуры и численности населения в базисном и прогнозном периодах.

В официальных перспективных расчетах населения Германии коэффициент суммарной рождаемости является не объектом моделирования предположений, а его следствием. В основе моделирования гипотез лежат анализ и экстраполяция возрастных трендов рождаемости, с одной стороны, и предположения о развитии среднего итогового числа детей реальных поколений, с другой. Таким образом, формальная экстраполяция возрастных трендов контролируется с учетом предположений о репродуктивном поведении реальных женских поколений и их вкладе в календарную рождаемость. Это особенно важно, поскольку динамические ряды возрастных коэффициентов отчасти подвержены колебаниям и формальная экстраполяция тренда недостаточно надежна.

Большое внимание уделяется также аналитическому обоснованию предположений. При этом исходная информация и тенденции в самой рождаемости во многом предопределяют пути поиска гипотез.

Главными источниками данных являются макропоказатели статистики рождаемости, с одной стороны, и результаты 1%-го обследования домашних хозяйств, с другой. При выборе методов анализа приходится считаться с ограниченностью исходной информации. Например, данные об очередности рождений в течение жизни женщины имеются в статистике рождаемости Германии в полном объеме только с 2009 г. До этого регистрировалась только очередность рождений в текущем браке (исключение составляет статистика ГДР до 1989 г.). Так как с начала 1990-х годов доля внебрачных рождений и повторных браков последовательно росла, то использование распределения по очередности рождений сильно ограничено и не позволяет, в частности, на настоящий момент анализировать специальные таблицы по очередности рождений⁸ [Luy, Pöttsch 2011]. На основе репрезентативных данных обследования домохозяйств возможен, однако, анализ распределения реальных поколений по числу рожденных детей. Эта информация является важным дополнением текущей статистики рождаемости.

4.2 Тенденции, лежащие в основе предположений о будущем развитии рождаемости в Германии

Уровень рождаемости в Германии чрезвычайно низок даже на фоне относительно низкой рождаемости в развитых странах мира, редко достигающей уровня простого воспроизводства (т.е. КСР в размере 2,1 ребенка на женщину). Помимо этого коэффициент суммарной рождаемости находится уже более 40 лет в пределах от 1,3 до 1,5 рождения на

⁸ Модель, позволяющая оценить вероятность перехода от бездетности к первому ребенку, от первого ко второму и т.д. (Parity Progression Ratio, см. [Захаров 2017]). Поскольку полные данные о распределении по очередности рождения имеются в немецкой статистике лишь с 2009 г., то охват репродуктивного цикла (30-35 лет) будет возможен самое раннее к 2039 г.

женщину. В 1994 г. он достиг своего исторического минимума – 1,2 рождения на женщину, затем несколько повысился и с 1997 по 2011 г. колеблется около 1,4 рождения на женщину.

С 2012 г. в рождаемости появилась новая позитивная динамика. В преддверии предстоящего очередного 14-го перспективного расчета необходимо проанализировать, каковы ее причины и потенциал для будущего развития. В начале ознакомимся с устойчивыми тенденциями, на основании которых были приняты гипотезы о рождаемости на базе 2013 г.

1. Стабильность коэффициента суммарной рождаемости условных поколений при последовательном изменении календаря рождений

С начала 1980-х годов кумулятивная рождаемость в возрасте до 29 лет в Германии последовательно снижалась (рисунок 1). Одновременно росла частота рождений в старших детородных возрастах. Этот рост, в среднем, компенсировал снижение рождаемости в возрасте до 29 лет, что обеспечивало относительную стабильность КСР условных поколений. С 2006 г. вклад рождаемости в возрастах от 30 до 49 лет в КСР превышает вклад молодых возрастов.

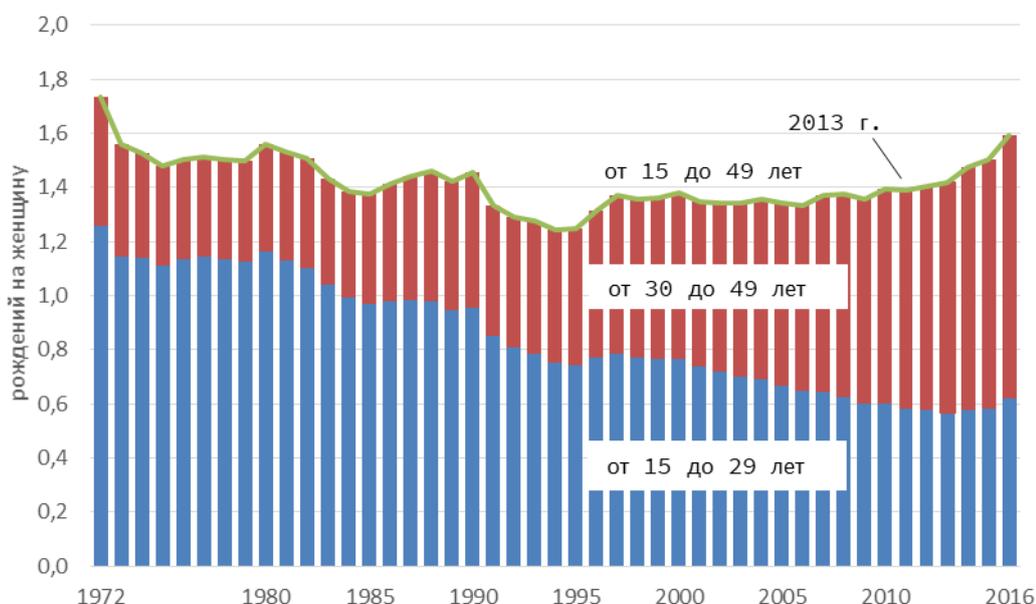

Рисунок 1. Коэффициент суммарной рождаемости и сгруппированные коэффициенты рождаемости для женщин в возрасте до и от 30 лет. Условные поколения, Германия, 1972-2016

Источник: Расчеты автора по данным ФСУ Германии.

С 2012 г. наблюдается ежегодный прирост КСР. Он был обусловлен стабилизацией рождаемости в возрасте до 29 лет, с одной стороны, и некоторым усилением роста рождаемости в старших возрастах, с другой. Эта новая тенденция, которая еще не присутствовала при разработке предположений последнего перспективного расчета на базе 2013 г., будет прослежена в репродуктивном поведении реальных поколений в разделе 4.4.

2. Рост среднего возраста матери при рождении первого ребенка

За последние 40 лет в Германии повысился не только средний возраст при рождении ребенка для всех матерей, но прежде всего возраст матери при рождении первого ребенка. В западногерманских землях он вырос с 1970 по 2015 г. с 24 до почти 30 лет. В восточной части Германии, где календарь рождений вплоть до момента объединения Германии в 1990 г. был году очень «молодым», матери при рождении первого ребенка только за 16 лет (1989 – 2015 гг.) «постарели» в среднем на 6 лет: с 23 до почти 29 лет. В целом по Германии средний возраст женщин при рождении первого ребенка составил в 2015 г. 29,7 года. Соответственно, число и доля «молодых» матерей постоянно уменьшается, а фактический детородный период – с момента рождения первого ребенка до завершения репродуктивной фазы – сужается.

3. Снижение итоговой рождаемости реальных поколений по мере повышения среднего возраста матери

В отличие от КСР условных поколений, среднее итоговое число детей женщин реальных поколений, родившихся после 1940 г., почти последовательно снижалось вслед за снижением рождаемости в молодых возрастах (рисунок 2). Компенсация ранее не реализованных рождений в старших детородных возрастах в реальных поколениях была далеко не полной. В этом значительное отличие Германии от таких европейских стран с высоким возрастом материнства, как например, Франция или Швеция. Если в этих странах не состоявшиеся в молодых возрастах рождения были лишь «отложены» на более поздний возраст [Frejka, Sobotka 2008], то в Германии значительная часть рождений, не реализованных в молодых возрастах, так и не состоялась до завершения детородного периода.

Снижение итогового числа рождений достигнет своего минимума в когортах 1968-1969 годов рождения. Затем ожидается стабилизация и даже легкий подъем КСР реальных поколений. В основе этих изменений лежат стабилизация уровня рождаемости в возрасте до 29 лет, с одной стороны, и одновременное продолжение роста рождаемости в старших возрастах, с другой. Эта благоприятная ситуация заканчивается, однако, с возобновлением спада рождаемости в молодых возрастах в когортах начиная с 1975-го года рождения. Пока мы не знаем, какова будет рождаемость этих поколений в ближайшие годы. Но если даже она будет повышаться в том же темпе, как за последние десять лет, то в результате будет лишь компенсировано снижение рождаемости в возрасте до 29 лет. Более того, в возрастах от 36 до 40 лет компенсация должна быть такой же сильной, как и в возрастах от 30 до 35 лет, являющихся в настоящее время главными детородными возрастами [Sobotka et al. 2011; Pötzsch 2013, 2016b]. Уже это условие показывает, что такое предположение является довольно оптимистичным сценарием. Для последовательного же роста итогового числа детей необходима была бы рождаемость в возрастах от 30 до 49 лет, превышающая необходимую компенсацию «отложенных» рождений. Такой сценарий представляется маловероятным, как показывает последующий анализ тенденций в распределении женщин по числу рождений.

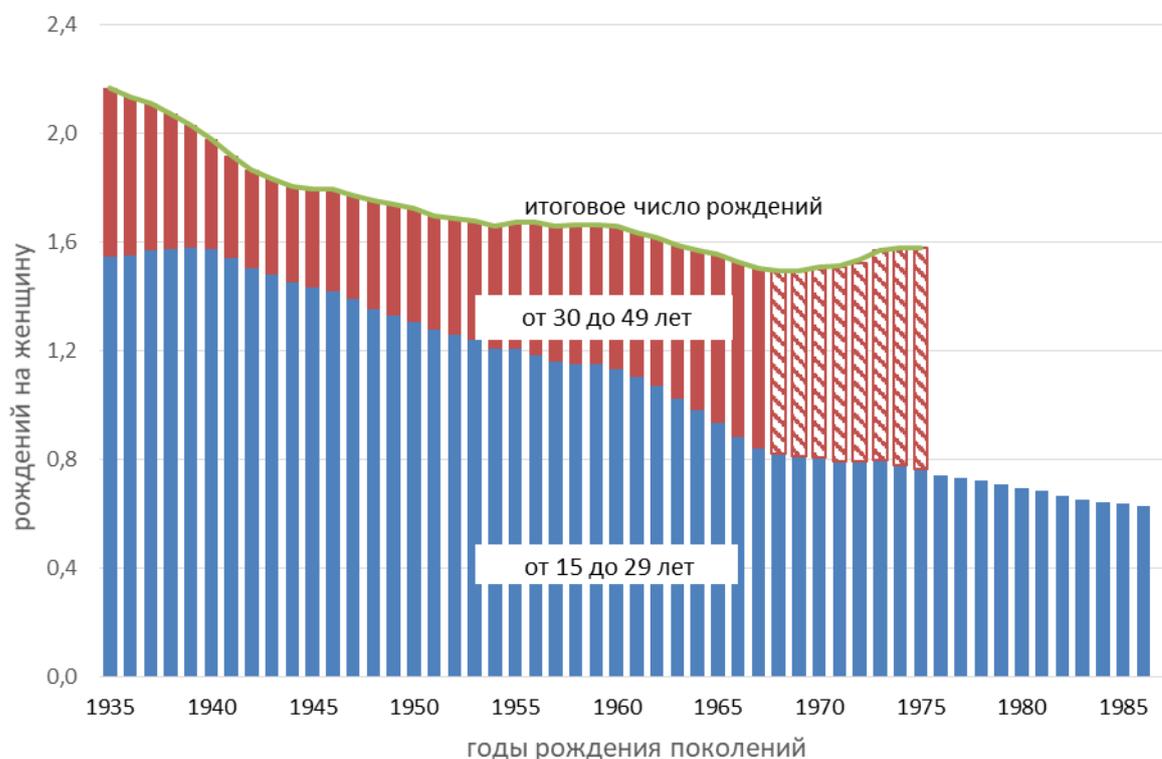

Рисунок 2. Итоговое число рождений на женщину и кумулятивная рождаемость в возрасте до и от 30 лет. Реальные поколения, Германия, 1935-1986 годы рождения

Источник: Расчеты автора по данным ФСУ Германии.

Примечание: Для женщин 1968 – 1975 годов рождения, находившихся в 2016 г. ещё в детородном возрасте, предварительная оценка.

4. Рост уровня бездетности реальных поколений

Одной из самых значимых тенденций динамики рождаемости в Германии является последовательный рост окончательной бездетности. За тридцатилетний период между когортами 1937 и 1967 годов рождения доля никогда не рожавших женщин в общей численности женщин реального поколения удвоилась с 11 до 21% (рисунок 3; пунктирные линии показывают когорты в позднем детородном возрасте, которые уже достигли рубежа окончательной бездетности: в Германии на настоящий момент это 42 года).

Германия – не единственная европейская страна со столь высоким уровнем бездетности. По данным Т. Сobotки [Sobotka 2017: 37], в Швейцарии, Финляндии, Италии и Ирландии также приблизительно каждая пятая женщина, родившаяся в конце 1960-х годов, бездетна.

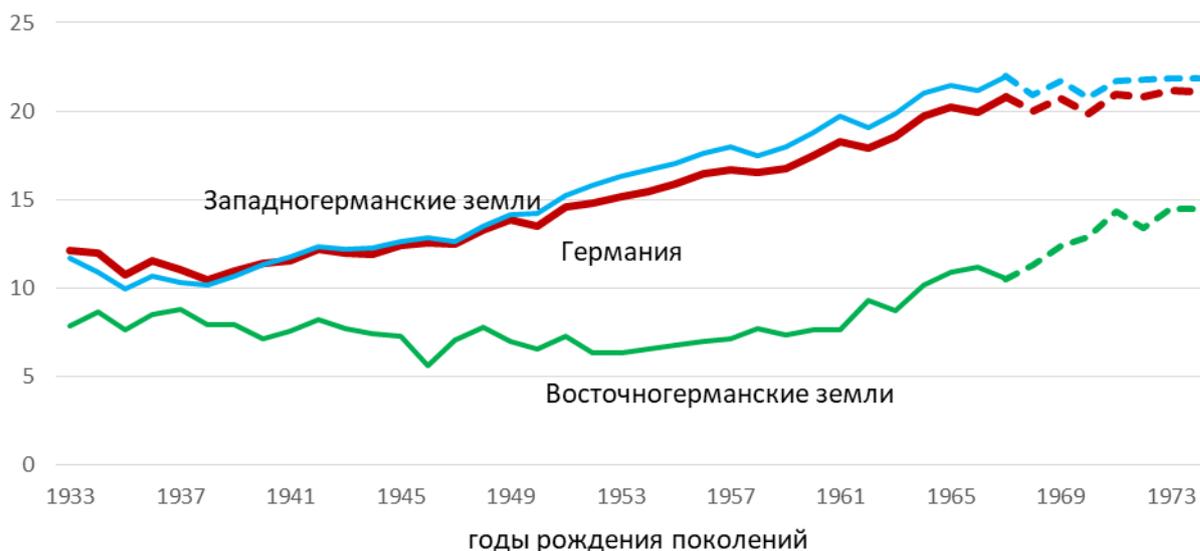

Рисунок 3. Доля бездетных в общей численности женщин реальных поколений, Германия, 1933-1974 годы рождения, %

Источник: Результаты выборочного обследования домохозяйств: Mikrozensus 2008, 2012 и 2016 гг. [Statistisches Bundesamt 2017c].

Примечание: Для поколений, достигших к моменту обследования в 2016 г. возраста 42 года.

Тенденция к стабилизации итоговой бездетности впервые проявилась по данным обследования домохозяйств Mikrozensus с 2013 г. В поколениях конца 1960-х – начала 1970-х годов рождения доля бездетных женщин стабилизировалась на относительно высоком уровне 20-21% [Statistisches Bundesamt 2017c]. Стабилизация уровня бездетности по Германии в целом была обусловлена изменениями в репродуктивном поведении западногерманских женщин, чей уровень бездетности до сих пор на одну треть выше, чем у женщин в восточной части Германии. Одновременно, наблюдается дальнейшее повышение бездетности восточногерманских женщин и женщин-мигранток.

Среди женщин с высшим образованием бездетность хотя и снизилась с 28% (когорты конца 1960-х годов) до 25% (когорты начала 1970-х годов), но ее уровень все еще очень высок. Поэтому дальнейшее распространение высшего образования может при неизменных условиях для академической карьеры способствовать росту общего уровня бездетности. Таким образом, даже с учетом текущих позитивных тенденций снижение итоговой бездетности в Германии ниже 20% в среднесрочной перспективе маловероятно.

5. Среднее число детей у матерей в реальных поколениях может утратить свою стабильность

Несмотря на относительно высокий уровень бездетности, 8 из 10 женщин родили за свою жизнь минимум одного ребенка. При этом среднее число детей в поколениях матерей 1940-х годов рождения снизилось, по сравнению с поколениями 1930-х годов, с 2,3 до 2,0 ребенка на одну мать, а доля матерей с четырьмя и более детьми упала в два раза (с 12 до 6%). Впоследствии распределение матерей по числу детей стабилизировалось и претерпевало лишь незначительные колебания вплоть до поколений начала 1970-х годов рождения. При этом примерно каждая третья мать имеет одного ребенка (31%), каждая вторая - двух детей

(48%) и каждая пятая - трех и более детей (21%) [Statistisches Bundesamt 2017c].

В будущем среднее число детей на мать может, однако, утратить свою стабильность. Поскольку все больше женщин откладывают рождение первого ребенка, уменьшается число молодых матерей, а тем самым и потенциал для поддержания стабильной доли матерей с тремя и более детьми в будущем. Для современной модели репродуктивного поведения в Германии свойственна закономерность: чем ниже средний возраст матери при рождении первого ребенка, тем больше среднее итоговое число детей на одну мать. Результаты обследования домохозяйств показали, что в поколениях, родившихся с середины 1960-х до середины 1970-х годов, матерям с одним ребенком при его рождении было в среднем 30 лет, с двумя детьми при рождении первенца - 27 лет, с тремя детьми - 25 лет, а с четырьмя и более детьми - всего 23 года [Pöttsch 2016b: 108].

6. Устойчивые многолетние интервалы между рожденьями

Чтобы среднее итоговое число детей на мать, несмотря на повышение среднего возраста матери при рождении первого ребенка, не снизилось, должны сократиться интервалы между рожденьями. Опыт Франции и Швеции показывает, что при этом условии высокий средний возраст рождения первого ребенка не обязательно ведет к низкой итоговой рождаемости [Frejka, Sobotka 2008]. Однако в Германии откладывание момента рождения первого ребенка, рост бездетности и снижение доли матерей с тремя и более детьми протекали параллельно в женских поколениях, начиная в 1947 года рождения.

Как было сказано выше, регистрация очередности новорожденных с учетом всех рождений (брачных и внебрачных) в жизни матери ведется в Германии лишь с 2009 г. Это же относится и к интергенетическим интервалам. Начиная с 2009 г., в статистике рождаемости учитывается период времени, прошедший после рождения предыдущего ребенка у матери, независимо от того, был ли этот ребенок рожден в (том же) браке.

Наблюдаемые за этот период интервалы относительно велики и очень стабильны. Интервал, соответствующий медиане распределения, для вторых детей составляет 3,3 года. Это означает, что в 50% всех случаев второй ребенок появляется на свет по прошествии более 3 лет и 4 месяцев после рождения первенца. Половина третьих рождений происходит в течение 3 лет и 11 месяцев после рождения второго ребенка, а вторая половина - с еще большим перерывом⁹. В целом между рождением первого и третьего ребенка проходит в среднем не менее 7 лет. Эти данные текущей статистики рождаемости подтверждаются результатами обследования домохозяйств [Pöttsch 2016b; Statistisches Bundesamt 2017b].

4.3 Гипотезы по развитию рождаемости в Германии на базе данных до 2013 г.

На основе описанных тенденций были приняты следующие два предположения о развитии рождаемости в будущем: сохранение долговременных тенденций (G1) и легкое повышение рождаемости (G2).

⁹ URL: <https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/SocietyState/Population/Births/Tables/LiveBirthInterval.html> (дата обращения: 01.12.2017).

Гипотеза G1 предполагает, что в разрезе условных поколений снижение рождаемости в молодых возрастах будет и далее компенсироваться ростом рождаемости в возрастах от 30 до 49 лет (рисунок 4). Это обуславливает стабильность КСР на уровне 1,4 ребенка на женщину. Итоговая рождаемость для когорт с 1973 до 1984 года рождения сначала стабилизируется на уровне около 1,6, затем итоговый КСР реальных поколений постепенно снизится до 1,4 ребенка на женщину. В основе лежит предположение, что дальнейший «перенос» момента рождения первого ребенка на более поздний детородный возраст постепенно приведет к смещению в распределении женских поколений по числу детей. Итоговая бездетность будет расти до конца 2020-х годов ввиду более низкой вероятности первой беременности в возрастах старше 35 лет [te Velde et al. 2012]. Если интервалы между рожденьями и далее будут оставаться стабильными, то «старение» модели рождаемости приведет постепенно также к снижению доли многодетных матерей. Даже сравнительно небольшое повышение доли бездетных женщин до 25 %, что предполагает резкое замедление многолетнего тренда, и снижение среднего числа детей на мать лишь с 2,0 до 1,9 приведет к снижению КСР в ходе прогнозного периода до 1,4 ребенка на женщину (1,9 ребенка на мать * 0,75 (доля матерей в общей численности женской когорты)).

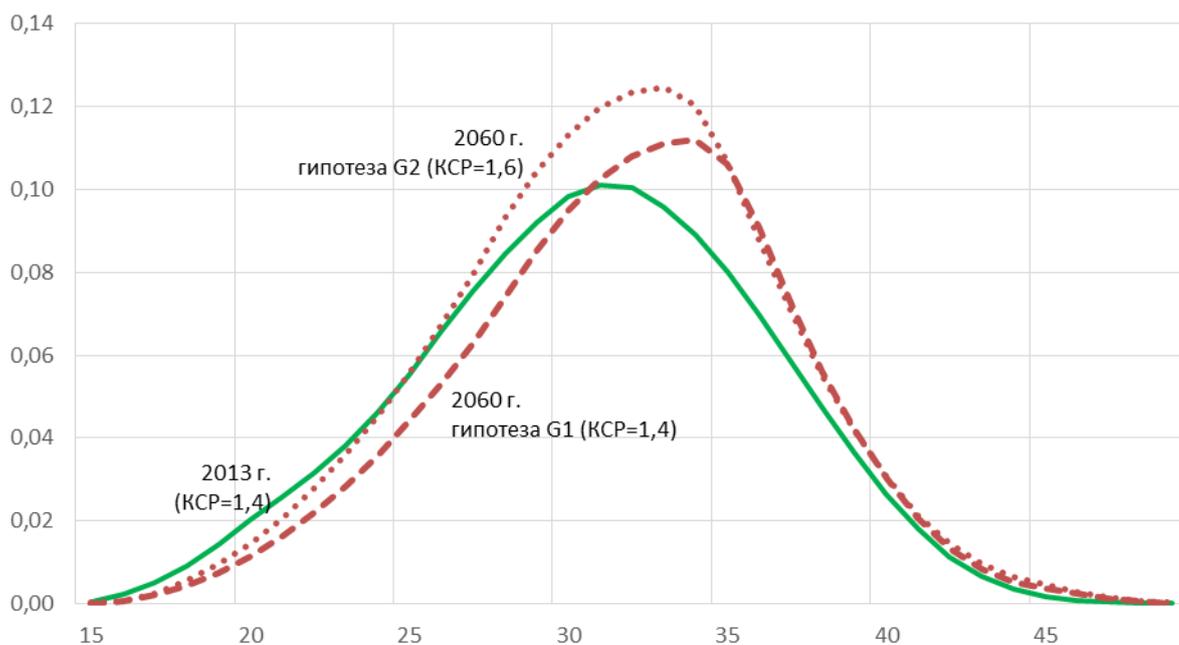

Рисунок 4. Возрастные коэффициенты рождаемости условных поколений, Германия, число рождений на одну женщину

Источник: ФСУ Германии [Statistisches Bundesamt 2015a].

Примечание: 2013 г. - данные статистики рождаемости; 2060 г. - гипотезы 13-го координированного перспективного расчета населения Германии.

Гипотеза G2 теоретически учитывает возможные изменения в репродуктивном поведении, которые могут привести к повышению КСР условных поколений до 1,6 и к стабильной итоговой рождаемости реальных поколений на уровне 1,6 ребенка на женщину. Такое развитие предполагает, однако, стабилизацию рождаемости в молодых детородных возрастах при одновременном ее повышении в возрастах от 30 лет (рисунок 4). Итоговый КСР будет в этом случае развиваться сначала так же, как в гипотезе G1, в поздних же

когортах 1980-х годов он поднимется чуть выше 1,6 и стабилизируется на этом уровне. Предпосылками для реализации этой гипотезы является снижение и стабилизация итоговой бездетности на уровне 20% (т.е. изменение долговременного тренда) и среднее число детей на мать не менее 2,0.

4.4. Гипотезы 13-го перспективного расчета в свете текущего роста рождаемости

Уже наблюдавшееся в 2012 и 2013 г. легкое повышение рождаемости усилилось в 2014 - 2016 гг. (таблица 3). В итоге КСР рос сильнее, чем предполагалось даже по более высокой гипотезе G2 (рисунок 5), и впервые за последние 40 лет достиг 1,59 рождения на женщину. Что обусловило такой резкий подъем рождаемости и какие последствия он имеет для предположений о будущем ее развитии?

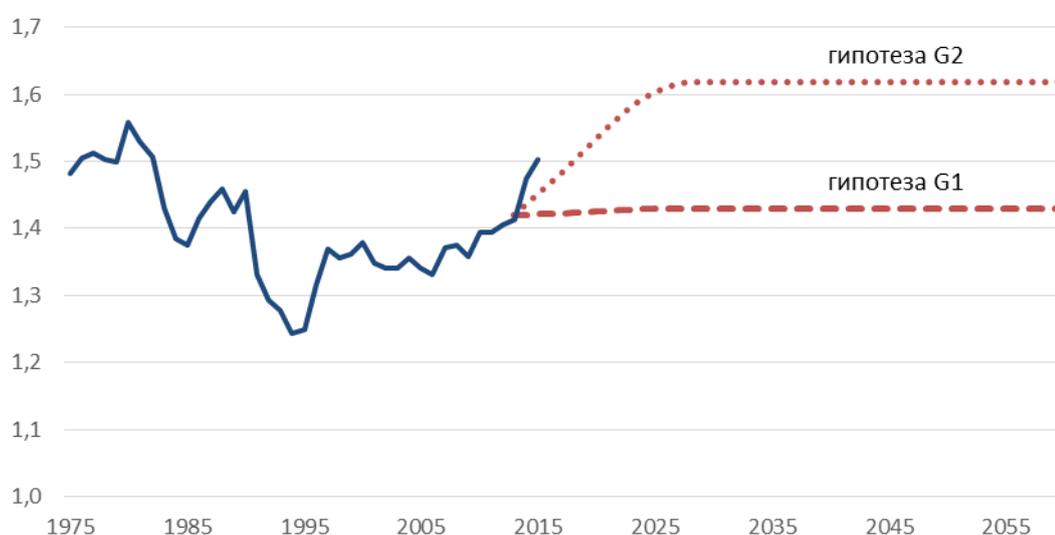

Рисунок 5. Коэффициент суммарной рождаемости условных поколений, Германия, число рождений на одну женщину

Источник: ФСУ Германии [Statistisches Bundesamt 2015a].

Примечание: 1975-2015 гг. - данные статистики рождаемости; с 2014 г. - гипотезы 13-го координированного перспективного расчета населения Германии на базе 2013 г.

Одним из лежащих на поверхности факторов роста рождаемости является, безусловно, резко усилившаяся иммиграция в Германию. К притоку иммигрантов из Румынии и Болгарии, которые с 1 января 2014 г. могли без ограничений работать на территории Европейского Союза, присоединились беженцы из Сирии, Афганистана, Ирака и некоторых африканских стран. Если в 2014 г. КСР вырос как для немецких женщин, так и для иностранок, то в 2015 и 2016 гг. подъем КСР в целом по Германии был обусловлен в первую очередь повышением рождаемости иностранок до 1,96 и 2,23 рождения на женщину соответственно (таблица 3).

Таблица 3. Коэффициент суммарной рождаемости в зависимости от гражданства женщин, 2011 – 2015 гг., число рождений на одну женщину

	Коэффициент суммарной рождаемости			Изменение за год		
	все женщины	немки	иностранки	все женщины	немки	иностранки
2011	1,39	1,34	1,82	-	-	-
2012	1,41	1,36	1,79	0,01	0,02	-0,03
2013	1,42	1,37	1,80	0,01	0,01	0,01
2014	1,48	1,42	1,86	0,06	0,05	0,06
2015	1,50	1,43	1,96	0,03	0,01	0,09
2016	1,59	1,46	2,23	0,09	0,04	0,32

Источник: Данные ФСУ Германии.

Одновременно выросло число женщин в детородных возрастах с наибольшей частотой рождений (25-39 лет). Несмотря на сокращение общего числа потенциальных матерей (в возрасте от 15 до 49 лет) за период с 2011 по 2016 г. с 17,9 млн до 17,2 млн (почти на 690 тыс., что составляет -4%), число женщин в возрасте от 25 до 39 лет, напротив, увеличилось на 506 тыс. (+7%). Это связано как с влиянием демографического эха, так как средних детородных возрастов достигли дочери поколения бэби-бума, так и с повышением сальдо миграции.

Общий прирост новорожденных за 2011-2016 гг. составил более 129 тыс. или 19% (таблица 4). Прирост рождений в основной группе (женщин-немок) на 10% был обусловлен в основном повышением возрастных коэффициентов рождаемости, т.е. ростом ее интенсивности. У иностранок прирост числа новорожденных составил 64% и стал возможен, прежде всего, в результате изменений в численности и возрастной структуре потенциальных матерей; повышение интенсивности рождаемости произошло лишь в 2015 и 2016 гг. и играло в целом менее значительную роль.

Таблица 4. Компоненты изменения числа рождений в Германии, 2011-2016

Гражданство	Число рождений у матерей в возрасте от 15 до 49 лет		Изменение с 2011 по 2016 г.		В том числе за счет изменений*	
	2011	2016	абсолютное число рождений	в % к 2011 г.	в числе и возрастной структуре женщин	в возрастных коэффициентах рождаемости
Все женщины	662 526	791 695	+129 169	+19	+ 32 338	+96 831
Немки	550 203	607 263	+57 060	+10	+5 334	+51 726
Иностранки	112 323	184 432	+72 109	+64	+45 484	+26 625

Источник: Расчеты автора по данным ФСУ Германии.

Примечание: * - Индексное разложение прироста рождений за период на основе возрастного распределения.

Вклад немок в общее число рождений снизился с 83% в 2011 г. до 77% в 2016 г. Снижение доли рождений у немецких женщин связано с тем, что прирост новорожденных за этот период у них был значительно меньше, чем у женщин-иностранок. Тем не менее, преобладающая масса рождений приходится на женщин с немецким гражданством. Поэтому тенденции в интенсивности их деторождения являются определяющими для будущего развития рождаемости в Германии.

Сравнение их возрастных коэффициентов рождаемости за 2011 и 2016 гг. показывает, что к повышению КСР с 1,34 до 1,46 привел, главным образом, рост частоты рождений в возрастах от 29 до 40 лет. Этот рост был обусловлен, с одной стороны, эффектами в календарной рождаемости. К ним относится, в частности, сближение средних детородных возрастов по очередности рождений, наблюдавшееся в 2012 – 2016 гг. у немок в отношении вторых и третьих рождений¹⁰.

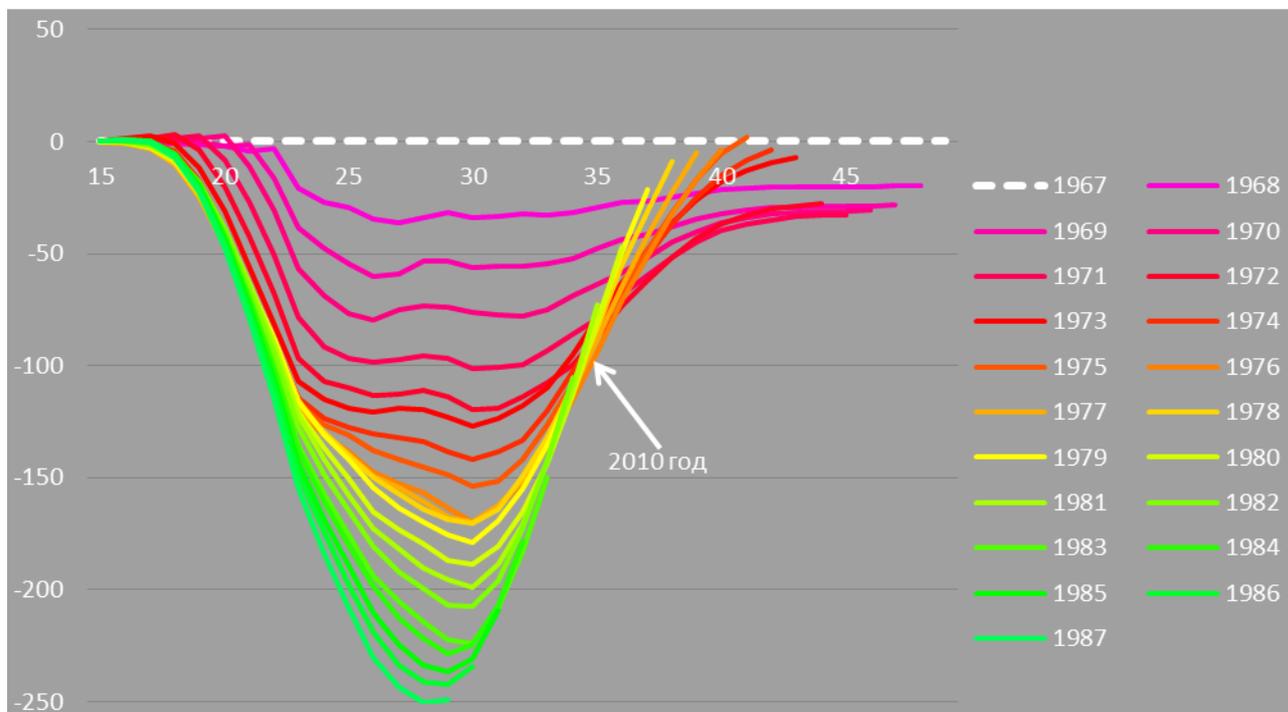

Рисунок 6. Отклонение кумулятивных коэффициентов рождаемости реальных поколений немецких женщин от кумулятивной рождаемости когорты 1967 года рождения

Источник: Расчеты автора по данным ФСУ Германии.

С другой стороны, источником этих изменений являются особенности репродуктивного поведения соответствующих реальных поколений. В 2012-2016 гг. в возрасте от 29 до 40 лет находились женщины 1972–1987 годов рождения. Для женщин этих когорт было характерно последовательное снижение кумулятивной рождаемости в возрасте до 30 лет. Для женщин этих когорт было характерно последовательное снижение рождаемости в молодых возрастах. В возрасте от 30 лет они реализовывали ранее «отложенные» рождения. Причем по данным за 2016 г. уже очевидно, что у женщин 1972–1985 годов рождения этот процесс протекал более интенсивно, чем в реальных поколениях конца 1960-х годов. Рисунок 6 иллюстрирует эти процессы «откладывания» и «наверстывания» рождений в реальных поколениях немецких женщин. Цветные линии

¹⁰ Этот календарный показатель рассчитывается как разность средних детородных возрастов при рождении соответственно первого, второго, третьего и т.д. ребенка. Он отличается от интергенетического интервала, описанного в разделе 4.2, который опирается на индивидуальные данные матерей и представляет собой среднюю из временных промежутков между датами рождения соответственно второго и первого, третьего и второго, четвертого и третьего и т.д. детей матери (в Германии эти данные поступают в текущую статистику рождаемости из органов ЗАГС).

показывают отклонения между кумулятивными коэффициентами рождаемости когорт 1968 – 1987 годов рождения от последней когорты с завершенным детородным циклом (1967 года рождения). Ее кумулятивную рождаемость в возрастах от 15 до 49 лет символизирует белая линия, лежащая на оси *X*. Среднее итоговое число детей для немецких женщин этой когорты составляло 1,48.

Из рисунка 6 следует, что каждая последующая когорта имела до своего 30-летия, в среднем, меньше детей, чем предыдущая. Однако благодаря усилившейся «компенсации» деторождения в старших возрастах, итоговое число детей у женщин 1970-х годов рождения будет выше, чем в когортах конца 1960-х годов. По величине оно, вероятно, достигнет 1,5 ребенка на женщину. Иными словами, усиление интенсивности рождаемости поколений в возрасте после 30 лет будет достаточным лишь для компенсации ее спада в молодых возрастах и предотвращения дальнейшего снижения итоговой рождаемости.

При соотнесении изменений в кумулятивной рождаемости реальных поколений на рисунке 6 с календарным временем становится очевидным, что «компенсация» рождений в старших возрастах усилилась приблизительно с 2010 г. В этот период ситуацию женских когорт 1972 – 1987 годов рождения в Германии можно охарактеризовать следующим образом:

- они в основном завершили свое образование, получили профессию и большинство из них имеет работу;
- в возрасте до 30 лет они родили в среднем еще меньше детей, чем предшествующие поколения конца 1960-х годов рождения с исторически низкой итоговой рождаемостью;
- дискуссия о старении населения, росте бездетности и необходимости улучшения ситуации семей с детьми достигла в это время своего разгара не только в средствах массовой информации и политических дебатах, но и в широких кругах общества;
- одновременно потеряло свою привлекательность характерное для поколений 1960-х годов достаточно сдержанное отношение к материнству, препятствующему в их восприятии эмансипации и профессиональному росту женщины;
- приняты и вступили в силу долгожданные меры семейной политики, такие как пособие для родителей по уходу за ребенком в течение первого года жизни, размер которого зависит от последней заработной платы, и законодательное право на место в яслях для детей до трех лет;
- Германия вышла из финансового кризиса 2008 г. без ощутимых потерь; экономическая стабильность и низкая безработица внушают уверенность в завтрашнем дне.

Таким образом, именно для когорт 1970-х и первой половины 1980-х годов рождения ситуация оказалась исключительно благоприятной для реализации «отложенных» рождений, и они ею воспользовались. Это привело к росту возрастных коэффициентов рождаемости в 2012 – 2016 гг., к частичной компрессии рождений различной очередности и вероятно будет влиять еще некоторое время на календарную рождаемость при условии сохранения экономической и социальной стабильности.

Несмотря на эти позитивные сдвиги, итоговое число детей в когортах немецких женщин вряд ли будет в ближайшее десятилетие устойчиво превышать уровень 1,5 ребенка

на женщину. Ощутимый рост итоговой рождаемости в целом по Германии без участия женщин-иностранок в настоящий момент маловероятен. Как видно из рисунка 7 (зеленые пунктирные линии иллюстрируют кумулятивные коэффициенты для всех женщин в сравнении с уровнем рождаемости немок), повышение ожидаемого итогового числа детей реальных поколений первой половины 1970-х годов рождения обусловлено двумя процессами: стабилизацией кумулятивной рождаемости в возрасте до 30 лет, с одной стороны, и повышением рождаемости в возрасте после 30, с другой. Первый из этих процессов связан с усилением влияния женщин-иностранок на рождаемость в молодых возрастах вследствие роста их удельного веса в соответствующих женских когортах. Если в поколениях начала 1960-х годов рождения доля иностранок составляет 9%, то в когортах 1970-х годов она удвоилась до 18%. При этом рождаемость у иностранок не только выше, но имеет и более молодую возрастную модель, чем у немецких женщин. Эти факторы способствовали стабилизации рождаемости в возрасте до 30 лет и обусловили наблюдаемый в настоящее время легкий подъем итогового числа детей до (ожидаемого) уровня 1,57 ребенка на женщину.

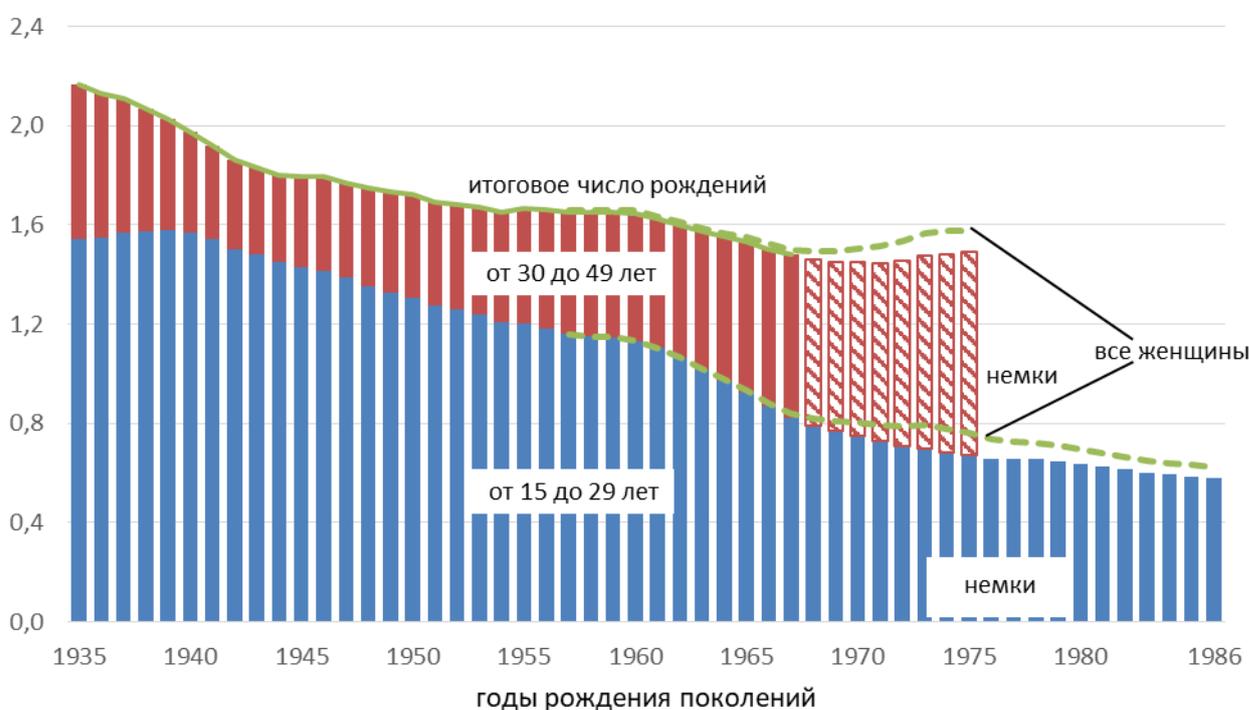

Рисунок 7. Итоговое число рождений на женщину и кумулятивная рождаемость в возрасте до и от 30 лет для немок и для всех женщин, включая иностранок. Реальные поколения, 1935-1986 годы рождения

Источник: Расчеты автора по данным ФСУ Германии за 2016 г.

Каким будет влияние иностранок на рождаемость в Германии в будущем, сказать на настоящий момент чрезвычайно трудно. Очевидно, что оно будет относительно устойчивым, так как доля мигранток в молодых поколениях возросла и продолжает увеличиваться. Сила же этого влияния будет зависеть от множества факторов, в первую очередь, таких как экономические и социально-политические условия в Германии в целом и, в частности, для мигрантов, состав мигрантов по стране происхождения, перспективы

для пребывания и воссоединения семей в Германии. Что касается резкого подъема КСР иностранок за последние годы, то к нему следует относиться с осторожностью. Целый ряд исследований говорит о том, что рождаемость в первые годы после иммиграции женщин сильно возрастает, а по прошествии нескольких лет снижается [Andersson 2004; Toulemon 2006; Sobotka, Lutz 2011]. В отличие от женщин коренного населения, чья рождаемость является функцией детородного возраста, на рождаемость мигранток влияет в значительной степени их возраст в момент иммиграции. Поэтому необходимы дополнительные наблюдения и более детальный анализ рождаемости мигранток, прибывших в Германию в последние годы.

Исходя из сказанного, в отношении гипотез перспективного расчета могут быть сделаны следующие выводы:

- Краткосрочные предположения о рождаемости условных поколений должны быть в следующем раунде перспективных расчетов скорректированы с учетом роста возрастных и суммарного коэффициентов рождаемости.
- Для кардинального пересмотра долгосрочных гипотез, ориентирующихся на перспективы развития итоговой рождаемости реальных поколений, пока нет оснований. Центральные составляющие репродуктивного поведения реальных поколений, такие как средний возраст матери при рождении первого ребенка и интервалы между рожденьями, следуют прежнему тренду. В рождаемости когорт немецких женщин не ожидается устойчивого повышения итогового числа детей.
- Новым и существенным является прекращение роста окончательной бездетности. Это говорит о том, что стабилизация итогового числа детей на уровне 1,6 ребенка на женщину является обоснованным предположением, как минимум, на среднесрочную перспективу.
- Самым труднопредсказуемым фактором остается миграция. Ввиду возросшего влияния миграции на общий уровень деторождения надежность гипотез в целом снижается. Это обуславливает необходимость расширения спектра возможных сценариев будущего развития.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данной статьи было ознакомить российского читателя с подходами к прогнозным расчетам населения в Германии. Мы рассмотрели задачи, концепцию и особенности методологии официальных перспективных расчетов ФСУ Германии. На примере 13-го координированного перспективного расчета были представлены предположения и дизайн вариантов. Главной целью таких расчетов в Германии является верная оценка средне- и долгосрочных последствий протекающих или назревающих демографических изменений. Каждый новый перспективный расчет представляет собой систему реально возможных вариантов будущего развития. С учетом свойственной будущему неопределенности все принятые гипотезы по рождаемости, смертности и миграции комбинируются между собой в «равноценные» варианты. Чтобы перспективные расчеты могли выполнить свою сигнальную функцию, предположения должны базироваться на верном анализе исходной демографической ситуации и регулярно корректироваться с учетом новых тенденций.

На примере предположений по рождаемости был описан один из возможных подходов к поиску и обоснованию гипотез. В основе моделирования гипотез рождаемости лежат анализ и экстраполяция возрастных трендов рождаемости, с одной стороны, и предположения об итоговом числе детей реальных поколений, с другой. В перспективе условных поколений рост рождаемости в возрастах от 30 лет замещает снижение деторождения в молодых возрастах. Это обуславливает низкий, но стабильный КСР. В реальных поколениях такой «компенсации» не происходило. С ростом среднего возраста матери при рождении первого ребенка уменьшалась доля многодетных матерей и распространялась окончательная бездетность. В результате снижалось среднее итоговое число детей. Гипотезы об итоговом числе детей на среднесрочную перспективу были обоснованы следующими устойчивыми тенденциями в рождаемости реальных поколений: повышением среднего возраста матери при рождении первого ребенка, ростом доли бездетных женщин, относительно большими и стабильными интервалами между рождениями у одной матери, средним числом детей на мать около 2, которое может, однако, снизиться до 1,9 при дальнейшем «откладывании» первого ребенка. Границы предположений были обозначены параметрами бездетности соответственно в 20 или 25% и среднего числа детей на мать соответственно 2,0 или 1,9, что дает среднее итоговое число детей на одну женщину 1,6 или 1,4 соответственно.

В заключение мы проанализировали факторы роста рождаемости в 2012-2016 гг. и их значение для гипотез следующего перспективного расчета. Самыми существенными являются изменения в тренде бездетности и рост влияния миграции. Это обуславливает необходимость расширения спектра возможных сценариев будущего.

Работа по поиску предположений никогда не бывает завершена. Новые пути анализа и моделирования гипотез, изменения в динамике самих демографических процессов требуют регулярного пересмотра предположений. За последние годы повысился интерес к результатам на краткосрочную перспективу. Учитывая новые требования, в том числе со стороны Европейской Комиссии, ФСУ Германии в сотрудничестве с Евростатом (статистическим ведомством ЕС) и экспертами из других стран-членов ЕС работает над новыми подходами в области краткосрочных сценариев.

В рамках одной статьи было невозможно охватить все существенные аспекты прогнозирования населения. В частности, остались незатронутыми подходы к предположениям по смертности и миграции, преимущества и недостатки стохастического и сценарного методов моделирования, а также современные аспекты международной дискуссии.

Безусловно, стоящая перед прогностиками задача амбивалентна. Достаточно вспомнить известный афоризм, о том, что «прогнозы – вещь сложная, особенно если они касаются будущего»¹¹. Но если мы хотим осознанно воздействовать на будущее, то альтернативы для регулярно актуализируемых долгосрочных перспективных расчетов нет. Одновременно, ответственное отношение к прогнозированию требует транспарентности и

¹¹ Эта меткая тавтология приписывается множеству авторов, в том числе Марку Твену, Нильсу Бору и Уинстону Черчиллю.

неустанного напоминания пользователю о том, что это лишь попытка приближения будущего, но не само будущее.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит Сергея Захарова за предоставленную информацию о прогнозах населения в России и Томаша Сobotку за ценные рекомендации по рождаемости женщин-мигранток, а также выражает признательность двум анонимным рецензентам за конструктивные замечания, учтенные в данной версии статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М. (1972). О связи реального и гипотетического поколений // Модели демографических связей. М.: Статистика: 14-39.
- Архангельский В.Н., В.В. Елизаров (2016). Демографические прогнозы в современной России: анализ результатов и выбор гипотез // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН: 521-545.
- Захаров С.В. (2017). Потенциал структурных факторов роста рождаемости исчерпан? Часть вторая // Демоскоп Weekly. 733-734. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0733/tema01.php> (дата обращения: 30.04.2018).
- Andersson G. (2004). Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden // *International Migration Review*. 38. 2: 747-775. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00216.x
- Bowley A.L. (1924). Births and Population of Great Britain // *The Journal of the Royal Economic Society*. 34: 188-192.
- Bujard M., J. Dorbritz, R. Herter-Eschweiler, L. Lux (2015). Das unterschätzte Potenzial der hohen Fallzahlen – Stärken und Limitierungen des Mikrozensus // *Zeitschrift für Familienforschung*. 3: 343-373.
- Cannan E. (1895). The probability of a cessation of the growth of population in England and Wales during the next century // *The Economic Journal*. 5. 20: 505-515.
- Frejka T., T. Sobotka (2008). Overview chapter: fertility in Europe: diverse, delayed and below replacement // *Demographic Research*. 19. 3: 30. DOI:10.4054/Dem-Res.2008.19.3
- Keyfitz N. (1972). On future population // *Journal of the American Statistical Association*. 67/338: 347-363. DOI: 10.1080/01621459.1972.10482386
- Bevölkerungstatistikgesetz (2015). Bevölkerungstatistikgesetz vom 20. April 2013 (BGBl. I S. 826), das zuletzt durch Artikel 13 des Gesetzes vom 20. November 2015 (BGBl. I S. 2010) geändert worden ist. §5(3).
- Luy M., O. Pötzsch (2011). Estimates of the tempo-adjusted total fertility rate in Western and Eastern Germany, 1955-2008 // *Comparative Population Studies*. 35. 3: 569-604. DOI: 10.4232/10.CPoS-2010-14en
- Pötzsch O. (2013). What effects does childbearing postponement have on cohort fertility in western and eastern Germany? // *Wirtschaft und Statistik*. 2: 87-100.

- Pöttsch O. (2016a). (Un-)Sicherheiten der Bevölkerungsvorausberechnungen – Rückblick auf die koordinierten Bevölkerungsvorausberechnungen für Deutschland zwischen 1998 und 2015 // *Wirtschaft und Statistik*. 4: 36-53.
- Pöttsch O. (2016b). Fertility in German before and after the 2011 census: still no trend reversal in sight // *Comparative Population Studies*. 41. 1: 87-118. DOI: 10.12765/10.CPoS-2016-02en
- Rürup-Bericht 2003. Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: <http://www.bmas.de/DE/Service/Medien/Publikationen/c318-ruerup-bericht.html> (дата обращения: 23.05.2018).
- Sobotka T., W. Lutz (2011). Misleading policy messages derived from the period TFR: should. We stop using it? // *Comparative Population Studies*. 35. 3: 7-664. DOI: 10.4232/10.CPoS-2010-15en
- Sobotka T., K. Zeman, R. Lesthaeghe, T. Frejka, K. Neels (2011). Postponement and recuperation in cohort fertility: Austria, Germany and Switzerland in a European context // *Comparative Population Studies*. 36. 2-3: 417-452. DOI: 10.4232/10.CPoS-2011-10en
- Sobotka T. (2017). Childlessness in Europe: reconstruction long-term trends among women born in 1900-1972 // *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences* / M. Kreyenfeld, D. Konietzka, eds. Springer Open: 17-56.
- Statistisches Bundesamt (2015a). URL: <https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/SocietyState/Population/PopulationProjection/PopulationProjection.html> (дата обращения: 23.05.2018).
- Statistisches Bundesamt (2015b). Germany's population by 2060 - results of the 13th coordinated population projection. URL: https://www.destatis.de/EN/Publications/Specialized/Population/GermanyPopulation2060_5124206159004.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 23.05.2018).
- Statistisches Bundesamt (2017a). Updating the 13th coordinated population projection - base 2015. URL: <https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/SocietyState/Population/PopulationProjection/UpdatePopulationProjection.html> (дата обращения: 21.12.2017).
- Statistisches Bundesamt (2017b). Geburtenabstand zum Geburtstag des vorangegangenen Kindes der Mutter 2015. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Geburten/Tabelle n/LebendgeboreneGeburtenabstand.html> (дата обращения: 21.12.2017).
- Statistisches Bundesamt (2017c). Daten zu Kinderlosigkeit, Geburten und Familien - Ergebnisse des Mikrozensus 2016 - Ausgabe 2017. URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/HaushalteMikrozensus/GeburtenantrendsTabellenband5122203169014.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 23.05.2018).
- Schwarz N. (2001). The German microcensus // *Schmollers Jahrbuch*. 121: 649-654.
- te Velde E., D. Habbema, H. Leridon, M. Eijkemans (2012). The effect of postponement of first motherhood on permanent involuntary childlessness and total fertility rate in six European countries since the 1970s // *Human Reproduction*. 27. 4: 1179-1183. DOI: 10.1093/humrep/der455

- Toulemon L. (2006). Fertility among immigrant women: new data, new approach // *Population & Societies*. 400 (April): 1-4. URL: [<http://paa2006.princeton.edu/papers/61103>] (дата обращения: 23.05.2018).
- Whelpton P.K. (1936). An empirical method of calculating future population // *The Journal of the American Statistical Association*. 31. 195: 457-473.
- Willekens F.J. (1990). Demographic forecasting; state-of-the-art and research needs // *Emerging issues in demographic research* / C.A. Hazeu, G.A.B. Frinking, eds. 9-76.
- zur Nieden F., B. Sommer, O. Pötzsch (2016). Recent Refugee influx and migration assumptions in Germany – public debate and opportunities for projection makers // *Joint Eurostat/UNECE Work Session on Demographic Projections*. 18-20 April 2016. URL: <https://www.unecese.org/index.php?id=41283> (дата обращения: 23.05.2018).

POPULATION PROJECTIONS IN GERMANY

OLGA PÖTZSCH

Purposeful social and economic policy is unthinkable without any idea of the future development of the population and its structure. The gradual changes of demographic processes allow us to make population projections, which serve as a kind of compass. Their results show how population size and structure will change given certain hypotheses concerning the development of fertility, mortality and migration. The impact of these demographic processes on the population manifests itself in full only after a few decades. Therefore, projections with a long-term horizon are of particular interest.

This article presents the official population projections provided by the German Federal Statistical Office. These projections are based on the widely used cohort-component method and deterministic approach, yet possess a number of distinctive features: Both the interpretation of the goals and results, as well as some details of the methodology and design of the scenarios as a system of equivalent future options, are different from those currently accepted in Russia. Using fertility assumptions of the 13th population projection as an example, the article introduces one of the possible approaches to modeling hypotheses. It focuses on the justification of assumptions based on the cohort analysis and the characteristics of reproductive behavior of women cohorts. In conclusion, the hypotheses about completed fertility based on data until 2013 are critically analyzed, taking into account the rise in fertility in recent years in Germany. An analysis of the factors that accompany this recovery allows us to assess their potential for the future development of cohort fertility.

Key words: *population projections, cohort-component-method, fertility assumptions, mean age of childbearing, postponement and recuperation, cohorts, total fertility rate, completed fertility.*

OLGA PÖTZSCH (olga.poetzsch@destatis.de), STATISTISCHES BUNDESAMT (DESTATIS), GERMANY.

DATE RECEIVED: DECEMBER 2017.

REFERENCES

- Andersson G. (2004). Childbearing after migration: fertility patterns of foreign-born women in Sweden // *International Migration Review*. 38(2): 747-775. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00216.x
- Andreev E.M. (1972). O svyazi real'nogo i gipoteticheskogo pokoleniy [On the connection between the real and hypothetical cohorts] // *Modeli demograficheskikh svyazey [Models of demographic interrelations]*. Moscow: Statistika: 14-39.
- Arhangelskiy V.N., V.V. Elizarov (2016). Demograficheskie prognozy v sovremennoy Rossii: analiz rezul'tatov i vybor gipotez [Demographic forecasts in modern Russia: analysis of the results and choice of hypotheses] // *Nauchnyye trudy Instituta narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific works of the Institute for Economic Forecasting, RAS]*: 521-545.
- Bevölkerungsgesetz (2015). Bevölkerungsgesetz vom 20. April 2013 (BGBl. I S. 826), das zuletzt durch Artikel 13 des Gesetzes vom 20. November 2015 (BGBl. I S. 2010) geändert worden ist. §5(3).
- Bowley A.L. (1924). Births and population of Great Britain // *The Journal of the Royal Economic Society*. 34: 188-192.
- Bujard M., J. Dorbritz, R. Herter-Eschweiler, L. Lux (2015). Das unterschätzte Potenzial der hohen Fallzahlen – Stärken und Limitierungen des Mikrozensus // *Zeitschrift für Familienforschung*. 3: 343-373.

- Cannan E. (1895). The probability of a cessation of the growth of population in England and Wales during the next century // *The Economic Journal*. 5(20): 505-515.
- Frejka T., T. Sobotka (2008). Overview chapter: fertility in Europe: diverse, delayed and below replacement // *Demographic Research*. 19(3): 30. DOI:10.4054/Dem-Res.2008.19.3
- Keyfitz N. (1972). On future population // *Journal of the American Statistical Association*. 67/338: 347-363. DOI: 10.1080/01621459.1972.10482386
- Luy M., O. Pötzsch (2011). Estimates of the tempo-adjusted total fertility rate in Western and Eastern Germany, 1955-2008 // *Comparative Population Studies*. 35(3): 569-604. DOI: 10.4232/10.CPoS-2010-14en
- Pötzsch O. (2013). What effects does childbearing postponement have on cohort fertility in western and eastern Germany? // *Wirtschaft und Statistik*. 2: 87-100.
- Pötzsch O. (2016a). (Un-)Sicherheiten der Bevölkerungsvorausberechnungen – Rückblick auf die koordinierten Bevölkerungsvorausberechnungen für Deutschland zwischen 1998 und 2015 // *Wirtschaft und Statistik*. 4: 36-53.
- Pötzsch O. (2016b). Fertility in German before and after the 2011 census: still no trend reversal in sight // *Comparative Population Studies*. 41(1): 87-118. DOI: 10.12765/10.CPoS-2016-02en
- Rürup-Bericht 2003. Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: <http://www.bmas.de/DE/Service/Medien/Publikationen/c318-ruerup-bericht.html> (accessed: 23.05.2018).
- Schwarz N. (2001). The German microcensus // *Schmollers Jahrbuch*. 121: 649-654.
- Sobotka T. (2017). Childlessness in Europe: reconstruction long-term trends among women born in 1900-1972 // *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences* / M. Kreyenfeld, D. Konietzka, eds. Springer Open: 17-56.
- Sobotka T., K. Zeman, R. Lesthaeghe, T. Frejka, K. Neels (2011). Postponement and recuperation in cohort fertility: Austria, Germany and Switzerland in a European context // *Comparative Population Studies*. 36(2-3): 417-452. DOI: 10.4232/10.CPoS-2011-10en
- Sobotka T., W. Lutz (2011). Misleading policy messages derived from the period TFR: should we stop using it? // *Comparative Population Studies*. 35(3): 7-664. DOI: 10.4232/10.CPoS-2010-15en
- Statistisches Bundesamt (2015a). URL: <https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/SocietyState/Population/PopulationProjection/PopulationProjection.html> (accessed: 23.05.2018).
- Statistisches Bundesamt (2015b). Germany's population by 2060 - results of the 13th coordinated population projection. URL: https://www.destatis.de/EN/Publications/Specialized/Population/GermanyPopulation2060_5124206159004.pdf?__blob=publicationFile (accessed: 23.05.2018).
- Statistisches Bundesamt (2017a). Updating the 13th coordinated population projection - base 2015. URL: <https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/SocietyState/Population/PopulationProjection/UpdatePopulationProjection.html> (accessed: 21.12.2017).
- Statistisches Bundesamt (2017b). Geburtenabstand zum Geburtstag des vorangegangenen Kindes der Mutter 2015. URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/Geburten/Tabelle/n/LebendgeboreneGeburtenabstand.html> (accessed: 21.12.2017).

- Statistisches Bundesamt (2017c). Daten zu Kinderlosigkeit, Geburten und Familien - Ergebnisse des Mikrozensus 2016 - Ausgabe 2017. URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/HaushalteMikrozensus/GeburtentrendsTabellenband5122203169014.pdf?__blob=publicationFile (accessed: 23.05.2018).
- te Velde E., D. Habbema, H. Leridon, M. Eijkemans (2012). The effect of postponement of first motherhood on permanent involuntary childlessness and total fertility rate in six European countries since the 1970s // *Human Reproduction*. 27(4): 1179-1183. DOI: 10.1093/humrep/der455.
- Toulemon L. (2006). Fertility among immigrant women: new data, new approach // *Population & Societies*. 400 (April): 1-4. URL: <http://paa2006.princeton.edu/papers/61103> (accessed: 23.05.2018).
- Whelpton P.K. (1936). An empirical method of calculating future population // *The Journal of the American Statistical Association*. 31(195): 457-473.
- Willekens F.J. (1990). Demographic forecasting; state-of-the-art and research needs / C.A. Hazeu, G.A.B. Frinking, eds. *Emerging issues in demographic research*: 9-76.
- Zakharov S.V. (2017). Potentsial strukturnykh faktorov rosta rozhdaemosti ischerpan? Chast' vtoraya [The potential of structural factors of fertility growth is exhausted? Part two] // *Demoscope Weekly*. 733-734. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0733/tema01.php> (accessed: 30.04.2018).
- zur Nieden F., B. Sommer, O. Pötzsch (2016). Recent Refugee influx and migration assumptions in Germany – public debate and opportunities for projection makers // *Joint Eurostat/UNECE Work Session on Demographic Projections*. 18-20 April 2016. URL: <https://www.unece.org/index.php?id=41283> (accessed: 23.05.2018).

МИКРОПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

АНАСТАСИЯ ПЬЯНКОВА, ЕКАТЕРИНА ЩЕРБАКОВА, СЕРГЕЙ ВАСИН

Прослежена история трех микропереписей населения, проведенных в России в 1985, 1994 и 2015 годах. Выделены их организационно-методологические характеристики, программные особенности. Поскольку микропереписи дают большее поле для исследований по сравнению со всеобщими переписями населения, особое внимание уделено тому, какое отражение итоги микропереписей нашли в научных исследованиях и какие были получены выводы на их основе.

Более пристальное внимание уделено микропереписи населения 2015 г. (МПН-2015). Выявлены отклонения выборки МПН-2015 по регионально-территориальной структуре от постоянного населения России. Из-за значительной вариативности объема выборки по регионам пострадала репрезентативность данных по стране в целом, наблюдается смещенность социально-демографических и географических характеристик населения. Сопоставление численности и структуры населения по МПН-2015 с данными текущего учета и всеобщих переписей населения, оценка возрастной аккумуляции показали наличие серьезных проблем с качеством полученных данных, а также наличие типичных для всеобщих переписей ошибок. Акцентируется внимание на смещении в старшие возрасты структуры населения по МПН-2015, что может повлиять на оценку общих показателей образования, экономической активности, заболеваемости, инвалидности, демографического состава домохозяйств и других переменных, для которых существует тесная связь с возрастом, что в целом может отразиться на востребованности данных МПН-2015. В заключении, обращаясь к опыту микропереписей и социально-демографических обследований в зарубежных странах, а также выборочным обследованиям Росстата по социально-демографическим проблемам, поставлен вопрос о перспективах развития данного метода статистико-демографического наблюдения в России.

Ключевые слова: история микропереписей населения, вопросы микропереписи, выборка, качество данных.

ВВЕДЕНИЕ

История, организационно-методологические и программные характеристики микропереписей населения реже попадают в фокус внимания исследователей. В связи с этим в данной работе предпринята попытка дать представление об истории микропереписей населения в России как системном виде статистического наблюдения. Предоставляя больше возможностей для исследования демографических процессов по сравнению со всеобщими переписями населения, данные микропереписей являются основой многих фундаментальных демографических работ. Поэтому одной из задач было проследить, в какой степени итоги микропереписей нашли отражение в научных исследованиях. Более пристальное внимание к микропереписи населения 2015 г. (МПН-2015) обуславливается как нововведениями программы, так и особенностями выборки. Логика данной работы хронологическая в соответствии с годами проведения трех микропереписей населения России: 1985 г. как части СССР, 1994 и 2015 г.

АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА ПЬЯНКОВА (aryankova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА ЩЕРБАКОВА (escherbakova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВАСИН (svasin@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫПОЛНЕНО В РАМКАХ ПРОГРАММЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИУ ВШЭ В 2017 Г., ПРОЕКТ «ДОЛГОСРОЧНОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В СВЕТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ МИКРОПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2015 Г.».

Статья поступила в редакцию в мае 2018 г.

ПРОШЛОЕ: МИКРОПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1985 И 1994 ГОДОВ

Микроперепись 1985 г.

Опыт предшествующих выборочных обследований. В 1960-е и 1970-е годы отделом статистики бюджетов ЦСУ СССР проводились бюджетные обследования доходов семей рабочих, служащих, колхозников. Отдел демографии НИИ ЦСУ СССР выступил с инициативой включения в эти обследования блока вопросов о рождаемости и брачности. С 1972 г. они стали регулярными и проводились раз в три года (1972, 1975, 1978, 1981 г.), получив название «сентябрьских» по месяцу проведения. Программа этих обследований дала возможность изучать рождаемость в брачных когортах и когортах по году рождения, рассчитать вероятности рождения ребенка определенной очередности и построить таблицы брачности, в том числе по национальностям. Масштаб обследований (опрашивалось 300-350 тыс. семей) позволял получить данные по республикам СССР. Помимо этого, их достоинством было составление выборки по единой схеме и полная сопоставимость программ [Волков 2014: 183].

Организационные и методологические характеристики. В сентябре 1983 г. были приняты решение Политбюро ЦК КПСС и постановление Совета министров СССР от 1 сентября 1983 г. №865 о проведении органами государственной статистики Всесоюзного 5%-ого выборочного социально-демографического обследования населения по состоянию на 2 января 1985 г., которое в последствии стали называть микропереписью по аналогии с микропереписью 1994 года (далее МПН-1985) [История... 2013: 343]. МПН-1985 должно было отразить изменения, произошедшие с момента Всесоюзной переписи населения 1979 г. (ВПН-1979), дать основу для разработки планов социально-экономического развития на 12-ю пятилетку и оценки эффективности мероприятий демографической политики по расширению помощи семьям с детьми, введенных в 1981-1983 гг.

Микроперепись проводилась в период с 2 по 11 января 1985 г., данные собирались на 0 часов 3 января. Единицами выборки послужили избирательные округа для выборов в Верховный Совет СССР. Объем выборки составил 5% избирательных участков, на территории которых опрашивалось все постоянное население во всех союзных и автономных республиках, краях и областях, за исключением жителей труднодоступных районов Крайнего Севера и Сибири. Опрос проводили в виде личного интервью с использованием бумажных переписных листов. Число опрошенных составило около 13 млн.

Нагрузка на переписной персонал всех уровней предполагалась 500 респондентов на 1 работника в день. Помимо заполнения бланков, в отчете о подготовке и проведении МПН-1985 следовало указать: затруднения, встретившиеся при подготовке опросных листов к механизированной разработке и отправке в ГВЦ ЦСУ СССР, у лиц трудоспособного возраста, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, неучащихся; затруднения, встретившиеся при проверке и кодировании ответов; характерные ошибки счетчиков, выявленные на стадии проверки и кодирования материала; число случаев незаполнения позиций бланков; трудности при кодировании данных о национальностях и использовании словаря национальностей [История... 2013: 337].

Программа МПН-1985 (5 разделов, 27 вопросов) преследовала две цели: сохранить преемственность с ВПН-1979 и получить более широкий круг сведений по сравнению со всеобщими переписями. Единицей наблюдения, как и в ВПН-1979, была семья.

В первый раздел «Информация о каждом респонденте» были внесены следующие нововведения по сравнению с ВПН-1979:

- учет 5 категорий брачного состояния (никогда не состоявшие в браке, состоящие в браке, вдовы, разведенные, разошедшиеся) - добавлена отдельная категория «разошедшиеся»;
- в дополнение к вопросу о числе рожденных детей спрашивали, сколько из них живы, год и месяц рождения каждого; если умер, то год смерти;
- была изменена формулировка вопроса о миграции: учет непрерывности проживания с рождения; если нет, то год прибытия и тип поселения, откуда прибыл;
- включен вопрос о доходе;
- исключены вопросы о главе семьи, родном языке, месте работы и занятии.

Для каждого состоявшего в браке (раздел «информация о браке») был предусмотрен вопрос о годе вступления в 1-й брак (без разделения на зарегистрированный или нет), причине и дате его прекращения, годе вступления во 2-ой брак. Замужним женщинам в возрасте до 45 лет (раздел «информация о рождении детей»), помимо вопросов о рождаемости, задавали вопрос о репродуктивных планах – ожидаемом числе детей, включая уже имеющих. Этот вопрос продолжал традицию «сентябрьских» обследований (включался с 1972 г.), и позволял оценить степень реализации репродуктивных планов семей. Для выяснения эффективности государственных мер помощи семьям были предусмотрены вопросы о статусе занятости женщины и использовании отпуска по уходу за ребенком в возрасте до года и 1,5 лет.

В программе МПН-1985 был расширен блок вопросов о жилищных условиях (у молодых семей спрашивали, брали ли они беспроцентную ссуду на улучшение жилищных условий), впервые исследовали мнения населения о наиболее важных проблемах из предложенного списка, которые должны быть решены в первую очередь [Волков 2014:180-198].

Затруднения по каждому блоку вопросов, с которыми столкнулись как счетчики, так и респонденты при опросе и заполнении бланков, были очерчены в статье И. Белова [1986]. Часть их была обусловлена неточностью отдельных формулировок и положений Инструкции о порядке обследования и заполнения бланков.

Публикация итогов. Результаты обследования по некоторым вопросам вызывали беспокойство и сомнения: о доходах, мнениях населения о наиболее важных проблемах, о национальном составе. Часть результатов предписывалось представлять только в агрегированном виде. Письмо ЦСУ СССР¹, предназначенное для служебного пользования, помимо рекомендации о публикации итогов по национальному составу, содержало рекомендацию не издавать статистический сборник с итогами МПН-1985 [История... 2013:

¹ О порядке использования итогов выборочного социально-демографического обследования 1985 года (II очередь). Письмо ЦСУ СССР от 24.07.1985 №32/17-2 ДСП.

338]. В результате публикация итогов в нескольких номерах «Вестника статистики» была, к сожалению, сокращенной, и преимущественно в относительных показателях [Итоги... 1986].

Анализ материалов. Материалы МПН-1985 были проанализированы отечественными демографами, хотя и в существенно меньшей степени, чем результаты последующей микропереписи 1994 г. (МПН-1994). Публикации посвящены в основном вопросам рождаемости и брачности, их этнической дифференциации, взаимосвязи брачности и миграции населения.

Прежде всего стоит выделить работы Л.Е. Дарского, в том числе в соавторстве с другими исследователями. Он показал, что степень ограничения рождаемости существенно различалась по национальностям (исследовали 17 национальностей), а среди народов с низкой рождаемостью (эстонцы, литовцы, латвийцы, украинцы, русские, белорусы, евреи, грузины, молдаване и татары) свыше 94% женщин контролировали деторождение в конце 70-х – начале 80-х годов. В этой группе народов доля женщин, не контролирующей рождаемость, варьировалась от 3,6% среди молдаванок до 0,2% среди евреек [Darsky, Scherbov 1990: 8]. Среди этих народов динамика реальной рождаемости практически не отличалась от динамики ожидаемого числа детей, кроме грузин и молдаван, среди которых были некоторые расхождения между репродуктивными намерениями и их реализацией [Дарский 2005]. Народы с высокой рождаемостью (народы Закавказья, кроме грузин, и Средней Азии), находясь в тот период на более ранних стадиях демографического перехода, в значительно меньшей степени контролировали рождаемость. Среди армян, азербайджанцев, казахов снижение рождаемости продвинулось достаточно далеко. Доля женщин, контролирующей рождаемость, среди них была достаточно высокой (71,9% среди азербайджанок) или находилась на среднем уровне (44,4% среди казашек), а у киргизов, туркмен, узбеков и таджиков снижение рождаемости только началось и доля женщин, контролирующей рождаемость, была низкой: 25,7% среди киргизок, 27,3% среди туркменок, 32,0% среди узбечек, 16,7% среди таджичек [Darsky, Scherbov 1990]².

Результаты МПН-1985 также послужили базой для оценки демографического эффекта мер государственной политики помощи семьям с детьми, введенных в 1981-1983 гг. в три этапа в разных частях страны, начиная с тех, где рождаемость была самой низкой. Л.Е. Дарский, проведя детальный анализ взаимосвязи интергенетических интервалов и вероятности рождения детей разной очередности у женщин СССР разных категорий, в том числе различных национальностей, пришел к выводу, что рождаемость начала увеличиваться еще до того, как принятые меры могли оказать какой-либо эффект [Darsky 1994].

Г.А. Бондарской было показано, что роль культурно-национальных традиций в процессе прокреации оставалась на тот момент одной из важнейших, оказывающей решающее влияние на репродуктивное поведение женщин, и даже более важной социальной характеристикой, чем достигнутый уровень образования, занятость женщины,

² К сожалению, результаты данного исследования не были опубликованы в виде статей в научных журналах. В 1990 г. они вышли в виде препринта на английском языке [Darsky, Scherbov 1990], в 1992 г. Л.Е. Дарский докладывал о них на международном семинаре «Population of the former USSR in the 21st century», и только в 2005 г. они частично были опубликованы на русском языке в Демоскопе [Дарский 2005].

характер местности проживания и др. Между тем этническая дифференциация рождаемости в СССР достигла своего пика к тому моменту и в ближайшее время должно было начаться ее снижение [Bondarskaya 1994]. Анализируя данные об ожидаемом числе детей, Г.А. Бондарская показала, что ориентация на двухдетную семью господствовала среди всех народов европейских территорий СССР.

Работы Л.Е. Дарского в соавторстве с И.П. Ильиной освещают вопросы брачности [Дарский, Ильина 1988, 1990а, 1990б]. Первые две из них посвящены нормализации процессов брачности, последующие – ее этнической дифференциации. Более поздняя работа основана на материалах двух микропереписей – 1985 и 1994 г. В ней впервые вычислены показатели брачности (первых браков) мужчин и женщин по национальностям, уровню образования и типам поселений (по данным МПН-1985 в целом для СССР за 1980-1984 гг., по данным МПН-1994 в целом для России за 1989-1993 гг.). Помимо этого, рассмотрены проблемы построения таблиц брачности [Дарский, Ильина 2000].

Распространению этнически смешанных семей посвящена работа А.Г. Волкова [2014: 405-431], впервые опубликованная в двух номерах «Вестника статистики» 1989 г. (№7, 8). В ней он выделяет 4 группы семей среди всех смешанных семей с одной супружеской парой и приводит наиболее распространенные сочетания национальностей в этнически смешанных супружеских парах. В целом по СССР супружеские пары, где один из супругов русский, составили 82,5% всех смешанных супружеских пар. Наиболее распространенная группа – русско-украинские пары, однако общая картина сочетаний была весьма разнообразна. Так, из всех возможных сочетаний национальностей (1260) только 30% не были представлены в разработке итогов ни одной супружеской парой.

Отдельно стоит выделить работы Л.Р. Кузнецова, затрагивающие матримониальное и репродуктивное поведение мигрантов, а также влияние процессов миграции на эти виды поведения [Кузнецов 1990, 1992а, 1992б]. Он показал, что распространенность брачной миграции среди женщин Средней Азии в 3-4 раза выше, чем среди россиянок, в особенности в сельской местности этих республик. Для мигрантов (как мужчин, так и женщин) вероятности вступления в первый брак существенно выше, чем для немигрантов. Разделить мигрантов и немигрантов автору позволил учет непрерывности проживания с рождения в месте постоянного жительства, поэтому под немигрантами автор понимал непрерывно проживающих с рождения в месте постоянного жительства. Было показано, что чем дольше мигрантки проживают на новом месте, тем меньше их репродуктивное поведение отличается от поведения местного населения. Проживающие в городе бывшие сельские жители в своем репродуктивном поведении больше ориентированы на городские нормы этого поведения, что верно для регионов как с высокой, так и низкой миграционной подвижностью населения. Однако если мигрант выступает в роли носителя более продвинутых репродуктивных установок (с точки зрения демографического перехода), его поведение и после переезда остается гораздо более близким к репродуктивному поведению жителей той местности, откуда он переехал. Помимо этого, Л.Р. Кузнецов выявил более высокий уровень внебрачной рождаемости у мигранток по сравнению с жительницами принимающего сообщества, что дало основание автору предположить, что для некоторой части женщин именно внебрачное рождение стало причиной переезда.

Микроперепись 1994 года

Изменение демографической ситуации в стране (сформировавшаяся естественная убыль), изменение социальной структуры общества, появление новых социальных категорий населения, интенсификация миграционных процессов, изменение их масштабов, структуры и направлений – все это в совокупности обусловило необходимость проведения новой микропереписи.

Организационные и методологические характеристики. Верховный Совет Российской Федерации 22 декабря 1992 г. принял постановление №4182-1 «О неотложных мерах по изучению населения и демографических перспектив Российской Федерации», предусматривающее проведение микропереписи в 1994 г. Она была проведена 14-23 февраля 1994 г. по состоянию на 0 часов 14 февраля. Объем выборки составил 5% постоянного населения России каждого региона-субъекта федерации, включая временно отсутствующих, кроме Чеченской Республики и городов закрытого типа. Помимо этого не опрашивались некоторые категории населения: лица, проживающие в коллективных домохозяйствах (в домах для инвалидов и престарелых, детских домах, исправительных учреждениях, монастырях), а также военные срочной службы, их семьи и другие спецконтингенты. Основные пункты методологии формирования выборки были освещены в статье Т.М. Чернышовой [1990], однако полностью методология не была опубликована, несмотря на то, что, по мнению А.Г. Волкова, была хорошо разработана.

В отличие от МПН-1985 при формировании выборки МПН-1994 отказались от избирательных округов как единиц выборки в пользу счетных участков Всесоюзной переписи населения 1989 г. (ВПН-1989), где опрашивалось все постоянное население. Основным преимуществом такого принципа стало получение выборки, репрезентативной по географическому положению, типу поселения и численности населения административных единиц. Однако имелись и недостатки: не учитывалось изменение численности населения с момента проведения ВПН-1989 и возможность смещения выборки за счет наличия временных жителей в счетных участках ВПН-1989 [Волков 2014: 180-198].

Опрос проводили в виде личного интервью с использованием бумажных переписных листов. Число опрошенных составило около 7,4 млн человек. Средняя нагрузка на интервьюера в городской местности должна была составить 300 человек, в сельской – 250 человек [Волков 2014: 180-198].

Программа МПН-1994 (9 разделов, 49 вопросов) была ориентирована на отражение глобальных социально-экономических и демографических трансформаций, произошедших после распада СССР, и получение данных об изменениях демографической ситуации для оценки тенденций и перспектив воспроизводства населения. Проект программы широко обсуждался, был опубликован в «Вестнике статистики» [Исупов 1992]. Предусматривалось два отдельных списка вопросов: для постоянно проживающих и временно отсутствующих в домохозяйстве (см. приложение «Программа микропереписи 1994 года»)

Подробно организация и программа МПН-1994 проанализирована в работе А.Г. Волкова [2014]³, мы остановимся на ее наиболее важных изменениях и нововведениях.

Важным было принятие за единицу наблюдения в соответствии с международными рекомендациями домохозяйства, а не семьи, как в МПН-1985 и переписях населения советского периода. В разделе блока вопросов о брачности впервые учитывалось 6 категорий брачного состояния, раздельно велся учет зарегистрированных и незарегистрированных браков, что позволило впоследствии оценить степень распространенности незарегистрированных браков в России. Вопросы о годе заключения первого брака, годе и причинах его распада, годе заключения второго брака сохранились, что позволило исследователям изучить брачные траектории когорт разных лет рождения, компенсацию прекращения брака повторными браками, в том числе незарегистрированными. В блоке вопросов о рождаемости вопрос об ожидаемом числе детей дополнялся вопросом о желаемом их числе. Вопросы о репродуктивных планах и установках задавались всем женщинам в возрасте 15-44 лет, тогда как в «сентябрьских» обследованиях и МПН-1985 – только замужним. Помимо ставших уже традиционными вопросов об общем числе рожденных живыми детей с указанием года рождения каждого ребенка, спрашивали об отдельно проживающих детях (годе и месяце отделения). Вопрос о языке был существенно расширен, впервые спрашивали не только о владении языками (родной, другой), но и о сферах их преимущественного повседневного использования (дома, в учебном заведении, на работе). Блок вопросов о миграции был дополнен для тех, кто проживает вне места своего рождения, вопросом о прежнем месте постоянного жительства, годе и причине его смены. Экономический блок вопросов также был дополнен вопросами о занятости, в том числе с целью выявления новых социальных категорий населения – безработных в соответствии с рекомендациями МОТ. Включение вопроса о доходах было признано нецелесообразным по итогам МПН-1985 [Белов 1986:42], но он был сохранен, хотя и вызвал много споров, как и при подготовке программы МПН-1985.

Публикация итогов. Разработка итогов микропереписи завершилась достаточно быстро, уже к концу 1994 г. были опубликованы первые результаты, а в 1995 г. – 8 томов сборников. Публикация материалов МПН-1994 была существенно более широкой, чем предыдущей микропереписи 1985 г. [Основные итоги... 1995]. Помимо этого, полный файл индивидуальных данных в электронном виде открыт для исследователей, что позволяет осуществлять разработку данных в любой комбинации признаков [Вишневский, Захаров 2010]. В связи с этим важно отметить вклад Е.Л. Сороко в обработку индивидуальных данных МПН-1994. Им была разработана технология, в т. ч. компьютерные программы, и алгоритмы обработки массивов информации с индивидуальными ответами на вопросы МПН-1994; макеты новых и нестандартных таблиц с демографическими показателями и методы их табуляции; выполнена окончательная обработка, форматирование и оформление демографических таблиц.

Эти обстоятельства повлияли на более широкое изучение результатов МПН-1994 и круг публикаций. К ее результатам исследователи продолжают обращаться до сих пор.

³ До этого она публиковалась только в виде препринта на иностранном языке [Volkov 1999b].

Анализ материалов. Отметим наиболее фундаментальные работы, посвященные, как и прежде, в основном вопросам рождаемости и брачности, их взаимосвязи. Помимо этого, нововведения программы МПН-1994 позволили начать изучение домохозяйств, их структуры, этнических особенностей, а также миграции населения.

С.Я. Щербов и Х. Ван Виайнен выполнили серию исследований, используя специальную индивидуальную разработку данных МПН-1994, посвященных репродуктивной и брачной истории поколений женщин, родившихся в 1910-1934 гг. [Scherbov, van Vianen 1999] и в 1900-1960 гг. [Scherbov, van Vianen 2001]. Анализируя когортные показатели рождаемости, вероятности рождения детей разной очередности и длину интервалов между рождениями детей разной очередности, они пришли к выводу, что репродуктивное поведение женщин, рожденных в 1900-1960 гг., на протяжении длительного периода оставалось весьма стабильным. Этот вывод может служить аргументом в пользу того, что на падение рождаемости, наблюдавшееся в период проведения МПН-1994, в большей степени могло влиять изменение календаря рождений, нежели изменение реального репродуктивного поведения женщин к концу фертильного периода их жизни. Кроме того, он подтверждает то, что только показатели когортного анализа рождаемости могут отражать реальную динамику репродуктивного поведения женщин.

Так же было показано, что, хотя ни один из наблюдавшихся в России кризисов не оказал решающего влияния на процесс демографического перехода в рождаемости, политические события нередко имели глубокие краткосрочные последствия [Scherbov, van Vianen 2002]. В работе 2004 г., посвященной брачности, используя метод мультистатусных таблиц брачности, рассчитанных для мужчин и женщин в отдельности, С.Я. Щербов и Х. Ван Виайнен показали, что распространенность развода росла монотонно с достаточно низкого уровня когорт 1910 года рождения. Однако типичная восточно-европейская брачная структура, характеризующаяся ранним и почти всеобщим браком, была удивительно стабильной. Революция 1917 года, последовавшие за ней события, Вторая мировая война привели к откладыванию брака. Однако даже в когортах, столкнувшихся с сильно несбалансированным брачным рынком, доля никогда не состоящих в браке была исключительно низкой [Scherbov, van Vianen 2004].

Анализируя таблицы брачности реальных поколений, рожденных в 1910-1974 гг., С.В. Захаров также показал, что в России XX века модель ранней и всеобщей брачности была очень устойчивой (к 35 годам доля женщин, когда-либо состоящих в браке, составляла 90% и выше) [Захаров 2006]. Несмотря на то, что войны и другие катаклизмы оказывали влияние на повышение среднего возраста вступления в первый брак (наибольшим оно было для когорты 1923 года рождения – до 24,9 лет), впоследствии неизменно происходило омоложение брачности (для когорт, рожденных в 1930-1950 гг. и позже).

Материалы МПН-1994 были использованы не только в рамках когортного анализа, призванного дать ответ о долгосрочных изменениях рождаемости. Н.Б. Баркалов использовал их для анализа рождаемости по очередности рождений в условных поколениях [Barkalov 1997, 1999]. В своей последней работе, вышедшей уже после его смерти, он показывает, что изменения рождаемости в России в 1980-х и 1990-х годах в гораздо

большей степени были связаны с изменением самого уровня рождаемости, чем с изменением календаря рождаемости [Barkalov 2005].

Трансформация брачности в России также была предметом исследования М. Миллс [Mills 2000, 2004]. Проведя международное сравнение с аналогичными процессами в Канаде и Голландии, она пришла к выводу, что брачные траектории чрезвычайно разнообразны в Канаде и Нидерландах, тогда как в России весьма однообразны, несмотря на высокую долю вдов, даже в молодых возрастах, разводов и компенсирующих их повторных браков [Mills 2004].

Исследования подтвердили гипотезу превалирования долгосрочных трендов в снижении рождаемости в начале 1990-х годов над социально-экономическим кризисом этого периода [Kharkova, Andreev 2000; Андреев, Бондарская, Харьковская 2000].

Е.М. Андреев и Г.А. Бондарская изучали возможности использования данных об ожидаемом числе детей для прогноза населения и показали, что женщины одних и тех же поколений за прошедшие 9 лет между МПН-1985 и МПН-1994 незначительно изменили свои планы [Андреев, Бондарская 2000]. Наибольшие изменения характерны для молодых когорт, поэтому, как считают исследователи, сведения об ожидаемом ими числе детей следует использовать в прогнозе с осторожностью. Оптимальный вариант прогноза основан на совместном использовании показателей как для замужних, так и незамужних женщин. Последующие работы подтвердили целесообразность использования опросов женщин об ожидаемом числе детей для прогнозов рождаемости, поскольку в старших когортах (30 лет и старше) число ожидаемых детей по ответам женщин в ходе МПН-1994 г. оказалось близко к реальности в 2010 г. по итогам ВПН-2010 [Андреев, Харьковская 2015: 45-46].

А.Г. Волков, занимаясь вопросами изменения семейной структуры, пришел к выводу о невосполнимости ущерба от прекращения брака [Volkov 1999]⁴. Было показано, что шансы на повторное вступление в брак существенно дифференцированы по полу: для мужчин прекращение первого брака на 2/3 компенсируется повторными браками через 10 лет после прекращения первого, тогда как для женщин – всего на 1/3.

А.Г. Волков показал, что распространенность незарегистрированного брака зависит от его очередности: доля незарегистрированных браков выше среди повторных браков. Помимо этого, их доля сильно варьируется по регионам страны и национальностям, она выше в сельской местности, чем в городской, и повышается к старшим возрастам (40 и старше). Использование в качестве единицы наблюдения домохозяйства позволило разработать типологию домохозяйств и впервые получить сопоставимые в международном контексте данные об их структуре. Впервые было выявлено наличие такой формы домохозяйства, как супруги, живущие раздельно (для мужчин – 3,2%, для женщин – 4,6%). Развитие этой темы нашло свое отражение в совместной публикации с Е.Л. Сороко [Волков, Сороко 1999]. В начале 2000-х годов были опубликованы работы по структуре этнических (еврейских) домохозяйств [Soroko 2001; Andreev 2001].

⁴ Впервые работа опубликована на русском языке только в 2014 г. [Волков 2014: 432-447].

В когортном исследовании внутренней миграции, отражающей миграционную историю живущих поколений, Е.М. Андреев и М.В. Рахманинова [1999] установили, что для всех без исключения когорт был характерен западный миграционный дрейф.

Отдельно можно выделить работы М.С. Тольца и Е.Л. Сороко [Soroko 2001; Tolts 1996, 1997, 1998, 1999], посвященные анализу различных аспектов демографического поведения еврейского населения России на основе данных МПН-1994: распространенности смешанных браков; этнической принадлежности детей, рожденных в смешанных браках; численности, половозрастной и брачной структур еврейского населения; расселения; использования идиш как родного и второго языка еврейского населения.

Конечно, и другие исследователи обращались в разные годы к данным МПН-1994. Мы постарались осветить результаты наиболее фундаментальных работ, выполненных на ее материалах.

Настоящее: микроперепись населения 2015 года

В настоящее время микроперепись населения занимает в России промежуточное положение между всеобщими переписями населения и выборочными обследованиями в системе статического наблюдения демографических процессов Росстата. Очертив организационно-методологические и программные особенности микропереписи населения 2015 г. (МПН-2015), мы представим некоторые оценки качества данных МПН-2015, а затем выделим схожие и отличительные черты между МПН-2015 и всеобщими переписями населения и существующей системой выборочных обследований Росстата.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В феврале 2013 г. Росстат издал приказ о проведении МПН-2015⁵, которая была проведена с 1 по 31 октября 2015 г. (включительно). Данные собирались на 0 часов 1 октября. Официально названными целями МПН-2015 были: а) получение информации для анализа реализации мероприятий, представленных в Концепции демографической политики России до 2025 г.; б) получение данных о социально-экономическом положении до очередной всеобщей переписи населения; в) выполнение рекомендаций ООН, апробация новых методов сбора сведений; г) корректировка сценариев для демографического прогноза; д) расширение системы показателей [Никитина 2015].

Выборка МПН-2015 была сформирована по всем субъектам Российской Федерации из территориальной выборки многоцелевого назначения на базе информационного массива ВПН-2010 и федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе». Единицей выборки выступали счетные участки ВПН-2010 (7,2 тыс. счетных участков), сохранялась целостность счетных участков. Фактический объем выборки составил 2154 тыс. человек или 1,5% населения частных домохозяйств, учтенных ВПН-2010 и федеральным статистическим наблюдением «Перепись населения в Крымском

⁵ Приказ Росстата от 22 февраля 2013 г. №74 «О проведении федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое наблюдение (микроперепись населения 2015 г.)».

федеральном округе» 2014 г., или 1,5% постоянного населения России по текущей оценке на 1 января 2016 г.

В ходе МПН-2015 учету подлежало постоянное население частных домохозяйств России, за исключением постоянно проживающих в составе коллективных домохозяйств и домохозяйств бездомных, лиц, находившихся временно (до 1 года) на территории России. Помимо этого, по сокращенной программе обследовали длительно отсутствующих членов домохозяйства, не входящих в численность постоянного населения данного региона. К ним относились: 1) лица, постоянно проживающие в России и временно выехавшие в другой регион страны или за рубеж в командировку, на работу по контрактам с российскими или иностранными фирмами или учебу на срок 1 год и более; 2) лица, проходящие срочную воинскую службу, и лица, находящиеся в местах лишения свободы.

Опрос проводили в форме личного интервью с использованием планшетных компьютеров для записи ответов в электронные опросные листы и лишь в редких случаях (респондент отказывался отвечать, технические проблемы с планшетными компьютерами) использовали бумажные переписные листы, информацию с которых затем переносили на планшетные компьютеры. Средняя нагрузка на интервьюера составляла 400 респондентов. Также имелась возможность самозаполнения опросных листов в сети Интернет, но информация о том, как собирались сведения и объединялись в домохозяйства, сколько респондентов воспользовалось этой возможностью, отсутствует.

ОСОБЕННОСТИ ПРОГРАММЫ

Первоначальный проект программы был существенно шире реализованного. Он содержал 5 блоков и около 40 вопросов [Никитина 2013]. В итоге программа МПН-2015 содержала 28 вопросов (см. приложение «Программа микропереписи 2015 года»), среди которых были как стандартные блоки вопросов, хотя и сокращенные по сравнению с МПН-1994 и первоначальным проектом программы МПН-2015, так и новые вопросы.

К новому блоку можно отнести вопросы о здоровье. При подготовке программы микропереписи первоначально предполагалось широко использовать ее для оценки состояния здоровья населения, распространенности функциональных нарушений и инвалидности как в целом, так и по отдельным территориальным образованиям. В проекте программы присутствовал расширенный блок вопросов, но в итоге он был сокращен до трех: наличие хронических заболеваний, ограничивающих жизнедеятельность (да/нет); необходимость ежедневной помощи другого человека (да/нет, кто оказывает); наличие установленной группы инвалидности (да/нет, указание группы инвалидности). Расширенный блок вопросов, предлагаемый в проекте, был слишком общим. В ходе обсуждения предлагалось его изменить, сделав более сопоставимым с международной практикой исследования здоровья в рамках национальных выборочных исследований и переписей [Рамонов, Пьянкова 2014]. К сожалению, оставшиеся в переписном листе вопросы о здоровье малоинформативны, некоторые дублируют ведомственную статистику.

По сравнению с МПН-1994 были расширены блоки вопросов о гражданстве (добавлены вопросы об истории получения российского гражданства и о прежнем

гражданстве) и миграции (добавлены вопросы о месте жительства в год ВПН-2010 и месте регистрации). Первоначально в разделе «миграция» присутствовал новый для переписей и микропереписей блок вопросов, призванный оценить маятниковую миграцию. Предполагалось выяснить место работы и/или учебы, частоту поездок, затрачиваемое время, вид используемого транспорта и время выезда. Однако эти важные для страны и особенно ряда ее регионов вопросы не вошли в окончательный вариант переписного листа.

Помимо этого, несмотря на накопленный положительный опыт выборочных обследований и предыдущих микропереписей, были сокращены два важных традиционных раздела программы: брачность и рождаемость. В итоге в разделе «рождаемость» остались вопросы только о числе рожденных детей без указания на то, сколько из них живы, сколько живут отдельно, очередности и года их рождения, месяца и года смерти, если ребенок умер, и о числе ожидаемых и желаемых детей. Однако был добавлен вопрос о факторах, влияющих на принятие решения о рождении детей, в том числе и получение «материнского капитала» (в первоначальном проекте программы отсутствовал). В разделе «брачность» учитывались только категории брачного состояния (как и прежде б), а вопросы о годе вступления в первый брак, годе и причине его прекращения, времени вступления во второй брак отсутствовали (в первоначальном проекте программы присутствовали).

Лингвистический блок вопросов был также сокращен. Помимо родного языка и языков, которым респондент владеет, необходимо было указать языки, которыми респондент пользуется в повседневной жизни, но без сферы их использования (дома, на работе, в общеобразовательном учреждении), тогда как МПН-1994 надо было указать сферу повседневного использования языков.

Об итогах МПН-2015

Особенности выборки МПН-2015

Выборка МПН-2015 должна была обеспечить возможность получения репрезентативных итогов по обобщающим демографическим и социально-экономическим характеристикам на уровне субъектов Российской Федерации и их центров, отразив основные структурные особенности населения [Доклад Росстата... 2016: 1]. При этом она имела свои территориальные особенности, которые могли отразиться на ее результатах.

Как отмечается в итоговом докладе Росстата, МПН-2015 проводилась в городских и сельских населенных пунктах на территории всех субъектов Российской Федерации, но более 9% помещений, первоначально попавших в выборку, фактически выбыли из нее. Население 19 тыс. помещений (2%) отказалось от участия в обследовании. Около 80 тыс. помещений (8,1%) оказались пустующими, нежилыми или переписчикам не удалось застать дома их жителей в течение всего периода проведения обследования. В итоге 298 тыс. человек отсутствовали весь период проведения обследования или отказались от участия в нем [Доклад Росстата... 2016: 2].

Но более значимо то, что выборка МПН-2015 была существенно меньше, чем выборки предшествующих микропереписей 1994 и 1985 г. (по 5% постоянного населения),

и отличалась существенным отклонением от фактического размещения населения, т.е. от территориальной структуры генеральной совокупности. В методических пояснениях к итогам МПН-2015 специально оговаривается, что на сайте Росстата представлены абсолютные нераспространенные на генеральную совокупность и прямые относительные данные, не взвешенные по структуре населения генеральной совокупности. По отдельным территориальным разрезам таблицы не публикуются по причине их нерепрезентативности из-за недостаточного объема выборки [Методические пояснения... 2015].

Доля населения, обследованного в ходе МПН-2015, заметно различается по федеральным округам (таблица 1)⁶. Объем выборки варьировался от 0,8% в Крымском федеральном округе до 3,0% в Южном федеральном округе (без Республики Крым и г. Севастополь, вошедших в состав обновленного Южного федерального округа в июле 2016 г.). Размах вариации доли населения, обследованного в городских и особенно в сельских населенных пунктах, шире. По городским поселениям она варьировалась от 0,7% в Крымском федеральном округе до 3,1% в Южном федеральном округе, а по сельским поселениям – от 0,8% в Крымском федеральном округе до 4,8% в Дальневосточном федеральном округе.

Вариация доли населения, обследованного в субъектах федерации, намного более значительна – от 0,7% постоянного населения Республики Крым до 10,5% постоянного населения Чукотского автономного округа. Помимо Республики Крым, мал объем выборки (не более 1%) во всех трех городах федерального значения (Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе) и Краснодарском крае, крупнейших по численности населения субъектов федерации (кроме Севастополя). Большие объемы выборки характерны для регионов с малочисленным населением. Помимо Чукотского автономного округа, к их числу относятся Ненецкий автономный округ (7,1%), Еврейская автономная область (6,6%), Магаданская область (6,1%). Медианное значение доли обследованного населения составило 1,9%, в центральной половине регионов она варьировалась от 1,4 до 2,3%. В 55 субъектах федерации объем выборки превышал 1,5%, в 30 – был ниже.

Доля населения, обследованного в городских поселениях, составила от 0,7% в Республике Крым до 9,2% в Чукотском автономном округе при медианном значении 1,6%. Максимальные различия по доле обследованного населения характерны для сельских населенных пунктов: от 0,7 до 13,5% в тех же регионах при медианном значении 2,4%. В 76 субъектах федерации объем выборки сельского населения превысил 1,5%.

Что касается региональных столиц или административных центров субъектов федерации, в МПН-2015 к ним относились соответствующие городские округа, численность населения которых можно сравнить с текущей оценкой численности самого города (без других поселений, входящих в городской округ), которая в ряде случаев ниже, чем городского округа. Полученная таким образом доля населения региональных центров, охваченного МПН-2015, составила от 0,5% в Симферополе до 12,2% в Анадыре при

⁶ Данные представлены в разбивке по федеральным округам, существовавшим на момент проведения МПН-2015 до июля 2016 г., когда Крымский федеральный округ выделялся отдельно. После он вошел в состав Южного федерального округа.

медианном значении 1,1%. В 58 центрах субъектов федерации объем выборки оказался ниже 1,5%.

Таблица 1. Численность населения, принявшего участие в МПН-2015, и постоянного населения на 1 января 2016 г. по федеральным округам (ФО)

	Постоянное население на 01.01.2016, человек	Население, обследованное в ходе МПН-2015, человек	Доля обследованного населения, %
<i>Городское и сельское население</i>			
Российская Федерация	146 544 710	2 154 254	1,5
Центральный ФО	39 104 319	547 720	1,4
Северо-Западный ФО	13 853 694	228 087	1,6
Южный ФО	14 044 580	426 075	3,0
Северо-Кавказский ФО	9 718 001	167 509	1,7
Приволжский ФО	29 673 644	299 725	1,0
Уральский ФО	12 308 103	146 207	1,2
Сибирский ФО	19 324 031	178 195	0,9
Дальневосточный ФО	6 194 969	143 175	2,3
Крымский ФО	2 323 369	175 61	0,8
<i>Городское население</i>			
Российская Федерация	108 657 433	1 414 547	1,3
Центральный ФО	32 055 953	384 672	1,2
Северо-Западный ФО	11 657 955	163 232	1,4
Южный ФО	8 836 149	272 820	3,1
Северо-Кавказский ФО	4 772 186	120 291	2,5
Приволжский ФО	21 242 843	189 932	0,9
Уральский ФО	9 978 692	96 365	1,0
Сибирский ФО	14 077 572	106 172	0,8
Дальневосточный ФО	4 681 585	70 963	1,5
Крымский ФО	1 354 498	10 100	0,7
<i>Сельское население</i>			
Российская Федерация	37 887 277	739 707	2,0
Центральный ФО	7 048 366	163 048	2,3
Северо-Западный ФО	2 195 739	64 855	3,0
Южный ФО	5 208 431	153 255	2,9
Северо-Кавказский ФО	4 945 815	47 218	1,0
Приволжский ФО	8 430 801	109 793	1,3
Уральский ФО	2 329 411	49 842	2,1
Сибирский ФО	5 246 459	72 023	1,4
Дальневосточный ФО	1 513 384	72 212	4,8
Крымский ФО	968 871	7 461	0,8

Примечание: В таблицах данные приводятся в разбивке по федеральным округам, существовавшим до июля 2016 г.

Источники: [Численность населения... 2017; Таблицы с итогами... 2015].

Таким образом, большие объемы выборки характерны для территорий с относительно малочисленным населением, что, казалось бы, вполне оправдано с точки зрения обеспечения репрезентативности итогов. Однако это привело к довольно значительным искажениям регионально-территориальной структуры обследованного населения в целом. Отметим, что при проведении МПН-1994 вариация объема выборки была менее значительной – от 4,7% в Калининградской области и Ханты-Мансийском автономном округе до 6,4% в Чукотском автономном округе [Основные итоги... 1995].

Из-за существенных различий в объемах выборки по регионам в общей выборке доля населения одних регионов заметно выше, чем в генеральной совокупности, а других –

заметно ниже. Это наглядно видно на уровне федеральных округов. Доля населения, обследованного в Южном федеральном округе, в 2 раза больше, чем в постоянном населении России, в Дальневосточном федеральном округе – в 1,6 раза. Доля населения, обследованного в Крымском федеральном округе, напротив, почти вдвое ниже (таблица 2). Более значительно искажена территориальная структура населения, обследованного в сельских населенных пунктах.

Таблица 2. Размещение населения, принявшего участие в МПН-2015, и постоянного населения на 1 января 2016 г. по федеральным округам (ФО)

	Постоянное население на 01.01.2016	Обследовано в ходе МПН-2015	Отклонение доли обследованного населения от доли постоянного населения (ПН)	
	%	%	процентных пунктов	% (ПН=100)
<i>Городское и сельское население</i>				
Российская Федерация	100	100	-	-
Центральный ФО	26,7	25,4	-1,3	95
Северо-Западный ФО	9,5	10,6	1,1	111
Южный ФО	9,6	19,8	10,2	206
Северо-Кавказский ФО	6,6	7,8	1,2	118
Приволжский ФО	20,2	13,9	-6,3	69
Уральский ФО	8,4	6,8	-1,6	81
Сибирский ФО	13,2	8,3	-4,9	63
Дальневосточный ФО	4,2	6,6	2,4	158
Крымский ФО	1,6	0,8	-0,8	51
<i>Городское население</i>				
Российская Федерация	100,0	100,0	-	-
Центральный ФО	29,5	27,2	-2,3	92
Северо-Западный ФО	10,7	11,5	0,8	108
Южный ФО	8,1	19,3	11,2	237
Северо-Кавказский ФО	4,4	8,5	4,1	193
Приволжский ФО	19,6	13,4	-6,2	69
Уральский ФО	9,2	6,8	-2,4	74
Сибирский ФО	13,0	7,5	-5,5	58
Дальневосточный ФО	4,3	5,0	0,7	117
Крымский ФО	1,2	0,7	-0,5	57
<i>Сельское население</i>				
Российская Федерация	100,0	100,0	-	-
Центральный ФО	18,6	22,0	3,4	119
Северо-Западный ФО	5,8	8,8	3,0	151
Южный ФО	13,7	20,7	7,0	151
Северо-Кавказский ФО	13,1	6,4	-6,7	49
Приволжский ФО	22,3	14,8	-7,5	67
Уральский ФО	6,1	6,7	0,6	110
Сибирский ФО	13,8	9,7	-4,1	71
Дальневосточный ФО	4,0	9,8	5,8	244
Крымский ФО	2,6	1,0	-1,5	39

Источники: [Численность населения... 2017; Таблицы с итогами... 2015].

На уровне субъектов федерации наибольшие отклонения доли населения в выборке от генеральной совокупности характерны, с одной стороны, для Республики Крым и г. Москвы (в 2 раза меньше), а с другой – для Чукотского автономного округа (в 6 раз больше).

В результате выборка оказалась существенно искаженной по соотношению городского и сельского населения: если по текущей оценке Росстата на 1 января 2016 г.

доля городского населения России (с учетом Крыма) составляла 74,1%, то среди населения, принявшего участие в МПН-2015, – 65,7% (таблица 3). Отметим, что по данным МПН-1994 доля городского населения в выборке была такой же, что и в генеральной совокупности – 73% [Основные итоги... 1995: 6-7]. По доле городского населения наибольшее соответствие выборки генеральной совокупности отмечается в Крымском (99%) и Южном (102) федеральных округах, наименьшее – в Северо-Кавказском (146%) и Дальневосточном (66%). По доле сельского населения, более малочисленного, чем городского во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского, расхождение еще больше.

Таблица 3. Соотношение городского и сельского населения, принявшего участие в МПН-2015, и постоянного населения на 1 января 2016 г. по федеральным округам (ФО)

	Доля городского населения		Отклонение обследованного населения от постоянного (ПН) по доле городского населения		Доля сельского населения		Отклонение обследованного населения от постоянного (ПН) по доле сельского населения	
	01.01. 2016	МПН- 2015	пп	% к ПН	01.01. 2016	МПН- 2015	пп	%
Российская Федерация	74,1	65,7	-8,4	89	25,9	34,3	8,4	133
Центральный ФО	82,0	70,2	-11,8	86	18,0	29,8	11,8	165
Северо-Западный ФО	84,2	71,6	-12,6	85	15,8	28,4	12,6	180
Южный ФО	62,9	64,0	1,1	102	37,1	36,0	-1,1	97
Северо-Кавказский ФО	49,1	71,8	22,7	146	50,9	28,2	-22,7	55
Приволжский ФО	71,6	63,4	-8,2	89	28,4	36,6	8,2	129
Уральский ФО	81,1	65,9	-15,2	81	18,9	34,1	15,2	180
Сибирский ФО	72,9	59,6	-13,3	82	27,1	40,4	13,3	149
Дальневосточный ФО	75,6	49,6	-26,0	66	24,4	50,4	26,0	207
Крымский ФО	58,3	57,5	-0,8	99	41,7	42,5	0,8	102

Источники: [Численность населения... 2017; Таблицы с итогами... 2015].

Отмеченные отклонения выборки МПН-2015 по регионально-территориальной структуре от постоянного населения России заставляют с определенной осторожностью относиться к полученным результатам. Росстат не приводит данные МПН-2015, взвешенные по территориальной структуре фактического населения, однако представил «Сводные результаты оценки репрезентативности блоков таблиц с итогами микропереписи населения 2015 года» [Сводные результаты... 2015]. Оценка репрезентативности произведена для всех опубликованных на сайте таблиц по всем территориальным разрезам, включая субъекты федерации и их центры в разбивке на городское и сельское население. Отметим, что даже для уровня Российской Федерации в целом некоторые данные по миграции (таблицы 07-2, 07-6, 07-10), национальности (10-2) и временно отсутствующим (11-02, 11-03, 11-05) нерепрезентативны.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ, ОПРОШЕННОГО В МИКРОПЕРЕПИСИ, В СРАВНЕНИИ С ТЕКУЩИМИ ОЦЕНКАМИ РОССТАТА

Проблеме оценки качества итогов микропереписей, как и всеобщих переписей, до сих пор

уделяется недостаточное внимание. Для такой оценки возможно привлечение демографических методов: сопоставление численности и структуры населения с данными текущего учета населения, оценка возрастной аккумуляции, сопоставление с данными предыдущих переписей населения, сопоставление с иными, в том числе ведомственными, источниками.

Особенности формирования выборки МПН-2015 сказались на возрастной структуре населения: по микропереписи она заметно старше, чем по текущей оценке Росстата. Согласно последней средний возраст каждой из групп населения примерно на год ниже, чем по микропереписи (таблица 4). Завышение МПН-2015 среднего возраста на один год следует признать значительным и по отношению к приросту показателя в 2015 г. (лишь 0,1 года), и по отношению к его динамике в последние годы и в ближайшей перспективе. Так, прирост среднего возраста на один год последний раз занял 8-9 лет (в 2006-2007 гг. он был на год меньше, чем в 2015 г.), а по среднему варианту прогноза Росстата ожидается, что показатель увеличится до значений, зафиксированных в МПН-2015, в 2022-2024 гг.

Таблица 4. Средний возраст населения по МПН-2015 и текущим оценкам населения, лет

	Все население			Городское население			Сельское население		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
Текущая оценка на 01.01.2015	39,5	36,7	41,9	39,5	36,7	41,9	39,4	36,9	41,7
МПН-2015	40,6	37,7	43,1	40,7	37,6	43,1	40,6	37,8	43,0
Текущая оценка на 01.10.2015 (расчет)	39,6	36,8	41,9	39,6	36,7	42,0	39,5	37,0	41,8
Текущая оценка на 01.01.2016	39,6	36,8	42,0	39,6	36,8	42,0	39,5	37,0	41,8
Разность между данными МПН-2015 и текущими оценками									
01.01.2015	1,1	1,0	1,2	1,2	0,9	1,2	1,2	0,9	1,3
01.10.2015 (расчет)	1,0	0,9	1,2	1,1	0,9	1,1	1,1	0,8	1,2
01.01.2016	1,0	0,9	1,1	1,1	0,8	1,1	1,1	0,8	1,2

Примечание: Расчет текущей оценки населения на 01.10.2015 есть взвешенная средняя населения на 01.01.2015 и 01.01.2016, где в качестве весов использовалась доля года до и после 1 октября 2015 г.

Источники: [Таблицы с итогами... 2015; Численность населения... 2015, 2016].

Смещение оценки возрастной композиции населения в старшие возраста иллюстрирует сравнение пропорций трех возрастных групп: по МПН-2015 доля пожилого населения значимо выше (таблица 5). Отклонения от текущей оценки пропорций трех возрастных групп особенно велики в городском населении, при этом сдвиг в старшие возраста и гораздо сильнее, чем в селе, и происходит преимущественно за счет доли населения в возрасте 15-59 лет, тогда как в селе – за счет доли детей. Что касается различий по полу, основное из них это то, что в женском населении доля детей занижена сильнее, чем в мужском. Более того, у сельских женщин возрастная композиция сместилась в старшие возраста только за счет доли населения в возрасте до 15 лет, в то время как у городских мужчин – только за счет населения в возрасте 15-59 лет.

Более детально проанализировать особенности смещения позволяет отношение доли населения по МПН-2015 к доле населения по текущей оценке по однолетним возрастным группам на рисунке 1. За исключением отмеченных выше различий, характер смещения одинаков у мужчин и женщин, в городе и селе. Из рисунка 1 видно, что при МПН-2015 недоучтены дети самого раннего возраста, в особенности младенцы и годовалые малыши, доля которых занижена на 10-20%. Почти на ту же величину, что и в интервале 0-4 года, занижена доля самой мобильной части населения в возрасте от 18 до 24 лет. В последующих возрастах различия в возрастной композиции населения между МПН-2015 и текущей оценкой убывают, а после 50 лет доля населения по МПН-2015 становится выше, чем по текущей оценке, причем после 55 лет эти различия весьма значительны.

Таблица 5. Структура населения по МПН-2015 и текущим оценкам населения, %

Дата текущей оценки населения	Все население			Городское население			Сельское население		
	0-14	15-59	60+	0-14	15-59	60+	0-14	15-59	60+
<i>Оба пола</i>									
01.01.2015	16,7	63,5	19,9	15,9	64,3	19,8	18,8	61,0	20,2
МПН-2015	16,7	61,3	22,0	16,0	61,9	22,1	18,0	60,2	21,8
01.01.2016	17,0	62,6	20,3	16,4	63,4	20,2	19,0	60,3	20,7
01.10.2015 (расчет)	17,0	62,8	20,2	16,3	63,6	20,1	18,9	60,5	20,6
<i>Мужчины</i>									
01.01.2015	18,5	66,5	15,0	17,9	67,3	14,9	20,1	64,5	15,4
МПН-2015	18,8	64,3	16,9	18,3	64,7	17,0	19,7	63,4	16,9
01.01.2016	18,9	65,7	15,4	18,4	66,4	15,3	20,2	63,8	16,0
01.10.2015 (расчет)	18,8	65,9	15,3	18,2	66,6	15,2	20,2	64,0	15,9
<i>Женщины</i>									
01.01.2015	15,1	60,8	24,1	14,3	61,8	23,9	17,7	57,8	24,6
МПН-2015	14,9	58,9	26,2	14,1	59,6	26,3	16,5	57,4	26,1
01.01.2016	15,5	60,0	24,5	14,7	60,9	24,4	17,8	57,1	25,1
01.10.2015 (расчет)	15,4	60,2	24,4	14,6	61,2	24,2	17,8	57,3	24,9

Источники: [Таблицы с итогами... 2015; Численность населения...2015, 2016].

Население по МПН-2015 в отличие от текущей оценки населения не включает членов коллективных домохозяйств (пенитенциарной системы, армейских казарм, интернатных учреждений, медицинских и социальных учреждений с длительным уходом за тяжело больными людьми, домов для престарелых людей и др.). По переписи 2010 г. в институциональном населении насчитывалось почти 2 млн человек (1,3%). В нем преобладали мужчины (1,6 млн), половина которых находилась в возрасте от 18 до 27 лет, где как раз наблюдается сильный «дефицит» населения по МПН-2015 относительно текущей оценки. У женщин распределение институционального населения по возрасту не имела таких радикальных особенностей, да и доля проживающих в коллективных домохозяйствах составляла всего 0,4%.

Чтобы примерно оценить влияние институционального населения на расхождения между возрастной композицией по МПН-2015 и по текущей оценке, мы скорректировали последнюю, построив ее без учета институционального населения. Коррекция не внесла ничего нового для женского населения, но для мужского населения почти устранила расхождения в возрастах от 23 до 28 лет, снизила избыток населения в старших возрастах и в целом уменьшила расхождения в оценке пропорций трех возрастных групп. Общий характер отклонений тем не менее остался неизменным, это означает, что сдвиг в старшие возраста населения по МПН-2015 должен объясняться чем-то другим.

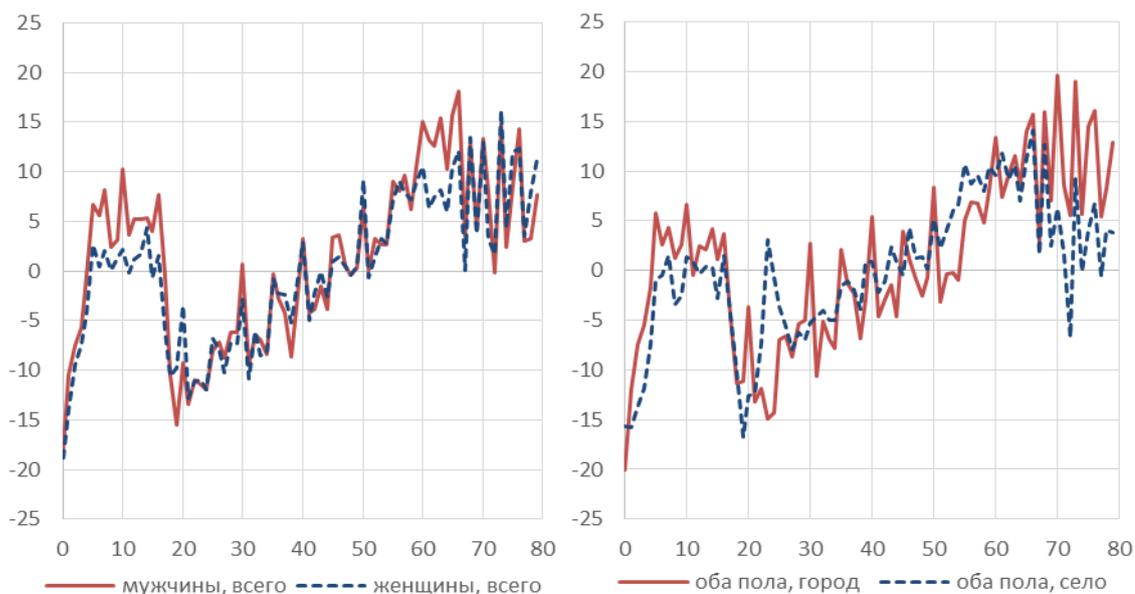

Рисунок 1. Относительная разность в долях населения между данными МПН-2015 и текущей оценкой на дату переписи по однолетним возрастным группам по полу и месту жительства, 0-79 лет, %

Источники: [Численность населения... 2015; 2016; База микроданных... 2015].

ВОЗРАСТНАЯ АККУМУЛЯЦИЯ

Заметная на рисунке 1 аккумуляция в возрастах, оканчивающихся на 0 и 5, указывает на проблему качества данных МПН-2015 о возрастном составе населения. Аккумуляция свойственна также всеобщим переписям 2002 и 2010 г., для которых коэффициент возрастной аккумуляции Уипла составил 2,8 и 3,0, соответственно [Андреев 2012]. По МПН-2015 этот показатель по населению в целом превысил 6. Проблема свойственна в большей степени городскому населению, где значения показателя приближаются к критическому уровню (таблица 6).

Таблица 6. Коэффициент возрастной аккумуляции Уипла по МПН-2015 и текущей оценке населения, на 100

Группа населения	МПН-2015	Оценка на 01.10.2015 (расчетная)	Оценка на 01.01.2016
Все население			
Оба пола	6,3	2,5	3,5
Мужчины	6,8	2,6	3,6
Женщины	5,9	2,4	3,4
Городское население			
Оба пола	8,3	2,8	4,0
Мужчины	8,9	3,0	4,2
Женщины	7,8	2,7	3,8
Сельское население			
Оба пола	2,3	1,5	2,1
Мужчины	2,7	1,5	2,1
Женщины	2,0	1,5	2,0

Источники: [База микроданных... 2015; Численность населения... 2016].

В прошлом возрастная аккумуляция проистекала из-за неграмотности населения и плохой системы учета рождений, поэтому естественно, что в сельском населении она была значительно выше. В современной России причины иные. Уровень образования населения в городах выше, чем в селах, в средних возрастах выше, чем в пожилых, но странным образом в более образованных группах населения информация о возрасте наименее точна. Можно предложить ряд гипотез, объясняющих такую ситуацию, но этот вопрос заслуживает отдельного изучения. Однако даже если население намеренно искажает свой возраст, а организация МПН-2015 и качество интервьюирования безупречны, возрастная аккумуляция свидетельствует о невысоком качестве данных по городскому населению и населению в целом.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДАННЫМИ ПРЕДЫДУЩИХ ВСЕОБЩИХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Микроперепись – выборочное наблюдение и этим отличается от обычных переписей населения. Тем не менее характер отклонений в возрастной структуре от текущих оценок невольно заставляет проводить параллели с типичными ошибками переписей 2002 и 2010 г. Помимо рассмотренной выше возрастной аккумуляции, микропереписи может быть свойственна такая ошибка, как недоучет детей ранних возрастов.

Определенное мнение о причинах недоучета детей в возрастах 0-3 года в последних переписях нам неизвестно. Сомнительно, что недоучет возникает из-за переучета числа рождений, и более чем сомнительно, что из-за эмиграции [Мкртчян 2012]. На примере Москвы, где по переписи 2010 г. расхождения были максимальными, показано, что эти расхождения не могут быть объяснены никакими естественными процессами, такими как смертность или эмиграция матерей с детьми [Андреев 2012]. К неестественным причинам недоучета детей до 4 лет можно отнести запаздывание регистрации таких детей в административных источниках данных, к которым обращается перепись в случае недоступности домохозяйства для опроса. Для МПН-2015 такое объяснение не подходит. Взамен можно предположить, что свою роль здесь играет значительный недоучет населения репродуктивных возрастов. Правда, в этом случае недоучет детей, как представляется, должен быть равномернее, чем на рисунке 1. Поэтому можно допустить, что в силу каких-то причин действует закономерность: чем младше малыши, тем менее доступны домохозяйства их родителей для обследования.

Еще одна типичная ошибка последних переписей – завышение численности пожилых – объясняется двойным учетом [Мкртчян 2012] и завышением возраста при ответе на вопрос о годе рождения [Андреев 2012]. Первое к МПН-2015 не относится. Второе свойственно самым старшим возрастам и может играть лишь скромную роль в столь значительном сдвиге населения в старшие возраста. Поскольку речь идет о пропорциях возрастных групп и относительные разности на рисунке 1 последовательно нарастают от двадцатилетних к шестидесятилетним, более правдоподобно, что этот сдвиг носит систематический характер и объясняется спецификой формирования выборочной совокупности МПН-2015, и, в первую очередь, ее территориальными особенностями: смещенностью выборки в сторону сельского населения и заниженного представительства в

составе опрошенных населения крупных городов [Андреев, Захаров 2017]. Другие рассмотренные выше гипотезы или, например, гипотеза о том, что двойной учет в ВПН-2010 в некоторых возрастных группах спустя пять лет привел к тому, что пропорции постаревших на пять лет возрастных когорт в МПН-2015 оказались слишком низки, могут быть верны в отношении отдельных возрастных групп, но не могут объяснить картину в целом.

Смещенная в старшие возраста композиция населения по МПН-2015 может влиять на оценку показателей, для которых существует тесная связь с возрастом, включая образование, экономическую активность, заболеваемость, инвалидность и др. В некоторых уже проведенных исследованиях с использованием результатов МПН-2015 на эти проблемы обращается внимание. Было показано влияние выборочной ошибки за счет неравномерности выборки на показатели смертности по уровню образования для некоторых регионов (Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области), где доля лиц с высшим образованием высока, тогда как в МПН-2015 их доля существенно ниже средней по стране [Андреев, Никитина, Харькова 2017: 64]. В работе Е.М. Андреева и С.В. Захарова показано, что доля женщин с большим числом рожденных детей и среднее число рожденных детей в выборочной совокупности женщин, принявших участие в МПН-2015, оказалось выше, чем, если бы выборка во всех регионах была одинаковой [Андреев, Захаров 2017].

СОВРЕМЕННОЕ МЕСТО МПН-2015 В СИСТЕМЕ СТАТИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ РОССТАТА

Чтобы позиционировать МПН-2015 в системе современного статистического учета, целесообразно выделить общие и отличительные аспекты по сравнению с системой выборочных обследований Росстата⁷, проводимых с 2011 г. В рамках изучения условий проживания и образа жизни населения проводится 7 выборочных обследований, в рамках изучения интеграционных процессов на рынке труда – 3. Они различаются по тематике, периодичности проведения (от ежегодных до проводимых раз в 5 лет) и числу обследуемых домохозяйств (от 10 до 160 тыс.). Из 10 обследований наиболее целесообразно сравнить МПН-2015 с пятью наиболее схожими по тематике выборочными обследованиями: условий жизни населения; репродуктивных планов населения; поведенческих факторов, влияющих на здоровье; рациона питания; доходов населения и участия в социальных программах.⁸

Вопросы МПН-2015 о поле, возрасте, семейном положении, наивысшем достигнутом уровне образования универсальны и характерны для всех указанных обследований. Однако в формулировке вопросов и широте блоков вопросов имеются существенные различия, даже в таком вопросе, как возраст. Например, в микропереписи вопрос о возрасте задается в виде вопроса о дате рождения, а число исполнившихся лет определяется по таблице, что является более точным подходом определения возраста, тогда

⁷ В 2010 г. было принято постановление Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. №946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения».

⁸ «Комплексное наблюдение условий жизни населения» (КОУЖ), «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения», «Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения», «Выборочное наблюдение рациона питания населения», «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах».

как в «Комплексном наблюдении условий жизни населения» (КОУЖ) спрашивается только о числе исполнившихся лет. Блок вопросов о семейном положении в КОУЖ расширен вопросом о совместном проживании супругов, что позволяет выделить зарегистрированных супругов, проживающих отдельно, в отличие от микропереписи и всеобщих переписей, и причинах отдельного их проживания. Этот блок вопросов дополнен вопросами о числе, причинах, месте отдельного проживания детей. Обследование репродуктивных планов также позволяет выделить пары разошедшиеся, но ранее состоящие в зарегистрированном браке и не разведенные официально. В остальных обследованиях выделяются те же категории семейного положения, что и в МПН-2015.

Среди общих черт программ МПН-2015 и КОУЖ (периодичность наблюдения – 1 раз в 2 года; объем выборки – 60 тыс. домашних хозяйств) можно отметить наличие вопросов об образовании и здоровье населения. В КОУЖ блок вопросов об образовании, повторяя часть вопросов микропереписи (наивысший достигнутый уровень образования, посещение дошкольного учреждения, обучение в настоящий момент в образовательной организации), существенно шире – для каждого уровня образования предлагаются свои дополнительные вопросы. Помимо этого, изучаются образовательные планы, вовлеченность в дополнительное образование. То же можно и сказать о блоке вопросов о здоровье населения: повторяя часть вопросов микропереписи (наличие хронических заболеваний, потребность в помощи, наличие инвалидности и установленная ее группа), блок вопросов о здоровье несколько шире. Принципиальное отличие – наличие вопросов, позволяющих оценить состояние здоровья населения по самооценке опрашиваемого, распространенность курения и употребления алкогольных напитков, частоте употребления и ее структуре.

Вопросы о состоянии здоровья населения объединяют МПН-2015, «Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения» (периодичность проведения – 1 раз в пять лет; объем выборки – 15 тыс. домашних хозяйств) и «Выборочное наблюдение рациона питания населения» (периодичность проведения – 1 раз в пять лет; объем выборки – 45 тыс. домашних хозяйств). Однако вопросы микропереписи о здоровье и перечисленных обследований практически не повторяются. Интересно, что во всех трех выборочных обследованиях поставлен один и тот же вопрос, позволяющий оценить состояние здоровья населения по самоопределению опрашиваемого, и не задается вопроса о типе и степени функциональных ограничений организма, что могло бы показать более разнообразную картину состояния здоровья и инвалидизации населения.

Традиционные вопросы микропереписей о рождаемости и репродуктивных планах, суженные до двух в МПН-2015, находят свое продолжение в «Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения» (периодичность проведения – 1 раз в пять лет; объем выборки – 15 тыс. домашних хозяйств). Из семи блоков индивидуального вопросника блок вопросов о рождаемости самый обширный («Рождение детей» и «Мотивы рождения детей»), он включает 33 вопроса. Вопросы призваны оценить не только уровень рождаемости, в том числе и по очередности рождения детей, но и осветить более широкий круг связанных тем: распространенность и методы контрацепции; распространенность абортов; репродуктивные планы, в том числе ближайшие, и желания; откладывание рождения детей и его причины; использование отпуска по уходу за ребенком;

распространенность использования вспомогательных репродуктивных технологий; факторы и мотивы рождения детей. Помимо этого, вопрос о семейном положении (вопросник для домохозяйств), так же как и в КОУЖ, в отличие от микропереписи позволяет выделить пары разошедшиеся, но ранее состоящие в зарегистрированном браке и не разведенные официально. Индивидуальный вопросник содержит расширенный блок вопросов о брачности, позволяющий оценить брачное поведение. Предусмотрены вопросы о дате начала первого брака, его длительности, начале нынешнего брака, мнениях и факторах регистрации брака. Однако стоит отметить, что результаты данного обследования репрезентативны только на уровне страны в целом, ее городской и сельской местности, отдельных социально-демографических групп населения и семей, поэтому региональную вариативность репродуктивного и брачного поведения на его основе оценить невозможно.

Как и в МПН-2015, в выборочных обследованиях поставлен вопрос о составе домохозяйства, но он присутствует только в тех обследованиях, итоги которых репрезентативны не только на уровне страны в целом, но и на уровне ее регионов в связи с большим объемом выборки: КОУЖ, выборочные наблюдения рациона питания, доходов населения и участия в социальных программах. Однако предложенные варианты отношений родства/свойства к ответственному лицу в выборочных обследованиях не полностью совпадают с перечнем, предложенным в МПН-2015.

Среди уникальных черт микропереписей, в том числе 2015 г. можно выделить наличие ряда традиционных для всеобщих переписей населения вопросов: о языке, о национальной принадлежности, гражданстве (МПН-2015), миграции населения, которые отсутствуют в других выборочных обследованиях.

Будущее: микропереписи и всеобщие переписи населения

Будущее микропереписей населения в России, с одной стороны, стало более определено в связи с недавним принятием поправок в закон «О всероссийской переписи населения»⁹, которые фиксируют необходимость проведения микропереписи населения, ее срок и объем выборочной совокупности (п. 4 ст. 3).

С другой стороны, международный опыт проведения микропереписей населения показывает, что их практика не столь широка. Информацию о проведении микропереписи населения в последнее десятилетие удалось найти лишь в небольшом числе из четырех десятков рассмотренных стран (Венгрии, Гонконге, Латвии, Австрии, Германии). Информационное освещение микропереписей населения заметно уступает всеобщим переписям. Кроме того, под микропереписью в каждой стране могут пониматься весьма разные по своим организационно-методологическим характеристикам выборочные обследования. Поэтому, возможно, их число немного больше.

В Венгрии¹⁰ и Гонконге¹¹ микроперепись населения проводится раз в пять лет между двумя всеобщими переписями населения, программа призвана дать, в первую очередь,

⁹ Федеральный закон от 25.01.2002 №8-ФЗ (ред. от 28.03.2017) «О Всероссийской переписи населения».

¹⁰ URL: <http://www.ksh.hu/mikrocenzus2016/?lang=en> (дата обращения: 26.06.2018).

¹¹ URL: <https://www.statistics.gov.hk/pub/B11200992016XXXXB0100.pdf> (дата обращения: 26.06.2018).

обновленную информацию по переменным из всеобщих переписей, во вторую – по переменным, отсутствующим во всеобщих переписях (индивидуальный вопросник в Венгрии содержит 39 вопросов, в Гонконге – 45). Традиционными для микропереписи Венгрии являются дополнительные выборочные обследования, в 2016 г. их темами были: социальная стратификация, профессиональный статус, субъективное благополучие, функциональные ограничения в связи с проблемами в здоровье, международная миграция.

Объем выборки микропереписи населения в обеих странах большой. В Гонконге – 10% всех кварталов с опросом всех домохозяйств, попавших в отобранный квартал, в Венгрии объем выборки был увеличен до 10% домохозяйств по сравнению с традиционными 2%. Поэтому результаты обследований репрезентативны для достаточно низкого территориального уровня. Распределение выборок в обеих странах было диспропорциональным и варьировалось от территории к территории с целью получить структурные характеристики, репрезентативные для малых территорий. Например, в Венгрии объем выборки изменялся от региона к региону в пределах от 7,9 до 15,1%.

Если в Венгрии или Гонконге микроперепись населения в большей степени похожа на российскую (хотя в МПН-2015 существенно меньше и объем выборки, и число вопросов в программе), то в Австрии и Германии это иной тип выборочного обследования.

Австрийская микроперепись населения проводится с 1967 г. Это *ежеквартальное* двухступенчатое стратифицированное выборочное обследование частных домохозяйств с объемом выборки 0,9% всех адресов (31 тыс. зданий), варьирующейся в зависимости от численности населения той или иной земли. Отобранные адреса остаются в ней в течение двух лет, 1/8 адресов заменяется ежеквартально. Программа микропереписи состоит из двух частей: базовой, не меняющейся и обязательной для заполнения части, и ежеквартально меняющейся дополнительной программы. На вопросы дополнительной программы отвечать не обязательно, она призвана дать информацию на актуальные темы, например, осветить условия жизни пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями, условия труда, положение на рынке труда определенных групп населения [Wiedenhofner 2000]. Обследование рабочей силы (LFS) также встроено в расширенную часть микропереписи.

Микроперепись населения Германии, проводимая с 1957 г., напоминает австрийскую. Это *ежегодное* одноступенчатое стратифицированное кластерное выборочное обследование частных и коллективных домохозяйств с объемом выборки 1% населения, имеющего право на проживание в Германии. Программа микропереписи также состоит из двух блоков:

- 1) базовой, ежегодной, не изменяющей от раунда к раунду, с числом вопросов более 200, в рамках которой опрашивается 1% населения;
- 2) расширенной, с числом вопросов также более 200, в рамках которой с 2005 г. опрашивается 0,1% населения.

Тематика расширенной программы варьируется. В разные годы приоритетными темами были: участие разных групп населения на рынке труда (мигрантов, лиц с ограниченными возможностями на рынке труда, молодых людей), несчастные случаи на

работе и профессиональные заболевания, процесс перехода на пенсию, работа и семейная жизнь. С 2005 г. вопросы обследования рабочей силы (LFS) также включены специальным модулем в программу микропереписи (с объемом выборки 1% с 2012 г.)¹².

Неширокое, на наш взгляд, распространение практики микропереписей населения может объясняться несколькими тенденциями последних лет.

Во-первых, этот вид статистического наблюдения нельзя рассматривать в отрыве от изменения методологии всеобщих переписей населения. Сейчас все больше распространяются альтернативные методы переписей населения (таблица 7), и основное внимание национальных статистических служб уделено разработке и апробации новой методологии, а также оценке качества полученных на ее основе данных. Так, в раунде переписей 2010 г. 21 из 68 рассмотренных стран провела перепись альтернативными методами (30% всех обследованных стран), в раунде 2000 г. – 10 из 69 (14%).

Таблица 7. Распределение стран по методам переписи между раундами переписей 2000 и 2010 г. среди всех обследованных стран

	Раунд 2000		Раунд 2010	
	число стран	%	число стран	%
Традиционная	51	74	41	60
в т.ч. комбинированный подход на основе традиционной переписи	0	-	1	-
"Скользкая" перепись	0	-	1	1
в т.ч. комбинированный подход на основе "скользящей" переписи	0	-	0	-
Перепись на основе регистров	10	14	20	29
в т.ч. комбинированный подход на основе регистров:	8	-	14	-
из них:				
регистр и существующее выборочное обследование	1	-	3	-
регистр и специальное выборочное обследование	1	-	7	-
регистр и сплошной опрос	6	-	4	-
Еще не проведена	7	10	6	9
Не известно	1	1	0	0
Всего	69	99*	68	99*

*Примечание: *сумма меньше 100% из-за округления*

Источник: [Пьянкова 2015: 88].

В раунде 2020 г. доля стран, перешедших на альтернативные методы, вырастет за счет Южной Кореи, Италии, Македонии, а возможно, и других стран. В этих странах уже реализован переход на альтернативные методы переписи (Южная Корея) или он в процессе реализации (Италия, Македония). Помимо этого, расширится круг стран, проводящих перепись полностью на основе регистров, за счет как отказа от традиционной переписи (Южная Корея, Македония), так и отказа от такого временного, но необходимого на определенном этапе, варианта проведения переписи, как комбинация регистров и сплошного опроса населения (Эстония, Латвия и, может быть, Литва).

Однако изменение методологии всеобщей переписи населения не означает отказа от микропереписи, меняются ее место в системе статистического наблюдения и цель. Возможно,

¹² URL: <https://www.ghis.org/en/missy/metadata/MZ/> (дата обращения: 26.06.2018).

в процессе перехода к новым методам проведения сплошных переписей роль микропереписи усиливается, приобретая контрольные функции. Так, в Латвии в 2011 г. всеобщая перепись населения была проведена комбинированным способом с использованием регистров и сплошного опроса. Целью микропереписи населения 2015 г. была оценка качества полученной информации с использованием новой методологии микропереписи и данных регистров, а также получение данных по структуре образования, в том числе полученного за рубежом [Zukula 2016]. Предстоящую перепись населения в Латвии планируют провести полностью на основе регистров.

В Германии на территории ФРГ последняя традиционная перепись населения была проведена в 1987 г., на территории ГДР – в 1981 г. Причиной стали волнения в обществе, рассматривающем перепись населения как вторжение в частную жизнь. В 1991 г. было принято решение о замене традиционной переписи ежегодными микропереписями населения с выборкой 1%, базой для которой послужили всеобщие переписи населения 1987 и 1981 г. Основной целью микропереписей было получение информации о структурных характеристиках населения, поведении на рынке труда и жилищных условиях в отсутствие всеобщей переписи населения [Edin, Rendtel 2007]. Со временем оценки численности населения становились все менее точными из-за переоценки численности некоторых групп населения. В частности, статистикой международной миграции недоучитывались выбытия за пределы страны в результате несвоевременного снятия с учета в муниципальных регистрах [Kibele et al. 2008: 189]. Всеобщая перепись состоялась в 2011 г. с использованием муниципальных регистров населения. Однако статистическое агентство Германии не отказалось от микропереписи населения [Bujard, Scheller 2017: 65].

Во-вторых, из таблицы 7 видно, что переход на альтернативные методы переписи сопровождается широким распространением выборочных методов в рамках всеобщих переписей, преимущественно в комбинации с регистрами. Целями выборочной части всеобщих регистровых переписей могут быть как проверка полноты и качества существующих регистров, так и получение переменных, отсутствующих в регистрах, и создание новых регистров. Выборочная часть используется и в странах, где проводится традиционная всеобщая перепись: Канаде, Бразилии, США, Гонконге, Венгрии и др.

В этой связи необходимо упомянуть «Обследование Американских Общин» («ОАО»), пришедшее на замену длинному переписному листу, с целью, с одной стороны, снизить затраты на всеобщую перепись, с другой стороны, повысить охват обследуемого населения по короткому переписному листу, а данные по широкой программе получать чаще, чем раз в 10 лет. «ОАО» двухфазовое двухступенчатое обязательное выборочное обследование, характеризуемое достаточно высоким процентом откликов - 97% в среднем за период 2005-2014 годов. Несмотря на то, что программа «ОАО», практически, повторяет программу длинного переписного листа, принципиальная разница состоит в методологии. «ОАО» – это ежемесячное скользящее выборочное обследование и как следствие собираемые данные приурочены не к фиксируемому моменту времени, а к периоду времени, в течение которого происходил сбор данных. Помимо этого выборка «ОАО» существенно меньше выборки длинного переписного листа (в рамках переписи 2000 для ответов на длинный переписной лист выбиралось 1 из 6 домохозяйств, то в рамках «ОАО» 1 из 50). Основой выборки является мастер файл адресов, актуальность которого

поддерживается Бюро переписей на постоянной основе. В «ОАО» обследуются два типа домохозяйств: частные домохозяйства и для групповых домохозяйств (студенты, рабочих, проживающие в общежитии, лица, проживающие в домах престарелых и коррекционных, лечебных учреждениях, военные, проживающие в бараках, бездомные, пребывающие в местах их группового пребывания и т.д.).

В настоящее время осуществляется три вида оценок по переменным: ежегодные оценки для территорий с численностью населения более 65 тыс. человек (с 2005 года), дополнительные ежегодные оценки для территорий с численностью населения более 20 тыс. человек по определенным группам населения (с 2014 года) и пятилетние оценки для всех территориальных единиц (с 2010 года). Ранее выполнялись еще оценки за трехлетний период, но с 2014 года публикация этих данных прекращена.

Первые два вида оценок базируются на 12 ежемесячных независимых выборках, сбор данных в рамках каждой из которых длится три месяца. В течение первого месяца происходит рассылка вопросников по почте и сбор данных по почте, а с 2012 года и по Интернету; в течение второго месяца среди не ответивших на первом этапе, в случае наличия телефонного номера, проводится телефонное интервью; только на третьем этапе переписчик опрашивает оставшиеся домохозяйства в рамках личного интервью. Ежегодный объем выборки в период 2005-2010 годов составлял 3 млн. адресов, затем он был увеличен до 3,5 млн. адресов. Третий вид оценок, для единиц самого низкого территориального уровня (уровень сопоставим с теми территориальными единицами, на которые был ориентирован длинный переписной лист переписи 2000 года), базируется на 60 ежемесячных независимых выборках, соответственно объем выборочной совокупности в период 2005-2009 годов составлял 15 млн. адресов, затем 18 млн. адресов. Первые пятилетние оценки были опубликованы Бюро переписей в 2010 году, которые были получены путем объединения данных, собранных в период с 1 января 2005 года по 31 декабря 2009 года.

Вследствие меньшего объема выборки «ОАО», особую значимость приобретает степень точности оценок. Поэтому помимо самих оценок Бюро переписей публикует еще и оценки погрешности, вызванные ошибками выборки, что позволяет пользователю с уровнем значимости 90% оценивать степень вариативности оценок по той или иной переменной.

В-третьих, в ряде стран (Австралия, Канада, Ирландия, Новая Зеландия, Япония, Южная Корея) всеобщая перепись населения проводится раз в пять лет, дополняясь обширной системой выборочных обследований, поэтому необходимость в микропереписи населения невелика. В некоторых из этих стран переписной лист весьма длинный (Австралия – 54 вопроса в индивидуальном листе, Ирландия – 34, Новая Зеландия – 50). В Канаде всеобщая перепись 2016 г. представляет собой комбинацию короткого листа для всего населения и длинного переписного листа для 25% населения.

В-четвертых, происходит интеграция уже полученных данных всеобщих переписей и предоставление их во всеобщее пользование – создание лонгитюдных данных,

объединяющих выборки разных всеобщих переписей населения (Австралия¹³), что позволяет проследить фундаментальные демографические тенденции. В Германии и Австрии возможно создание лонгитюдных данных на основе микропереписей, однако существуют определенные проблемы при их использовании. В Германии это связано с тем, что выборка микропереписи территориальная с отбором жилых помещений без отслеживания тех, кто переехал на новое место жительства, что может вести к систематическому смещению ряда показателей, особенно связанных с участием в рынке труда [Basic, Rendtel 2007: 2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая микроперепись населения 1985 г. в какой-то мере была революционным событием для своего времени, дав новый импульс для фундаментальных исследований глубинных демографических процессов в последующее десятилетие. Микроперепись 1994 г. еще больше расширила эмпирическую базу для демографических исследований.

Данным микропереписи 2015 г. присущи определенные недостатки. Из-за небольшого объема выборки и ее значительной вариативности по регионам систематически занижены регионы с высокой численностью населения и городские агломерации. В результате пострадала репрезентативность данных по стране в целом, наблюдается смещенность социально-демографических и географических характеристик населения. Насколько в этой ситуации будут востребованы исследователями результаты МПН-2015 покажет время. Однако понятно, что в условиях малой выборки достичь репрезентативности как по стране в целом, так и по территориальным единицам более низкого уровня невозможно.

Обобщающих международных рекомендаций относительно проведения микропереписей населения нет. Цели и организационно-методологические характеристики микропереписей, отвечая национальным потребностям, существенно различаются по странам, но они всегда взаимоувязаны с целями и организационно-методологическими особенностями всеобщих переписей населения. В странах с развитой системой выборочных обследований микропереписи либо встречаются редко, либо, преодолев свое некое промежуточное положение между всеобщими переписями и другими выборочными обследованиями, проводятся с большей регулярностью (чаще) и являются интеграционной базой для остальных выборочных обследований.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Е.М. (2012). О точности результатов Российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении // Вопросы статистики. 11: 21-35.

¹³ URL: <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/mf/2080.0> (дата обращения: 26.06.2018).

- Андреев Е.М., Г.А. Бондарская (2000). Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения // Вопросы статистики. 11: 56-62.
- Андреев Е.М., Г.А. Бондарская, Т.Л. Харькова (1998). Падение рождаемости в России: гипотезы и факты // Вопросы статистики. 10: 82-93.
- Андреев Е.М., М.В. Рахманинова (1999). Внутренняя миграция в России: прошлое и настоящее // Вопросы статистики. 5: 53-63.
- Андреев Е.М., С.В. Захаров (2017). Микрореперись-2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп Weekly. 711-712. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema02.php> (дата обращения: 15.05.2018).
- Андреев Е.М., Т.Л. Харькова (2013). Сравнительный анализ данных из разных источников о числе рожденных детей // Вопросы статистики. 5: 38-46.
- База микроданных федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микрореперись населения) 2015 года» (2015). Росстат. URL: <http://vpsmicrodata.gks.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (дата обращения: 15.05.2018).
- Белов И. (1986). О выборочном социально-демографическом обследовании населения 1985 г. // Вестник статистики. 9: 40-45.
- Вишневский А.Г., С.В. Захаров (2010). Что знает и чего не знает российская демографическая статистика // Вопросы статистики. 2: 7-17.
- Волков А.Г. (1984). Первая микрореперись населения СССР // Здравоохранение Российской Федерации. 10: 3-6.
- Волков А.Г. (2014а). Методология и организация микрорепериси в России в 1994 г. // Избранные демографические труды. М.: Изд. дом ВШЭ: 180-198.
- Волков А.Г. (2014б). Новые особенности формирования семьи и ее состав: пример России // Избранные демографические труды. М.: Изд. дом ВШЭ: 432-447.
- Волков А.Г. (2014в). Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Избранные демографические труды. М.: Изд. дом ВШЭ: 405-431.
- Волков А.Г., Е.Л. Сороко (1999). Типология семей и домохозяйств в России: развитие и анализ (по данным микрорепериси 1994 года) // Вопросы статистики. 5: 40-52.
- Дарский Л.Е. (2005). Ожидаемое число детей у женщин разных национальностей и перспективы рождаемости в населении бывшего СССР // Демоскоп Weekly. 191-192. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/nauka02.php> (дата обращения: 30.05.2018).
- Дарский Л.Е., И.П. Ильина (1990а). Нормализация брачности в СССР // Демографические процессы в СССР / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Наука: 6-27.
- Дарский Л.Е., И.П. Ильина (1990б). Таблицы брачности основных национальностей союзных республик СССР (По данным выборочного обследования 1985 г.) // Экономика. Демографическая статистика: Исследования и проблемы. М.: Наука: 206-210.
- Дарский Л.Е., И.П. Ильина (2000). Брачность в России. Анализ таблиц брачности / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Информатика. 144 с.

- Доклад Росстата (2016). Об основных итогах федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/doklad.pdf (дата обращения: 12.05.2018).
- Захаров С.В. (2006). Возраст вступления в первый брак / Демографическая модернизация России, 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство: 107-120.
- История переписей населения в России (2013). М.: Голден Би. 414 с.
- Исупов А.А. (1992). Программа социально-демографического обследования 1994 года // Вестник статистики. 9: 25-28.
- Итоги выборочного социально-демографического обследования населения 1985 (1986) // Вестник статистики. 7: 67-79; 8: 72-80; 9: 75-78.
- Кузнецов Л.Р. (1990). Взаимосвязь миграции и брачности // Демографические процессы в СССР. М.: Наука: 58-77.
- Кузнецов Л.Р. (1992а). Особенности матримониального поведения мигрантов // Миграция. Демография и социология. Вып. 2. М.: 163- 180.
- Кузнецов Л.Р. (1992б). Статистическое изучение взаимосвязи демографических процессов и миграции. Автореферат диссертации, Москва: Научно-исследовательский институт статистики. 27 с.
- Методические пояснения к социально-демографическому обследованию (микроперепись населения) 2015 года (2015). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 15.05.2018).
- Мкртчян Н.В. (2012). Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития / Под ред. М.Б. Денисенко. Вып. 22. М.: МАКС Пресс: 197-214.
- Никитина С.Ю. (2013). Об организационных и методологических вопросах выборочного федерального статистического наблюдения «Микроперепись 2015 г.». Презентация доклада на расширенном заседании коллегии Росстата 12.02.2013. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/smi-1302.html (дата обращения: 21.11.2017).
- Никитина С.Ю. (2015) Об организационных и методологических вопросах выборочного федерального статистического наблюдения «Микроперепись населения 2015 г.» // Вопросы статистики. 3: 35-37.
- Основные итоги микропереписи населения 1994 г. в 8 томах (1995). М.: Государственный комитет Российской Федерации по статистике.
- Пьянкова А.И. (2015). Традиционный и альтернативные методы проведения переписей населения: дисс. к-та соц. наук. М.: Высшая школа экономики.
- Рамонов А.В., А.И. Пьянкова (2014). Изучение здоровья: потенциал переписей населения // Демографическое обозрение. 1(2): 140-155.
- Сводные результаты оценки репрезентативности блоков таблиц с итогами микропереписи населения 2015 года. (2015). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 15.05.2018).

- Таблицы с итогами федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микрореперис населения) 2015 года» (2015). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-pererepis/finish/micro-pererepis.html (дата обращения: 15.05.2018).
- Чернышева Т.М. (1990). Методология формирования территориальной выборки в СССР // Кооперация стран – членов СЭВ в статистике. Вып. 6. М.: Изд-во СЭВ: 12-23.
- Численность населения (2015). Статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2015 года». М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_111/Main.htm (дата обращения: 15.05.2018).
- Численность населения (2016). Статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 года». М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B16_111/Main.htm (дата обращения: 15.05.2018).
- Численность населения (2017). Статистический бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту 1 января 2017 года». М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm (дата обращения: 15.05.2018).
- Andreev E.M. (2001). Jews in Russia's Households (Based on the 1994 Microcensus) // Papers in Jewish Demography 1997 / S. Della Pergola, J. Even, eds. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem: 141-159.
- Zukula B. (2016). Methodology of estimating the annual number of usual resident population in Latvia // Paper presented at the Conference of European Statisticians (Switzerland, Geneva, 18-20 May 2016). URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2016/mtg2_WS/23_Latvia_BZukula_ENG.pdf (дата обращения: 15.05.2018).
- Edin B., U. Rendtel (2007). Assessing the bias due to non-coverage of residential movers in the German Microcensus Panel: an evaluation using data from the Socio-Economic Panel // Advances in Statistical Analysis. 91(3): 311–334.
- Barkalov N.B. (1997). Expected fertility as it appears from the 1994 microcensus a parity-progression dimension] // Population: the current state and prospects for the development of scientific knowledge. Collection of reports of the first Valantey conference. Moscow: 118-137.
- Barkalov N.B. (1999). The fertility decline in Russia, 1989-1996: a view with period parity-progression ratios // Genus. 55 (3-4): 11-60.
- Barkalov N.B. (2005). Changes in the quantum of Russian fertility during the 1980s and early 1990s // Population and Development Review. 31(3): 545-556.
- Bujard M., M. Scheller (2017). Impact of Regional Factors on Cohort Fertility: New Estimations at the District Level in Germany // Comparative Population Studies. 42: 55-88.
- Bondarskaya G. (1994). Ethnic-Territorial Differences in Marital Fertility: A 1985 Survey / Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 199 / W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov, eds. London and New York: Routledge: 71-87.
- Darsky L.E. (1994). Quantum and timing of births in the USSR / Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991 / W. Lutz, S. Scherbov, A.G. Volkov, eds. London and New York: Routledge: 57-69.
- Darsky L.E., S. Scherbov (1990). Parity-progression fertility tables for the nationalities of the USSR. IIASA Working Papers, Laxenburg. WP-90-53.

- Kharkova T.L., E.M. Andreev (2000). Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus // *European Journal of Population*. 16(3): 211-233.
- Kibele E., R. Scholz, V.M. Shkolnikov (2008). Low migrant mortality in Germany for men aged 65 and older: Fact or artifact // *European Journal of Epidemiology*. 23(6): 389-393.
- Mills M. (2000). The transformation of Partnerships. Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the Age of Modernity. Amsterdam: Thela Thesis. 278 p.
- Mills M. (2004). Stability and change: the structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation // *European Journal of Population*. 20: 141-175.
- Scherbov S., van Vianen H. (1999). Marital and Fertility Careers of Russian Women Born between 1910 and 1934 // *Population and Development Review*. 25 (1): 129-143.
- Scherbov S., van Vianen H. (2001). Marriage and Fertility in Russia of Women Born between 1900 and 1960: A Cohort Analysis // *European Journal of Population*. 17(3): 281-294.
- Scherbov S., van Vianen H. (2002). Period Fertility in Russia since 1930: an application of the Coale-Trussell fertility model // *Demographic Research*. 6: 455-470.
- Scherbov S., van Vianen H. (2004). Marriage in Russia: a reconstruction // *Demographic Research*. 10: 27-60.
- Soroko E.L. (2001). Jewish Households in Russia according to the 1994 Microcensus // *Papers in Jewish Demography 1997* / S. Della Pergola, J. Even, eds. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem: 161-179.
- Tolts M. (1996). The Jewish Population of Russia, 1989-1995 // *Jews in Eastern Europe*. 3 (31): 5-19.
- Tolts M. (1997). The Interrelationship between Emigration and the Socio-Demographic Profile of Russian Jewry / N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i, P. Ritterband, eds. *Russian Jews on Three Continents*. London: Frank Cass: 147-176.
- Tolts M. (1998). Recent Jewish Emigration and Population Decline in Russia // *Jews in Eastern Europe*. 1 (35): 5-24.
- Tolts M. (1999). Yiddish in the Former Soviet Union Since 1989: A Statistical-Demographic Analysis // G. Estraikh, M. Krutikov, eds. *Yiddish in the Contemporary World*. Oxford: European Humanities Research Centre, University of Oxford. 133-146.
- Volkov A.G. (1999a). New features of family formation and composition: case of Russia // *Revue Baltique*. Vilnius. 13: 82-96.
- Volkov A.G. (1999b). Methodology and Organization of the 1994 Microcensus in Russia. Population Research Centre, University of Groningen. Working Paper 99-5.
- Wiedenhofer B. (2000). Assistance for/ by women and men aged 60 years or more. Paper presented at the Conference of European Statisticians (Italy, Orvieto, 11-13 October 2000). URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/2000/10/gender/12.e.pdf> (дата обращения: 15.05.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ**Программа микропереписи населения 1994 года (утверждена постановлением Госкомстата России от 22.02.93 № 23)**

Жилищные условия домохозяйства и сведения о наличии приусадебного, садового, дачного участка, огорода	
1	Тип жилого помещения: индивидуальный дом, часть индивидуального дома, отдельная квартира, общая квартира, общежитие, другое жилое помещение, снимает жилое помещение.
2	Принадлежность жилого помещения: частный жилищный фонд, государственный жилищный фонд.
3	Число комнат (часть комнаты).
4	Размер площади (кв. м): общей, жилой.
5	Наличие приусадебного участка и его размер (соток): приусадебный участок; садовый или дачный участок; огород; не имеет.
Заполняется для постоянно проживающих членов домохозяйства	
	ФИО
1	Отношение к лицу, записанному первым: лицо, записанное первым; муж, жена; сын, дочь; отец, мать; брат, сестра; другой родственник; не родственник.
2	Укажите номер, под которым записаны мать и отец данного лица.
3	Пол: мужской, женский.
4	Дата рождения: число, месяц, год рождения; число исполнившихся лет.
5	Место рождения: государство, республика, край, область, округ; городское поселение, сельская местность.
6	В данном населенном пункте проживает непрерывно (не считая переезда в пределах города или из села в село в пределах одного района): с рождения; не с рождения.
7	Если не с рождения, то с какого года: год.
8	Место предыдущего постоянного жительства: государство, республика, край, область, округ; городское поселение, сельская местность.
9	Причины смены места постоянного жительства: в связи с переменной места работы; из-за невозможности устроиться на работу; не было возможности заниматься самостоятельно сельским хозяйством; не было возможности заниматься предпринимательством или индивидуальной трудовой деятельностью; из-за обострения межнациональных отношений; в связи с обязательным знанием языка коренной национальности; из-за обострения криминогенной обстановки; из-за неустроенности быта; из-за смены климата в связи с состоянием здоровья; не удовлетворяли экологические условия; в связи с аварией на Чернобыльской АЭС; нежелание жить в селе (городе); по семейным обстоятельствам; иная причина (указать какая).
10	К какой национальности, народности, этнической группе себя относите.
11	Родной язык.
12	Другой язык, которым свободно владеет.
13	Язык, которым преимущественно пользуется: дома; учебном заведении; школьном учреждении; на работе.
Заполняется для лиц в возрасте 6 лет и старше	
14	Образование: высшее; незаконченное высшее; среднее специальное; среднее общее; неполное среднее; начальное; не имеет начального образования; неграмотные(ая).
15	Сколько курсов (классов) закончили в каждом перечисленном типе учебного заведения: в вузе (величина); в среднем специальном учебном заведении (величина); в общеобразовательной школе (величина); в ПТУ (величина); не закончил ни одного курса (класса).
16	Тип законченного учебного заведения: вуз; среднее специальное учебное заведение; общеобразовательная школа; ПТУ; никакого, но умеет читать и писать; никакого, но умеет только читать; никакого, не умеет ни читать, ни писать.
17	Тип учебного заведения, в котором учиться, и форма обучения: вуз; среднее специальное учебное заведение; общеобразовательная школа; ПТУ; иная школа (курсы); не учусь; дневная форма обучения; вечерняя (заочная) форма обучения.
Заполняется для лиц в возрасте 15 лет и старше и всех до 15 лет состоящих в браке	
18	Состояние в браке: в зарегистрированном браке; в незарегистрированном браке; вдов(а); разведен(а); разошелся(лась); никогда не состоял(а) в браке.
19	Для состоящих в браке указать номер, под которым записан супруг (а).
20	В каком по счету браке состоите или состояли.
21	Время вступления в первый брак: месяц, год.

22	Время и причина прекращения первого брака: месяц, год; развелся(лась); разошелся(лась); овдовел(а).
23	Время вступления во второй брак: месяц, год.
Для женщин 15 лет и старше, а также моложе 15 лет, родивших детей	
24	Общее число детей родившихся живыми (включая умерших)
25	Для каждого ребенка (с 1 по 10) указать: время рождения (месяц, год); если умер, время смерти (месяц, год); если проживает отдельно, то с какого года (год).
Заполняется для женщин в возрасте 15-44	
26	Сколько детей собираетесь иметь, включая уже имеющих.
27	Сколько детей хотели бы иметь.
Заполняется для всех лиц	
28	Укажите все источники средств существования: заработная плата на предприятии, в организации, учреждении всех форм собственности, оплата труда в колхозе; доход от предпринимательской деятельности; доход от фермерского хозяйства; доход от работы у отдельных граждан; личное подсобное хозяйство; доход от собственности (дивиденды, проценты, доход от сдачи в аренду жилого помещения, автомобиля и др. собственности); стипендия; пенсия по возрасту или за выслугу лет; пенсия по инвалидности; пенсия по случаю потери кормильца; пособие по безработице; различные пособия (кроме пособия по безработице); другой вид государственного обеспечения; на иждивении отдельных лиц; иной источник.
29	Укажите общую сумму дохода за январь, включая все поступления: рублей.
Заполняется на лиц 15 лети старше в обследуемый период 7 - 13 февраля 1994 г.	
30	В течение недели выполнял(а) ли какую-нибудь оплачиваемую работу, или имел занятие, приносящее доход: да; нет.
31	В течение этой недели отсутствовал(а) ли на работе временно (болезнь, отпуск, обучение и т.д.): да, нет.
32	В течение этой недели выполнял(а) ли какую-нибудь неоплачиваемую работу на ферме или на предприятии принадлежащем кому-либо из родственников: да, нет.
33	В течение недели занимался(лась) производством сельскохозяйственной продукции, ловлей рыбы, охотой или продавал добытое, произведенное: да, нет.
34	Основное место работы: воинская служба в Вооруженных Силах; на государственном предприятии, в организации, учреждении; на муниципальном предприятии; на арендном предприятии; на предприятии потребительского союза; в общественной организации или на предприятии, ей принадлежащем; на акционерном предприятии открытого типа; у отдельных граждан; самостоятельно обеспечивали себя работой; на частном индивидуальном, семейном предприятии; в фермерском хозяйстве; в производственном кооперативе; в колхозе; в другом коллективном сельскохозяйственном предприятии; в товариществе, акционерном предприятии закрытого типа; другое.
35	Работал(а) ли по найму: да, нет.
36	Вы являлись: работающим(ей) не по найму; работающим(ей) по найму; неоплачиваемым работником семейного предприятия.
37	Вы работал(а) с привлечением наемных работников: да, нет.
38	В течение месяца перед опросом искал(а) работу или пытался(лась) организовать собственное дело: искал(а) работу; принял(а) меры для открытия собственного дела; не искал(а), так как получил(а) работу, приступил(а) или приступлю в ближайшую неделю; нашел(а), ожидаю ответа; зарегистрирован в службе занятости в качестве ищущего работу; обучаюсь по направлению службы занятости; жду приглашения с последнего места работы в течение месяца; жду приглашения с последнего места работы более одного месяца; получил повестку о призыве на воинскую службу; отчаялся(лась) найти работу; нет необходимости или возможности работать; другое.
39	Как искали работу: обращались в службу занятости в государственную; в коммерческую; через печать (объявления); используя личные связи; через непосредственное обращение к администрации (работодателю); другие способы; способ поиска работы не указан.
40	Если бы Вы получили подходящую работу на обследуемой неделе смогли бы приступить к ней немедленно: да, нет.
41	Вы были зарегистрированы в качестве безработного: да, нет.
Для длительное время отсутствующих в домохозяйстве	
42	вопрос 1
43	вопрос 2
44	вопрос 3
45	вопрос 4
46	вопрос 10

47	вопрос 18
48	вопрос 19
49	Причина отсутствия: выезд на работу в России; выезд за границу для работы; выезд на учебу; срочная служба в армии; содержание в местах заключения; иная причина; не указавшие причину; время, с которого отсутствует в домохозяйстве (месяц, год).

Программа микропереписи населения 2015 года (утверждена приказом Росстата от 22.04.2014 г. №26)

№	Формулировка вопроса и подсказки
1	Первому по порядку члену домохозяйства отметьте «записан первым». Остальным членам домохозяйства отметьте, кем он (она) приходится тому, кто записан первым: записан первым; жена, муж (зарегистрированные и незарегистрированные); дочь, сын; мать, отец; сестра, брат; свекровь, свекор, теща, тесть; невестка (сноха), зять; бабушка, дедушка; внучка, внук; другая степень родства, свойства; не родственник (указать). Если мать (или отец) этого лица проживает с ним в одном домохозяйстве, то проставьте порядковый номер из зоны Б, под которым записана мать (или отец) опрашиваемого.
2	Пол: мужской, женский.
3	Дата рождения: число, месяц, год рождения; число исполнившихся лет.
4	Место рождения: республика, край, область, авт. область, авт. округ, г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь для России или наименование иностранного государства.
Для лиц в возрасте 16 лет и более и состоящих в браке до 16 лет	
5	Ваше состояние в браке (супружеском союзе): состою в браке (супружеском союзе) зарегистрированном; состою в браке (супружеском союзе) в незарегистрированном; разведен(а) официально (развод зарегистрирован); разошелся(лась); вдовец, вдова; никогда не состоял(а) в браке (супружеском союзе).
6	Какими языками Вы владеете: указать язык (можно указать три); русским языком, жестовым языком.
7	Какие из этих языков Вы используете в повседневной жизни: можно указать 4 варианта.
8	Ваш родной язык: можно указать 1 вариант.
9	Ваше гражданство: РФ; для иностранных граждан указать государство; для граждан РФ указать второе гражданство; без гражданства.
10	Как и когда Вы получили российское гражданство: по рождению или замене паспорта СССР; в порядке регистрации гражданства РФ в 1992-2000 гг. (год, прежнее гражданство); в результате приема в гражданство РФ (год, прежнее гражданство); в результате восстановления в гражданстве РФ (год, прежнее гражданство).
11	Ваша национальная принадлежность (по самоопределению опрашиваемого); можно указать одну; отказ от ответа.
12	С какого года Вы непрерывно проживаете в этом населенном пункте: с рождения; не с рождения (указать год), если 2010 г., то месяц.
13	Ваше предыдущее место жительства: наименование субъекта РФ или иностранного государства.
14	Где Вы проживали в октябре 2010 года: наименование субъекта РФ или иностранного государства; в городском населенном пункте, в сельском населенном пункте.
15	Зарегистрированы ли Вы в помещении, в котором сейчас постоянно проживаете: да (указать вид регистрации: по месту жительства, по месту пребывания); нет; если нет или по месту пребывания указать: зарегистрирован в том же населенном пункте, в котором находится место жительства; зарегистрирован в другом населенном пункте того же субъекта РФ; в другом субъекте РФ (указать каком); нет постоянной регистрации на территории РФ.
Заполняется для лиц в возрасте 6 лет и более	
16	Учитесь ли Вы в образовательной организации: да; нет.
18	Ваше образование: дошкольное (для детей от 6-9 лет); начальное общее (начальное); основное общее (неполное среднее); среднее общее (среднее полное общее); по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих (начальное профессиональное); по программе подготовки специалистов среднего звена (среднее профессиональное, среднее специальное); неполное высшее профессиональное; высшее образование (бакалавр; специалист, магистр); подготовка кадров высшей квалификации (послевузовское); не имею образования. Умение читать и писать: да; нет.
19	Укажите все имеющиеся у Вас источники средств к существованию: трудовая деятельность, включая работу по совместительству; личное подсобное хозяйство; стипендия; пенсия (кроме пенсии по инвалидности); пенсия по инвалидности; пособие (кроме пособия по безработице); пособие по безработице; другой вид государственного обеспечения; сбережения, дивиденды, проценты; сдача

	внаем или аренду имущества, доход от патентов, авторских прав; иждивение; помощь других лиц, алименты; иной источник (указать какой).
20	Какой из указанных источников средств к существованию Вы считаете для себя основным: записать номер источника из вопроса 19.
Заполняется для детей до 10 лет, не посещающих образовательную организацию	
17	Посещает ли ребёнок дошкольную образовательную организацию: да; нет. Указать причину непосещения: нет мест; не хватает средств на оплату услуг; нет поблизости дошкольной образовательной организации; по состоянию здоровья; не устраивает качество услуг в доступной дошкольной организации; нет необходимости посещения; другое.
Заполняется на лиц 15 лет и более	
21	Имели ли Вы какую-либо работу, приносящую заработок или доход, с 24 по 30 сентября 2015 года: да; нет.
22	Искали ли Вы работу в течение последнего месяца: да; нет. Если «да», то ответить на вопрос: если бы Вам предложили подходящую работу, то смогли бы Вы приступить к ней в ближайшие две недели: да; нет. Если «нет», то указать 1 главную причину: получил(а) работу и приступаю к ней в ближайшие 2 недели; нашел(а) работу и ожидаю ответа; занимался(лась) организацией собственного дела; ожидаю начала сезона; учусь; нахожусь на пенсии; занимаюсь уходом за больным; занимаюсь ведением домашнего хозяйства и/или воспитанием детей; по состоянию здоровья; нет возможности найти работу, нет необходимости работать; иная причина.
Для женщин в возрасте 15 лет и более	
23	Сколько детей Вы родили, не считая мертворожденных.
Для мужчин в возрасте 18-59 лет и женщин в возрасте 18-44 лет	
24	Сколько всего детей, включая уже имеющихся: собираетесь иметь; хотелось бы иметь при наличии всех необходимых условий.
25	Если Вы хотели бы иметь детей больше, чем собираетесь, то в какой степени рождению желаемого числа детей могли бы способствовать следующие условия (указать для каждого варианта степень значимости по шкале от 1 до 5): возможность получения ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 3 лет; федеральный материнский (семейный) капитал; региональный материнский (семейный) капитал; возможность получения ежемесячной выплаты на 3 ребенка в размере прожиточного минимума; возможность получения без проблем место в детском саду; возможность получения налоговые льготы работающим родителям; предоставление семьям с 3 и более детьми земельных участков под строительство жилого дома; возможность иметь гибкий график работы; возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком до 3-х лет; изменение личных обстоятельств; повышение уровня жизни семьи; возможность при рождении 2 и последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере соц. нормы.
26	Имеете ли Вы хронические заболевания, ограничивающие Вашу жизнедеятельность: да, нет.
27	Нужна ли Вам помощь другого человека для ежедневной деятельности в связи с Вашими ограничениями по состоянию здоровья: да; нет. Если «да», то указать, кто оказывает помощь: социальный работник; родные знакомые, проживающие в этом помещении; специально нанятый человек; родные, знакомые, проживающие отдельно (в т. ч. соседи)).
28	Установлена ли Вам сейчас группа инвалидности: да (1 группа; 2 группа; 3 группа; ребенок-инвалид); нет.

POPULATION MICROCENSUSES IN RUSSIA: PAST, PRESENT AND FUTURE

ANASTASIYA PYANKOVA, EKATERINA SCHERBAKOVA,
SERGEY VASIN

The paper traces the history of the three population microcensuses held in Russia in 1985, 1994 and 2015, highlighting their methodological, technological and operational aspects, as well the questionnaire's design. Given that the microcensuses provide more data in terms of new topics than conventional decennial population and housing censuses, this article focuses on the main research findings based on microcensus data.

A closer look is taken at the 2015 population microcensus, as it has peculiarities in terms of sample size and design, as well as at the content of the census questionnaires. Deviations of the regional-territorial structure of the sample from the permanent population of Russia are revealed.

It is shown that the representativeness of the data for the whole country is distorted, and the socio-demographic and geographical characteristics of the population are also biased due to the considerable variability of the sample size by regions of Russia. A comparison of the size and structure of the population according to the 2015 microcensus with data from vital statistics and population censuses, together with an estimate of age heaping, indicates serious problems with the data quality of the microcensus and the presence of typical errors common to conventional population censuses.

Attention is focused on a shifting of the age structure of the population to older ages according to the 2015 microcensus, which could affect figures on education, economic activity, morbidity, disability, the demographic composition of households and other variables closely related with age.

Key words: *population micro-census history, micro-census topics, sample design, data quality.*

ANASTASIYA I. PYANKOVA (apyankova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

EKATERINA M. SCHERBAKOVA (escherbakova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

SERGEY A. VASIN (svasin@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE STUDY WAS IMPLEMENTED UNDER THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2017. PROJECT "THE LONG-TERM DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE LIGHT OF THE 2015 MICROCENSUS RESULTS".

DATE RECEIVED: JUNE 2017.

REFERENCES

- Andreev E.M. (2012). O tochnosti rezul'tatov rossiyskikh perezisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On the accuracy of the results of Russian population censuses and the level of confidence in different sources of information] // Voprosy statistiki [Statistical issues]. 11: 21-35.
- Andreev E.M., G.A. Bondarskaya, T.L. Kharkova (1998). Padenie rozhdaimosti v Rossii: gipotezy i fakty [Fertility decline in Russia: hypotheses and facts] // Voprosy statistiki [Statistical issues]. 10: 82-93.

- Andreev E.M., G.A.Bondarskaya (2000). *Mozhno li ispol'zovat' dannye ob ozhidaemom chisle detey v prognoze chislennosti naseleniya* [Is it possible to use data on the expected number of children in the population projections] // *Voprosy statistiki* [Statistical issues]. 11: 56-62.
- Andreev E.M., M.V. Rakhmaninova (1999). *Vnutrennyaya migratsiya v Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Internal migration in Russia: past and present] // *Voprosy statistiki* [Statistical issues]. 5: 53-63.
- Andreev E.M., S.V. Zakharov (2017). *Mikroperepis' 2015 stavit pod somnenie rezul'tativnost' mer po stimulirovaniyu rozhdaemosti* [2015 microcensus casts doubt the results of the pronatalist policy] // *Demoscope Weekly* [Demoscop Weekly]. 711-712. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema02.php> (accessed: 15.05.2018).
- Andreev E.M., T.L. Kharkova (2013). *Sravnitel'nyy analiz dannykh iz raznykh istochnikov o chisle rozhdennykh detey* [Comparative analysis of data from various sources on the number of children born] // *Voprosy statistiki* [Statistical issues]. 5: 38-46.
- Andreev E.M. (2001). *Jews in Russia's Households (Based on the 1994 Microcensus)* // *Papers in Jewish Demography 1997* / S. Della Pergola, J. Even, eds. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem: 141-159.
- Barkalov N.B. (1997). *Expected fertility as it appears from the 1994 microcensus a parity-progression dimension* // *Population: the current state and prospects for the development of scientific knowledge. Collection of reports of the first Valantey conference*. Moscow: 118-137.
- Barkalov N.B. (1999). *The fertility decline in Russia, 1989-1996: a view with period parity-progression ratios* // *Genus*. 55 (3-4): 11-60.
- Barkalov N.B. (2005). *Changes in the quantum of Russian fertility during the 1980s and early 1990s* // *Population and Development Review*. 31(3): 545-556.
- Baza mikrodannykh federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Sotsial'no-demograficheskoe obsledovanie (mikroperepis' naseleniya) 2015 goda» [Database of microdata of the Federal statistical survey «Socio-demographic survey (population microcensus)» 2015] (2015). Rosstat. URL: <http://vpnmicrodata.gks.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (accessed: 15.05.2018).
- Belov I. (1986). *O vyborochnom sotsial'no-demograficheskom obsledovanii naseleniya 1985 g.* [On the 1985 sample socio-demographic survey] // *Vestnik statistiki* [Statistical issues]. 9: 40-45.
- Bondarskaya G.A. (1994). *Ethnic-Territorial Differences in Marital Fertility: A 1985 Survey / Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 199* / W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov, eds. London and New York: Routledge: 71-87.
- Bujard M., M. Scheller (2017). *Impact of Regional Factors on Cohort Fertility: New Estimations at the District Level in Germany* // *Comparative Population Studies*. 42: 55-88.
- Chernysheva T.M. (1990). *Metodologiya formirovaniya territorial'noy vyborki v SSSR* [Methodology of the territorial sample in the USSR] // *Kooperatsiya stran – chlenov SEV v statistike* [Cooperation of CMEA member countries in statistics]. Vyp. 6 [Issue 6]. Moscow: Izd-vo SEV: 12-23.
- Chislennost' naseleniya [Population] (2015). *Statisticheskii byulleten' «Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po polu i vozrastu 1 yanvarya 2015 goda»* [Statistical Bulletin «Population of the Russian Federation by sex and age on January 1, 2015»]. Moscow: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_111/Main.htm (accessed: 15.05.2018).

- Chislennost' naseleniya [Population] (2016). Statisticheskii byulleten' «Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po polu i vozrastu 1 yanvarya 2016 goda» [Statistical Bulletin «Population of the Russian Federation by sex and age on January 1, 2016»]. Moscow: Rosstat URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B16_111/Main.htm (accessed: 15.05.2018)
- Darsky L.E. (1994). Quantum and timing of births in the USSR / Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991 / W. Lutz, S. Scherbov, A.G. Volkov, eds. London and New York: Routledge: 57-69.
- Darsky L.E., S. Scherbov (1990). Parity-progression fertility tables for the nationalities of the USSR. IIASA Working Papers, Laxenburg. WP-90-53.
- Darsky L.E. (2005). Ozhidaemoe chislo detey u zhenshchin raznykh natsional'nostey i perspektivy rozhdaemosti v naselenii byvshego SSSR [The number of expected children by women of different nationalities and fertility prospects in the former USSR] // Demoscope Weekly [Demoscope Weekly]. 191-192. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/nauka02.php> (accessed: 30.05.2018).
- Darsky L.E., I.P. Ilyina (1990a). Normalizatsiya brachnosti v SSSR [Nuptality normalization in the USSR]// Demograficheskie protsessy v SSSR [Demographic processes in the USSR] / Volkov A.G., ed. Moscow: Nauka: 6-27.
- Darsky L.E., I.P. Ilyina (2000). Brachnost' v Rossii. Analiz tablits brachnosti [Nuptality in Russia. Analysis of nuptality tables] / A.G. Volkov, ed. Moscow: Informatika. 144 p.
- Darsky L.E., I.P. Ilyina (1990b). Tablitsy brachnosti osnovnykh natsional'nostey soyuznykh respublik SSSR (Po dannym vyborochnogo obsledovaniya 1985 g.) [Nuptality tables of the main nationalities of the USSR republics (according to the sample survey 1985)] // Ekonomika. Demograficheskaya statistika: Issledovaniya i problemy [Economy. Demographic statistics: Research and problems]. Moscow: Nauka: 206-210.
- Doklad Rosstata [The Report of Rosstat] (2016). Ob osnovnykh itogakh federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Sotsial'no-demograficheskoe obsledovanie (mikroperepis' naseleniya) 2015 goda» [On the main results of the Federal statistical survey «Socio-demographic survey (population microcensus) of 2015»]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/doklad.pdf (accessed: 12.05.2018).
- Edin B., U. Rendtel (2007). Assessing the bias due to non-coverage of residential movers in the German Microcensus Panel: an evaluation using data from the Socio-Economic Panel // Advances in Statistical Analysis. 91(3): 311–334.
- Isupov A.A. (1992). Programma sotsial'no-demograficheskogo obsledovaniya 1994 goda [The program of the socio-demographic survey 1994] // Vestnik statistiki [Statistical issues]. 9: 25-28.
- Itogi vyborochnogo sotsial'no-demograficheskogo obsledovaniya naseleniya 1985 (1986) [The results of sample socio-demographic survey 1985] // Vestnik statistiki [Statistical issues]. 7: 67-79; 8: 72-80; 9: 75-78.
- Kharkova T.L., E.M. Andreev (2000). Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus // European Journal of Population. 16(3): 211-233.
- Kibele E., R. Scholz, V.M. Shkolnikov (2008). Low migrant mortality in Germany for men aged 65 and older: Fact or artifact // European Journal of Epidemiology. 23(6): 389-393.

- Kuznetsov L.R. (1990). Vzaimosvyaz' migratsii i brachnosti [The relationship of migration and nuptality] // Demograficheskie protsessy v SSSR [Demographic processes in the USSR]. Moscow: Nauka: 58-77.
- Kuznetsov L.R. (1992a). Osobennosti matrimonial'nogo povedeniya migrantov [Peculiarities of the migrants' matrimonial behavior] // Migratsiya [Migration]. Demografiya i sotsiologiya [Demography and sociology]. Vyp. 2 [Iss. 2]. Moscow: 163- 180.
- Kuznetsov L.R. (1992b). Statisticheskoe izuchenie vzaimosvyazi demograficheskikh protsessov i migratsii [Statistical study of the relationship between demographic processes and migration]: PhD Thesis. Moscow: Research Institute of statistics. 27 p.
- Metodicheskie poyasneniya k sotsial'no-demograficheskomu obsledovaniyu (mikroperepis' naseleniya) 2015 goda [Methodological explanations to the socio-demographic survey (population microcensus) of 2015] (2015). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (accessed: 15.05.2018).
- Mills M. (2000). The transformation of Partnerships. Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the Age of Modernity. Amsterdam: Thela Thesis. 278 p.
- Mills M. (2004). Stability and change: the structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation // European Journal of Population. 20: 141–175.
- Mkrтчjan N.V. (2012). Problemy ucheta naseleniya otdel'nykh vozrastnykh grupp v khode perepisi naseleniya 2010 g.: prichiny otkloneniy poluchennykh dannykh ot ozhidaemykh [Problems of population counting of specific age groups in the 2010 population census: the causes of the variances of the obtained data from the expected] // Demograficheskie aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Demographic aspects of socio-economic development] / M.B. Denisenko, ed. Vyp. 22 [Iss. 22]. Moscow: MAKS Press: 197-214.
- Nikitina S.Yu. (2013). Ob organizatsionnykh i metodologicheskikh voprosakh vyborochnogo federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Mikroperepis' naseleniya 2015 g. [On the organizational and methodological issues of the federal statistical survey «Population microcensus 2015»]. Prezentatsiya doklada na rasshirennom zasedanii kollegii Rosstat 12.02.2013 [Paper presented at the extended meeting of the Rosstat Board in 12.02.2013]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/smi-1302.html (accessed: 21.11.2017).
- Nikitina S.Yu. (2015). Ob organizatsionnykh i metodologicheskikh voprosakh vyborochnogo federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Mikroperepis' naseleniya 2015» [On the organizational and methodological issues of the federal statistical survey «Population microcensus 2015»] // Voprosy statistiki [Statistical issues]. 3: 35-37.
- Osnovnye itogi mikroperepisi naseleniya 1994 g. v 8 tomakh [The main results of the 1994 population microcensus in 8 volumes] (1995). Moscow: Gosudarstvennyy komitet Rossiyskoy Federatsii po statistike.
- Population (2017). Statisticheskii byulleten' «Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po polu i vozrastu 1 yanvarya 2017 goda» [Statistical Bulletin «Population of the Russian Federation by sex and age on January 1, 2017»]. Moscow: Rosstat URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm (accessed: 15.05.2018).
- Population census history in Russia (2013). Moscow: Golden Bi. 414 p.
- Pyankova A. I. (2015). Traditsionnyy i al'ternativnyye metody provedeniya perepisey naseleniya [Traditional and alternative census methods]. PhD Thesis. Moscow: Higher school of Economics.

- Ramonov A.V., A.I. Pyankova (2014). Izuchenie zdorov'ya: potentsial perepisey naseleniya [Evaluating public health on the basis of census information] // *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. 1(2): 140-155.
- Scherbov S., van Vianen H. (1999). Marital and Fertility Careers of Russian Women Born between 1910 and 1934 // *Population and Development Review*. 25 (1): 129-143.
- Scherbov S., van Vianen H. (2001). Marriage and Fertility in Russia of Women Born between 1900 and 1960: A Cohort Analysis // *European Journal of Population*. 17(3): 281-294.
- Scherbov S., van Vianen H. (2002). Period Fertility in Russia since 1930: an application of the Coale-Trussell fertility model // *Demographic Research*. 6: 455-470.
- Scherbov S., van Vianen H. (2004). Marriage in Russia: a reconstruction // *Demographic Research*. 10: 27-60.
- Soroko E. (2001). Jewish Households in Russia according to the 1994 Microcensus // *Papers in Jewish Demography 1997* / S. Della Pergola, J. Even, eds. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem: 161-179.
- Svodnye rezul'taty otsenki reprezentativnosti blokov tablits s itogami mikroperepisi naseleniya 2015 goda [The representativeness of the tables with the results of the 2015 population microcensus] (2015). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/mikroperepis/finish/micro-perepis.html (accessed: 15.05.2018).
- Tablitsy s itogami federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya «Sotsial'no-demograficheskoe obsledovanie (mikroperepis' naseleniya) 2015 goda» [Tables with the results of the Federal statistical survey «Socio-demographic survey (population microcensus) 2015»] (2015). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (accessed: 15.05.2018).
- Tolts M. (1996). The Jewish Population of Russia, 1989-1995 // *Jews in Eastern Europe*. 3(31): 5-19.
- Tolts M. (1997). The Interrelationship between Emigration and the Socio-Demographic Profile of Russian Jewry / N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i, P. Ritterband, eds. *Russian Jews on Three Continents*. London: Frank Cass: 147-176.
- Tolts M. (1998). Recent Jewish Emigration and Population Decline in Russia // *Jews in Eastern Europe*. 1(35): 5-24.
- Tolts M. (1999). Yiddish in the Former Soviet Union Since 1989: A Statistical-Demographic Analysis // G. Estraikh, M. Krutikov, eds. *Yiddish in the Contemporary World*. Oxford: European Humanities Research Centre, University of Oxford. 133-146.
- Vishnevskiy A.G., S.V. Zakharov (2010). Chto znaet i chego ne znaet rossiyskaya demograficheskaya statistika [What know and doesn't know Russian demographic statistics] // *Voprosy statistiki* [Statistical issues]. 2: 7-17.
- Volkov A.G. (1984). Pervaya mikroperepis' naseleniya SSSR [The first microcensus of the USSR population] // *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii* [Health care of the Russian Federation]. 10: 3-6.
- Volkov A.G. (1999a). New features of family formation and composition: case of Russia // *Revue Baltique*. Vilnius. 13: 82-96.
- Volkov A.G. (1999b). Methodology and Organization of the 1994 Microcensus in Russia. Population Research Centre, University of Groningen. Working Paper 99-5.

- Volkov A.G. (2014a). Metodologiya i organizatsiya mikroperepisi v Rossii v 1994 g. [Methodology and organization of the 1994 Microcensus in Russia] // *Izbrannye demograficheskie trudy* [Selected Works on Demography: a collection of scientific articles] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: HSE Publishing House: 180-198.
- Volkov A.G. (2014b). Novye osobennosti formirovaniya sem'i i ee sostav: primer Rossii [New features of family formation and its composition: the example of Russia] // *Izbrannye demograficheskie trudy* [Selected Works on Demography: a collection of scientific articles] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: HSE Publishing House: 432-447.
- Volkov A.G. (2014c). Etnicheski smeshannye sem'i v SSSR: dinamika i sostav [Ethnically mixed families in the USSR: dynamics and composition] // *Izbrannye demograficheskie trudy* [Selected Works on Demography: a collection of scientific articles] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: HSE Publishing House: 405-431.
- Volkov A.G., E.L. Soroko (1999). Tipologiya semey i domokhozyaystv v Rossii: razvitie i analiz (po dannym mikroperepisi 1994 goda) [Family and household typology in Russia: development and analysis (according to the 1994 microcensus)] // *Voprosy statistiki* [Statistical issues]. 5: 40-52.
- Wiedenhofer B. (2000). Assistance for/ by women and men aged 60 years or more. Paper presented at the Conference of European Statisticians (Italy, Orvieto, 11-13 October 2000). URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/2000/10/gender/12.e.pdf> (accessed: 15.05.2018).
- Zakharov S.V. (2006). Vozrast vstupleniya v pervyy brak [Age at first marriage]/ *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000* [Demographic Modernization, 1900-2000] / A.G. Vishnevskiy, ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo: 107-120.
- Zukula B. (2016). Methodology of estimating the annual number of usual resident population in Latvia // Paper presented at the Conference of European Statisticians (Switzerland, Geneva, 18-20 May 2016). URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2016/mtg2_WS/23_Latvia_BZukula_ENG.pdf (accessed: 15.05.2018).

СЕМЬЯ И ДОМОХОЗЯЙСТВО В РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННА МИРОНОВА, ЛИДИЯ ПРОКОФЬЕВА

В статье рассматривается эволюция демографической структуры российских домохозяйств. Проведен детальный анализ отечественных переписей и микропереписей населения с использованием длинного временного ряда и описанием особенностей сопоставления данных переписей разных лет. Ввиду того, что объектом советских переписей была семья, а постсоветских – домохозяйство, возможности анализа длинного ряда данных по России ограничены. В то же время выделение домохозяйства в качестве объекта наблюдения в российских переписях делает их сопоставимыми со статистикой домохозяйств многих зарубежных стран. На основе данных переписей и микропереписей населения выявлены основные тенденции в изменении размера и структуры домохозяйств в России. Проведён сравнительный анализ структуры домохозяйств в России и в зарубежных странах (странах Европы и США). Показано, что, несмотря на снижение среднего размера домохозяйства и рост доли домохозяйств одиночек, доля домохозяйств из трех и более человек в общей совокупности домохозяйств в России всё ещё значительно выше, чем в Европе и США. Состав российских домохозяйств отличается сравнительно низкой долей супружеских пар без детей и высокой долей неполных (особенно сложных) семейных домохозяйств. Демографический анализ дополнен анализом структуры домохозяйства на разных стадиях жизненного цикла.

Ключевые слова: семья, домохозяйство, демографическая структура домохозяйств, перепись населения, семейные ячейки.

ВВЕДЕНИЕ

Домохозяйство выступает первичным элементом социальной системы, так как зачастую именно в рамках домохозяйства принимаются важнейшие решения, касающиеся различных аспектов человеческой деятельности – от планирования детей до распределения бюджета. Ввиду этого представление о домохозяйственной структуре населения важно не только для исследователей, оно служит важнейшей предпосылкой при планировании социальной, жилищной и экономической политики.

Демографический переход, начавшийся в России в конце XIX века, изменил размер и состав домохозяйств. Еще в сравнительно недавнем прошлом взрослые родственники из нескольких поколений, как правило, жили вместе, объединившись в сложном домохозяйстве. Как пишет Б. Миронов, в конце XIX века "семьи с численностью до 5 человек включительно чаще всего являлись малыми, в 6 человек - расширенными и в 7 и более - составными. Среди последних, с числом членов 11 и более человек, значительная часть, вероятно, относилась к большим семьям" [Миронов 2003: 225].

Анна Алексеевна Миронова (amironova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Лидия Михайловна Прокофьева (prokofieva@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г., проект «Долгосрочное демографическое развитие в свете результатов Всероссийской микропереписи населения 2015 г.».

Статья поступила в редакцию в апреле 2018 г.

В настоящее время взрослые дети, их родители и прародители чаще всего живут раздельно, составляя небольшие по размеру домохозяйства. Кроме того, состав домохозяйств определяется трансформациями основных демографических процессов: рождаемости, смертности, брачности и разводимости, миграции. Таким образом, глобальные демографические изменения, а также изменения особенностей организации родственной жизни отражаются на размере и демографическом составе российских домохозяйств.

Проблема домохозяйственной структуры населения, а также демографического состава домохозяйств затрагивалась в работах многих исследователей. Вопросы трансформации демографического состава семьи (домохозяйства) и её общего демографического развития рассматривались в работах А. Волкова [1986], И. Герасимовой [1976], Л. Прокофьевой [2007], К. Абаноквой [2015], Е. Щербаковой [2017, 2018]. Проблемам состава домохозяйств в контексте изменения брачно-партнёрских отношений и брачной структуры населения посвящены работы С. Захарова [2006, 2007, 2016]. Особенность данной работы состоит в том, что она содержит детальный анализ отечественных переписей и микропереписей населения (включая микроперепись 2015 г.) на основе длинного временного ряда. Анализ сочетается с описанием особенностей сопоставления данных переписей разных лет. Кроме того, был исследован состав домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла. Приведены некоторые международные сравнения.

Источники данных и методология исследования

Основным источником данных о демографических характеристиках домохозяйств служат переписи и микропереписи населения. В российской переписной статистике и экономической социологии под домохозяйством понимается группа людей, проживающих в одном жилом помещении или его части, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, т.е. полностью или частично объединяющих свои средства. Они могут быть связаны отношениями родства или не быть родственниками, либо быть и теми, и другими. Домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно и обеспечивающего себя пищей и всем необходимым для жизни.

В статистике населения России переход к учету домохозяйства, а не семьи впервые был реализован при проведении микропереписи 1994 г., а затем окончательно утвердился в двух последних переписях населения (2002 и 2010 г.) и в микропереписи 2015 г. В связи с этим данные российских переписей населения стали более сопоставимыми с данными переписей, проводимых в других странах (например, с данными переписей стран Европейского союза, предоставляемых Евростатом, и данными Бюро переписи населения США), но при этом частично утратили сопоставимость с данными предыдущих отечественных переписей.

В программах всех послевоенных переписей населения СССР семья определялась как группа из двух и более лиц, связанных отношениями родства или свойства, проживающих совместно с общим бюджетом [Волков 1986]. В понятие «общий бюджет»

входит полное или частичное объединение членами семьи своих доходов и совместное их расходование для ведения хозяйства. Таким образом, включая в определение семьи потребительскую компоненту, статистическое определение семьи было близким к определению семейного домохозяйства в западной статистике населения и социологии. Отличие состояло, прежде всего, в определении категории «одиночки» – домохозяйство в отличие от семьи может состоять из одного человека, живущего самостоятельно [Волков 1996].

Ввиду описанных особенностей статистики, касающейся российских (советских) домохозяйств (семей), в своём анализе мы также условно разделяем домохозяйства на «семейные» и «несемейные». Несемейная форма представлена домохозяйствами одиночек. Изменение доли одиноко проживающих лиц, образующих отдельное домохозяйство, в России можно рассматривать, лишь начиная с микропереписи 1994 г. До этого в переписях населения лица, проживающие вне семьи, подразделялись на две категории: на одиночек и на лиц, проживающих отдельно от семьи, но имеющих регулярную материальную связь с родственниками. При этом невозможно было разделить тех, кто проживает одиноко, образуя самостоятельное домохозяйство, и тех, кто живет на государственном обеспечении в составе институциональных домохозяйств (в тюрьмах, казармах, домах для престарелых и др.) [Волков 1996]. Поэтому сопоставлять данные по одиночкам до 1994 г. и после можно лишь условно.

Под семейным домохозяйством мы понимаем жилищную единицу, включающую нескольких человек, занимающих данную площадь, которые связаны кровным родством, свойством, узами брака или усыновлением. Другими словами, в качестве основного критерия отнесения домохозяйства к семейному выступает наличие в нём семейной ячейки (или нескольких семейных ячеек). В то же время семейные домохозяйства, помимо семейной ячейки, состоящей из родственников, могут также включать и не родственников. Таким образом, семейные домохозяйства в российских переписях и семьи в советских переписях практически не отличаются по своему содержанию, что позволяет сравнивать эти категории.

Данная работа основана на сопоставлении результатов переписей и микропереписей населения. При этом мы понимаем, что, в отличие от переписей, микропереписи представляют собой выборочные обследования, а не сплошные. В связи с этим нами была оценена статистическая значимость обнаруженных различий между оценками по данным переписей и микропереписей. Все различия оказались значимыми на уровне 0,05.

Типология домохозяйств и семейных ячеек, используемая в данной статье, основана на традиционно выделяемых органами государственной статистики типах домохозяйств и семейных ячеек (супруги без детей, супруги с детьми, матери/отцы с детьми и др.). При анализе различных типов домохозяйств мы условно разделяем их на простые и сложные. К простым домохозяйствам мы относим домохозяйства, включающие одну семейную ячейку. Домохозяйства, состоящие из нескольких семейных ячеек или имеющие в своём составе, помимо семейной ячейки, ещё других членов (родственников или не родственников), относятся к сложным.

РАЗМЕР РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Если рассматривать изменения, происходящие в демографической структуре домохозяйств в России за последние десятилетия, то долговременная тенденция изменения – уменьшение размера домохозяйства и упрощение структуры.

Размер домохозяйства. Средний размер домохозяйства в 2010 году в России составил 2,6 человека, в США также – 2,6 человека, в среднем по Европейскому Союзу – 2,4 человека. Везде наиболее распространённым типом являются домохозяйства, состоящие из трех и более человек. В то же время, по сравнению с США и Европой, в России доля домохозяйств из трех и более человек в общей совокупности домохозяйств значительно выше. Если в Европе вторыми по распространённости являются домохозяйства одиночек, то в России и США – домохозяйства из двух человек. Доля домохозяйств одиночек в России ниже, чем в США и Европе (рисунок 1).

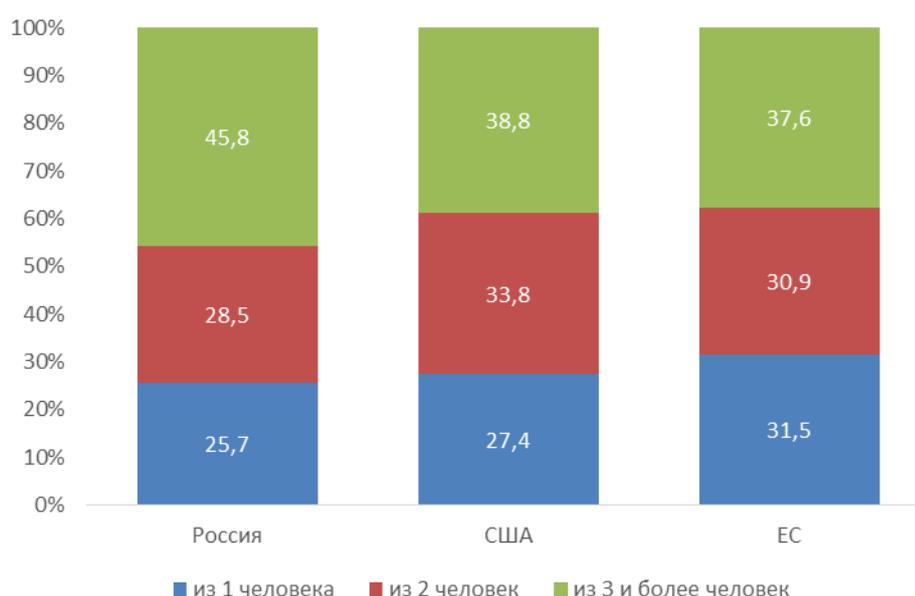

Рисунок 1. Распределение домохозяйств по количеству членов в России, США, ЕС-27, %

Источники: [Census 2011; Census Bureau 2010; Всероссийская перепись населения 2010].

За период между последними переписями населения (2002-2010 гг.) средний размер домохозяйства снижался при увеличении общего числа домохозяйств (на 3,5 п.п.). Это произошло за счет роста числа домохозяйств одиночек (рост на 19,4%) и домохозяйств, состоящих из двух человек (рост на 7,1%; таблица 1). В целом более половины зафиксированных в 2010 г. домохозяйств состоят из одного или двух человек. При этом основной компонентой роста числа домохозяйств в целом по стране послужил рост городских домохозяйств, в то время как в сельской местности их число снизилось при сохранении среднего размера домохозяйства на уровне 2002 г. (2,8 человека). Городские домохозяйства заметно потеряли в показателе своего среднего размера (с 2,7 до 2,5 человека) [Всероссийская перепись населения 2002, 2010].

Чем обусловлено уменьшение среднего размера домохозяйства? К основным причинам можно отнести:

- уменьшение числа детей в семье (с 2002 по 2010 г. доля домохозяйств, имеющих в своём составе детей моложе 18 лет сократилась с 21,2 до 17,9% [Всероссийская перепись населения 2002, 2010]), что может быть связано с низкой рождаемостью и ускорением процесса выделения детей из семьи;
- откладывание рождений у молодежи, которая, отделяясь от родительской семьи, продолжительное время живет одиноко или с супругом/партнёром (для супругов, родивших первого ребёнка в 1990-1994 гг. протогенетический интервал составлял 9,2 месяца; для супругов, родивших первого ребёнка в 2010-2012 гг. – 17,8 месяца [Выборочное обследование... 2012]);
- упрощение структуры домохозяйств, которое ограничивается только жилищными трудностями;
- увеличение числа одиноких пожилых, главным образом женщин, в результате существенного разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин.

Таблица 1. Распределение российских домохозяйств по размеру

	Число домохозяйств, млн		2010 г. в % к 2002 г.	В % к итогу	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Всего домохозяйств:	52,7	54,6	103,5	100	100
<i>в том числе домохозяйства, состоящие</i>					
из 1 человека	11,8	14,0	119,4	22,3	25,7
из 2 человек	14,5	15,6	107,1	27,6	28,5
из 3 человек	12,5	12,3	98,0	23,8	22,5
из 4 человек	9,0	7,9	88,4	17,0	14,5
из 5 человек	3,0	2,9	96,1	5,7	5,4
из 6 и более человек	1,9	1,9	97,4	3,6	3,4
Средний размер домохозяйства, человек	2,7	2,6	96,3	X	X

Источники: [Всероссийская перепись населения 2002, 2010].

Анализ среднего размера домохозяйства даёт нам самое общее представление о его характеристиках, изменение показателя среднего размера домохозяйств может происходить под влиянием противоречивых тенденций. Так, например, рост доли неполных семей уменьшает средний размер семьи, а рост доли сложных его увеличивает. Поэтому более полное представление о реальной картине дает рассмотрение демографической структуры российских домохозяйств.

ДОМОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ И СОСТАВ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Согласно последней переписи населения (2010 г.) структура российских домохозяйств выглядит следующим образом: наиболее распространённым типом домохозяйства являются супруги с детьми (34,9%), далее идут одиночки (25,7%), супруги без детей (16,6%), неполные семьи (15,6%) и прочие домохозяйства (таблица 2). К прочим домохозяйствам относятся домохозяйства братьев и сестер (без родителей), тётки/дяди с племянниками, бабушки/дедушки с внуками и др. При этом частные домохозяйства могут

быть как простыми, так и сложными. Так, подавляющее большинство (92%) супружеских пар без детей составляют простые домохозяйства, в то же время значительная часть (33%) супругов с детьми живут в составе сложных домохозяйств. Довольно часто (26%) в составе сложных домохозяйств живут неполные семьи.

Таблица 2. Распределение частных домохозяйств по основным демографическим типам, переписи населения 2002 и 2010 гг. и микроперепись 2015 г., %

Тип домохозяйства	2002	2010	2015
Одиночки	22,3	25,7	30,6
<i>в том числе:</i>			
трудоспособные ¹⁾	9,5	11,7	14,2
старше трудоспособного	12,7	13,9	16,4
Супруги без детей	16,1	16,6	18,9
<i>в том числе:</i>			
простые	14,8	15,3	18,9
сложные	1,3	1,3	- ²⁾
Супруги с детьми	39,7	34,9	31,9
<i>в том числе:</i>			
простые	27,8	23,4	22,6
сложные	11,9	11,5	9,3
из них			
супруги с детьми до 18 лет	30,0	23,8	22,6
<i>в том числе:</i>			
простые	21,1	15,9	16,8
сложные	8,9	7,9	5,8
Матери/отцы с детьми	16,8	15,6	14,7
<i>в том числе:</i>			
простые	11,9	11,5	11,5
сложные	4,9	4,1	3,2
из них			
матери/отцы с детьми до 18 лет	9,3	6,9	6,8
<i>в том числе:</i>			
простые	5,6	4,2	4,6
сложные	3,7	2,7	2,2
Прочие домохозяйства	5,1	7,2	3,9
Все домохозяйства	100,0	100,0	100,0

Примечания: ¹⁾ – Для 2015 г. границей трудоспособности выступал возраст 60 лет и для мужчин, и для женщин, так как выделить женщин до 55 лет по данным 2015 г. не представилось возможным. ²⁾ – По данным микропереписи 2015 г. невозможно рассчитать долю супругов без детей, проживающих в сложных домохозяйствах, в связи с особенностью представления данных.

Тенденции последнего десятилетия в основном продолжают тренды предыдущего: растет доля одиночек и супругов без детей, уменьшается доля домохозяйств супругов с детьми и неполных домохозяйств. Однако в последнее время доля неполных частных домохозяйств стабилизировалась. Количество сложных многопоколенных домохозяйств также не увеличивается в общей структуре.

Наблюдаются некоторые различия в структуре домохозяйств между селом и городом. На момент переписи 2010 г. в городе, по сравнению с селом, супружеские пары как с детьми, так и без них были распространены меньше. В то же время, в отличие от села, в структуру городских домохозяйств более весомый вклад вносят домохозяйства одиночек, неполные семьи и прочие домохозяйства. При этом если в селе домохозяйства одиночек на

64% состоят из лиц старше трудоспособного возраста, то в городе пенсионеры составляют только 51% домохозяйств одиночек.

В изменении структуры сельских и городских домохозяйств в период между переписями есть как сходства, так и различия. И в городе, и в селе растёт доля домохозяйств одиночек, сокращается доля домохозяйств с детьми, растёт доля прочих. В то же время в городе, в отличие от села, растёт доля домохозяйств, состоящих из супругов без детей. Кроме того, за межпереписной период в городе было отмечено некоторое снижение доли неполных семей, в то время как в селе данный показатель хоть и не существенно, но вырос (таблица 3).

Таблица 3. Распределение частных домохозяйств по основным демографическим типам в городских и сельских поселениях, переписи населения 2002 и 2010 г. и микроперепись 2015 г., %

Тип домохозяйства	Городские поселения			Сельские поселения		
	2002	2010	2015	2002	2010	2015
Одиночки	22,3	26,2	31,0	22,1	24,1	29,5
<i>в том числе</i>						
трудоспособные	10,5	12,7	15,0	6,4	8,6	12,4
старше трудоспособного возраста	11,7	13,4	16,1	15,6	15,4	17,0
Супруги без детей	15,1	15,9	18,7	19,1	18,7	19,5
<i>в том числе</i>						
простые	13,8	14,6	18,7	17,7	17,3	19,5
сложные	1,3	1,3	-	1,4	1,4	-
Супруги с детьми	38,9	33,6	31,2	42,1	39,1	33,5
<i>в том числе</i>						
простые	27,1	22,9	22,7	29,9	25,2	22,4
сложные	11,8	10,7	8,5	12,2	13,9	11,1
из них						
супруги с детьми до 18 лет	28,6	22,5	22,0	34,1	28,0	23,7
простые	20,1	15,3	17,0	24,1	17,7	16,4
сложные	8,5	7,2	5,0	10,0	10,3	7,3
Матери/отцы с детьми	18,0	16,3	15,1	13,2	13,4	13,8
<i>в том числе</i>						
простые	12,6	11,9	11,8	9,6	10,0	10,7
сложные	5,4	4,4	3,2	3,6	3,4	3,1
из них						
матери/отцы с детьми до 18 лет	10,1	7,2	6,9	7,2	6,0	6,7
<i>в том числе</i>						
простые	6,1	4,4	4,7	4,3	3,7	4,4
сложные	4,0	2,8	2,2	2,9	2,3	2,2
Прочие домохозяйства	5,7	8,0	4,0	3,5	4,7	3,7
Все домохозяйства	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как уже отмечалось ранее, выделяемые нами типы домохозяйств можно условно разделить на «семейные» и «несемейные».

Проанализируем несемейные домохозяйства, представленные *одиночками*. В России доля домохозяйств одиночек находится примерно на том же уровне, что в США (в 2010 г. в России – 25,7%, в США – 26,7%, в Европе¹ – 30,9% от общего числа домохозяйств). При

¹ Здесь и далее имеются ввиду данные по 27 европейским странам на момент переписи 2011 г.: Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр,

этом в США соотношение полов среди одиночек ближе к паритетному: в США доля одиноко проживающих мужчин в 2010 г. составила 45% от общего числа одиночек, в России – 35%. Заметны различия в распределении одиночек по половозрастным группам. Во всех выделяемых возрастных группах доля мужчин-одиночек в США выше, чем в России. Особенно существенное различие наблюдается среди мужчин в трудоспособном возрасте. Доля женщин в первых двух возрастных группах (15-64 и 65-74 года) в России выше, чем в США, однако для старших возрастов (75+) доли равны (рисунок 2).

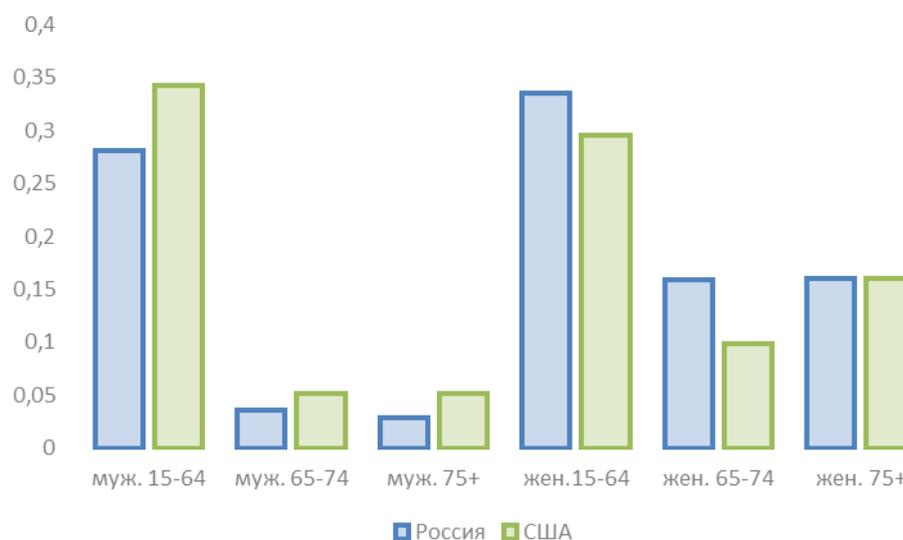

Рисунок 2. Половозрастное распределение домохозяйств одиночек в России и в США, 2010, %

Источники: [Всероссийская перепись населения 2010; Census Bureau 2010].

Чем обусловлена существенная распространённость домохозяйств одиночек в России – это преходящая особенность демографического развития или закономерное явление в эволюции демографической структуры домохозяйств? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать данную категорию домохозяйств в динамике.

Как видно на рисунке 3, доля одиноко проживающих лиц на протяжении всего рассматриваемого периода имела тенденцию к росту. Резкий спад доли одиночек в период между 1989 и 1994 гг. обусловлен изменением в методологии учёта, о чём говорилось ранее.

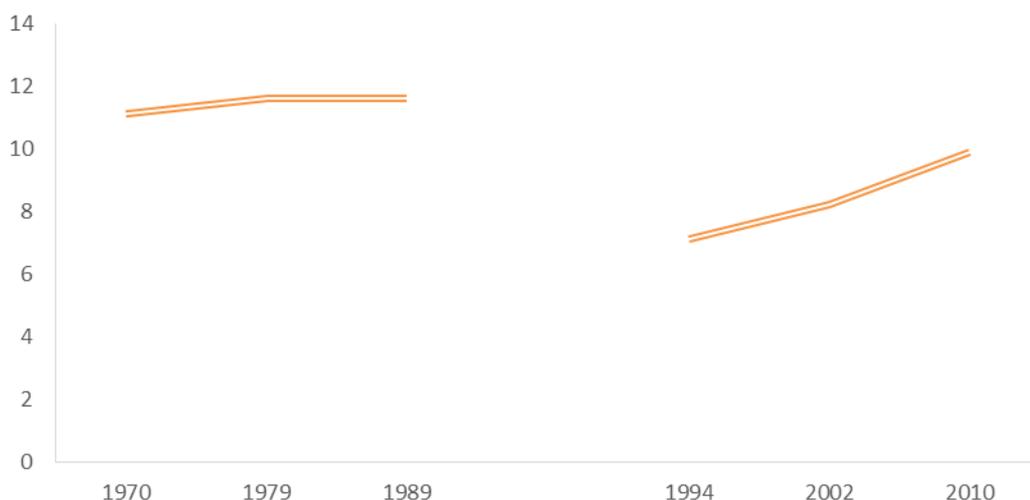

Рисунок 3. Доля одиночек в общей численности населения, %

Источник: Расчеты авторов на основе переписей населения 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 г. и микропереписи 1994 г.

Таким образом, рост доли одиночек – долговременная тенденция, причем не только российского населения. В европейских странах (EU-27), где домохозяйства одиночек распространены больше, чем в России, их доля выросла с 30% в 2007 г. до 31,5% в 2013 г. При этом в Европе домохозяйства одиночек чаще, чем в России, представлены пожилыми людьми (65+): в России в 2010 г. доля лиц в возрасте 65 лет и старше в общей численности одиночек составила 38,4%, в Европе (EU-27) – 42,1% [Census 2011; Всероссийская перепись населения 2010]. В США с 1950 г. число домохозяйств одиночек возросло практически в три раза.

Таблица 4. Доля различных половозрастных групп в общей численности домохозяйств-одиночек, %

	1994 г.	2010 г.
Мужчины	28,5	34,4
<i>в том числе:</i>		
трудоспособного возраста	20,4	25,4
старше трудоспособного возраста	8,1	9,0
Женщины	71,5	65,6
<i>в том числе:</i>		
трудоспособного возраста	15,3	20,4
старше трудоспособного возраста	56,2	45,2
Итого	100,0	100,0
<i>в том числе:</i>		
трудоспособного возраста	35,7	45,8
старше трудоспособного возраста	64,3	54,2

Больше половины домохозяйств одиночек в России (54,2%) состоит из лиц старше трудоспособного возраста, подавляющее большинство из которых (83,3%) – женщины. В то же время домохозяйства одиночек трудоспособного возраста в большей степени (56%) состоят из мужчин. С 1994 по 2010 г. в составе домохозяйств одиночек заметно выросла доля лиц в трудоспособном возрасте, а доля лиц старше трудоспособного возраста соответственно сократилась. При этом выросла доля мужчин (с 29 до 35%) в общей

численности домохозяйств одиночек (таблица 4). С учетом того, что современные взрослеющие молодые люди все больше стремятся жить отдельно даже в случае, если они еще не вступили в брак и не сформировали свою собственную семью, следовало бы ожидать увеличения доли молодежи в структуре домохозяйств, состоящих из одного человека. По крайней мере, в развитых странах такая тенденция прослеживается. Однако в России, как показывают данные микропереписи 2015 г., пока большее значение имеет фактор общего старения населения, усиленный ранним овдовением супругов: в структуре домохозяйств одиночек преобладают пожилые люди, а доля молодежи до 30 лет составляет менее 10%.

Существует несколько причин, которые обуславливают рост числа домохозяйств одиночек. Например, Дж. Ритцер [Ritzer 2013] предлагал следующие объяснения данного явления. Во-первых, в результате роста продолжительности жизни растёт вероятность оказаться в одиночестве. Во-вторых, в связи с ростом уровня экономического благосостояния, для большего числа людей стало возможным самостоятельно покрывать большие расходы, связанные с проживанием в одиночку, по сравнению с меньшими расходами совместного проживания. В-третьих, увеличение числа одиночек согласуется с тенденцией роста индивидуализма, характерной для большинства развитых стран мира. В-четвёртых, растёт общественный статус женщин, их уровень образования, занятость и доходы, т.е. женщины становятся более независимыми – они всё чаще откладывают вступление в брак на более старшие возраста, отделяются или разводятся. В-пятых, революция в сфере коммуникаций позволила людям общаться с родственниками и друзьями, живя отдельно от них. Кроме этого, массовая урбанизация сделала активную социальную жизнь города доступной для многих людей, независимо от типа проживания.

Таблица 5. Изменение структуры семей (семейных домохозяйств) по демографическим типам в России за 1970-2010 гг., %

	1970	1979	1989	1994	2002	2010	2015
Все семьи	100	100	100	100	100	100	100
<i>в т.ч. состоящие из</i>							
одной брачной пары с детьми и без детей	65,1	68,1	68,9	63,9	58,7	57,6	60,0
одной брачной пары с детьми и без детей с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками (или без них)	15,2	13,2	11,9	13,3	14,5	15,4	16,5
двух и более брачных пар с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками (или без них)	3,5	3,6	3,5	4,6	3,5	3,8	4,8
матери (отца) с детьми	12,8	13,1	13,6	13,4	16,4	17,0	13,2
матери (отца) с детьми с одним из родителей (или без него), с другими родственниками (или без них)	3,5	2,1	2,1	4,6	6,8	6,2	5,5

Примечание: До 1994 г. приводятся данные по семьям, с 1994 г. – по семейным домохозяйствам.

Теперь обратимся к анализу динамики семейных домохозяйств (семей). Как следует из таблицы 5, с 1970 по 2010 г. произошли серьезные изменения в структуре семейных российских домохозяйств:

- сократилась доля домохозяйств (семей), состоящих из супружеской пары с детьми и без детей;

- до 1989 г. доля супружеских пар, проживающих в составе сложных домохозяйств, сокращалась, а в период с 1989 по 1994 г. – возросла и потом стабилизировалась на относительно высоком уровне;
- возросла доля неполных семей, в том числе их доля в составе сложных домохозяйств (семейных образований);
- существенно повысилась доля прочих домохозяйств (семей).

Микроперепись 2015 г., по сравнению с переписью 2010 г., зафиксировала увеличение доли домохозяйств с двумя и более детьми как среди полных, так и среди домохозяйств одиноких супругов (таблица 6). Возможно, это результат активной демографической политики последнего десятилетия (усиление финансовой поддержки семей, в частности, предоставление права на материнский капитал при рождении второго или последующих детей). Правда, сомнения в такой интерпретации вызывает увеличение доли многодетных среди неполных семей практически в той же пропорции, что и среди полных семей. В то же время нельзя проигнорировать и возможное влияние на оценку демографической структуры домохозяйств, в том числе и по числу детей в них, специфических особенностей дизайна выборки микропереписи 2015 г., которое требует дополнительного рассмотрения. Дело в том, что из-за небольшого объема выборки в структуре населения, участвовавшего в микропереписи, оказались недопредставленными крупные регионы и городские агломерации и в то же время излишне представлены лица пожилого возраста. Тем не менее среднее число детей до 18 лет, приходящееся на одно домохозяйство в 2015 г., лишь едва заметно больше, чем по результатам переписей 2002 и 2010 г. (1,5 ребенка в 2015 г. против 1,4 в 2002 и 2010 г.) и ниже, чем по оценке 1994 г. (1,6 ребенка; таблица 7).

Таблица 6. Распределение частных домашних хозяйств с детьми до 18 лет по числу детей, переписи 2002, 2010 г. и микроперепись населения 2015 г., %

Тип домохозяйства	2002	2010	2015
Супруги с детьми до 18 лет	100	100	100
<i>в том числе</i>			
с 1 ребёнком	61,9	61,5	55,6
с 2 детьми	30,9	30,7	34,2
с 3 детьми	7,2	7,8	10,2
Матери с детьми до 18 лет	100	100	100
<i>в том числе</i>			
с 1 ребёнком	76,0	76,9	70,8
с 2 детьми	20,1	19,3	23,4
с 3 детьми	3,9	3,8	5,8
Отцы с детьми до 18 лет	100	100	100
<i>в том числе</i>			
с 1 ребёнком	80,9	81,4	78,1
с 2 детьми	15,9	15,7	17,7
с 3 детьми	3,2	2,9	4,2
Все домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	100	100	100
<i>в том числе</i>			
с 1 ребёнком	65,2	65,5	59,8
с 2 детьми	28,2	27,5	31,1
с 3 и более детьми	6,6	7,0	9,1

Снижение доли домохозяйств с несовершеннолетними детьми является общей тенденцией для Европейских стран. Так, в странах Европейского союза (EU-27) доля

домохозяйств, не имеющих в своём составе несовершеннолетних детей, возросла с 66,8% в 2007 г. до 69,1% в 2013 г. [Eurostat].

Таблица 7. Распределение частных домохозяйств по типам и числу детей до 18 лет и среднее число детей, приходящееся на одно домохозяйство с детьми, переписи 2002 и 2010 гг. и микропереписи населения 1994 и 2015 гг.

Демографический тип частного домохозяйства с детьми до 18 лет	Доля домохозяйств с числом детей, %:			Среднее число детей до 18 лет, приходящихся на одно домохозяйство с детьми
	1	2	3 и более	
микроперепись 1994 г.				
Все частные домохозяйства с детьми до 18 лет, в т.ч.:	53,7	36,9	9,4	1,6
полные	50,2	39,7	10,1	1,6
неполные	69,0	25,0	6,0	1,4
перепись 2002 г.				
Все частные домохозяйства с детьми до 18 лет, в т.ч.:	65,2	28,2	6,6	1,4
полные	61,9	30,9	7,2	1,5
неполные	75,3	20,3	4,4	1,3
перепись 2010 г.				
Все частные домохозяйства с детьми до 18 лет, в т.ч.:	65,5	27,5	7,0	1,4
полные	61,5	30,7	7,8	1,5
неполные	78,2	18,3	3,5	1,3
микроперепись 2015 г.				
Все частные домохозяйства с детьми до 18 лет, в т.ч.:	59,8	31,1	9,1	1,5
полные	55,6	34,2	10,2	1,6
неполные	71,4	22,9	5,7	1,3

Таблица 8. Структура семейных ячеек в России, %

Тип семейной ячейки	2002 г.	2010 г.	2015 г.
Супруги без детей	27,7	30,5	34,8
Супруги с детьми	46,4	42,2	39,8
<i>в том числе</i>			
в возрасте <18 лет и более	35,3	28,6	29,5
Неполные семьи	25,9	27,3	25,4
<i>в том числе</i>			
в возрасте <18 лет и более	15,2	13,9	13,0
Матери с детьми	22,9	24,1	22,6
<i>в том числе</i>			
в возрасте <18 лет и более	13,6	12,3	11,7
18 лет и более	9,3	11,8	10,9
Отцы с детьми	3,0	3,3	2,8
<i>в том числе</i>			
в возрасте <18 лет и более	1,6	1,6	1,3
18 лет и более	1,4	1,7	1,5
Всего семейных ячеек	100,0	100,0	100,0

Источники: [Всероссийская перепись населения 2002, 2010; Микроперепись населения 2015].

Переписи населения постсоветского периода отличаются введением нового аспекта анализа семейной структуры населения – выделением семейных ячеек², которые могут составлять самостоятельное домохозяйство или входить в состав домохозяйств вместе с другими родственниками и (или) не родственниками.

В структуре семейных ячеек растёт доля супругов без детей, доля супругов с детьми сокращается (преимущественно за счёт снижения доли супругов с несовершеннолетними детьми), а также растёт доля неполных семей (таблица 8).

При анализе структуры семейных домохозяйств важным критерием является его сложность. Семейные ячейки, входящие в состав сложных домохозяйств, составили в 2010 г. почти треть всех семейных ячеек (таблица 9).

Таблица 9. Степень нуклеаризации семей в России, %

Типы семейных ячеек	2002		2010	
	нуклеарные семьи	семейные ячейки в составе сложных домохозяйств	нуклеарные семьи	семейные ячейки в составе сложных домохозяйств
Супруги без детей	67,5	32,5	67,1	32,9
Супруги с детьми, в т.ч.:	76,0	24,0	74,6	25,4
в возрасте до 18 лет*	75,7	24,3	74,4	25,6
18 лет и более	76,8	23,2	74,9	25,1
Матери/отцы с детьми, в т.ч.:	58,1	41,9	56,4	43,6
в возрасте до 18 лет*	46,8	53,2	41,1	58,9
18 лет и более	74,0	26,0	72,2	27,8
Из числа неполных семей:				
матери с детьми, в т.ч.:	59,1	40,9	57,0	43,0
в возрасте до 18 лет*	48,0	52,0	41,9	58,1
18 лет и более	75,0	25,0	72,9	27,1
отцы с детьми, в т.ч.:	50,5	49,5	51,6	48,4
в возрасте до 18 лет*	36,7	63,3	34,9	65,1
18 лет и более	67,0	33,0	67,5	32,5
Все семейные ячейки	69,0	31,0	67,3	32,7

Примечание: * – В число детей до 18 лет не включаются лица до 18 лет, состоящие в браке и имеющие детей.

Источник: Расчеты авторов на основе переписей 2002 и 2010 г. по семейным ячейкам.

Чаще всего в составе сложных домохозяйств живут неполные семьи, особенно это касается отцов с несовершеннолетними детьми, 2/3 из которых живут с родственниками. Совместное проживание с родственниками (в первую очередь с родителями) позволяет отцам активно использовать помощь родственников в воспитании малолетних детей. Доля отцовских семей в общем числе семейных ячеек в 2002 г. была невелика – 3%, а с малолетними детьми их еще меньше – 1,6%, но она растет, особенно среди семейных ячеек с детьми до 18 лет (в 2010 г. – 3,4 и 3,7% соответственно). Одинокие матери с малолетними детьми также в большинстве своем живут с родителями или другими родственниками, что позволяет им полагаться на помощь родственников в уходе за детьми, а также получать материальную поддержку. При этом в период между переписями 2002 и 2010 гг. с 52 до 58% увеличилась доля семейных ячеек, состоящих из матерей с несовершеннолетними

² Семейная ячейка – это супружеская пара с детьми или супружеская пара без детей, или мать с детьми, или отец с детьми.

детьми, входящих в состав сложных домохозяйств. Это может объясняться тем, что матери-одиночки в силу низкого дохода лишены возможности проживать отдельно, а также нуждаются в помощи в воспитании детей.

Однако совместное проживание с родственниками характерно не только для неполных семей, но и для супружеских пар. В составе сложных домохозяйств живет треть супружеских пар без детей и почти четверть супругов с детьми.

Таким образом, к отличительным особенностям семейных домохозяйств в России, по сравнению с другими странами, относится сравнительно низкая доля супружеских пар без детей (в 2010 г. в России – 16,6% от общего числа домохозяйств, в США – 28,8%, в Европе – варьируется от 20% в Южной и Центральной Европе до 30% в немецкоязычных странах, Финляндии и Великобритании), высокая доля неполных (в 2010 г. в США – 14,4%, в России – 15,6%, в Европе – 4%) и сложных семей (в США – 5% от общего числа семейных домохозяйств, в России – 22,9% всех домохозяйств, включающих двух и более человек, в странах Центральной Европы – 20-44%, в Южной Европе – 27-36%).

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ВОЗРАСТОМ ИНДИВИДА И ТИПОМ ДОМОХОЗЯЙСТВА, В КОТОРОМ ОН ПРОЖИВАЕТ

Изучение демографического состава домохозяйств можно дополнить анализом распределения лиц разного возраста по типам домохозяйств. Такое распределение даёт представление о том, как в процессе изменения этапа жизненного цикла меняется тип домохозяйства, в котором проживает человек. Его переход от одного этапа жизненного цикла к другому, как правило, синхронизирован со сменой этапов жизненного цикла семьи и типа домохозяйства, в котором он живёт.

Принято выделять определённые стадии в жизненном цикле семьи:

- стадия роста: сначала человек одинок, затем он вступает в брак и создаёт семью, через какое-то время появляются дети;
- стадия стабильности: от появления последнего ребёнка до выделения из семьи первого из детей;
- стадия зрелости: от выделения первого ребёнка до выделения последнего; если в семье один ребёнок, то этой стадии нет.
- стадия затухания: от выделения последнего ребёнка до смерти одного из супругов.

Конечно, выделение описанных этапов до известной степени условно, так как может происходить множество отклонений от данной модели – например, в семье может не быть детей, может случиться развод и повторный брак и др. [Рощина 2015].

Дети до 20 лет чаще всего проживают в составе домохозяйств супругов с детьми, а также в сложных домохозяйствах. В промежутке от 20 до 39 лет растёт доля тех, кто живёт в составе домохозяйств супругов с детьми, и сокращается доля лиц в составе домохозяйств супругов без детей, что обусловлено тем, что молодые люди постепенно вступают в брак и обзаводятся детьми. Молодые люди от 20 до 24 лет, ещё не успев окончательно отделиться

от родительской семьи, чаще лиц других возрастов живут в составе сложных домохозяйств. Также в этой возрастной группе довольно распространено проживание в одиночку – это, скорее всего, молодые люди, уехавшие учиться или работать. Начиная с 40 лет (возраст родителей, когда дети начинают покидать родительский дом, а также возраст, когда начинает повышаться вероятность овдовения) увеличивается доля лиц, проживающих в домохозяйствах супругов без детей, доля одиноко проживающих и сокращается доля лиц в составе супругов с детьми. В возрастной группе «70 лет и старше» большинство лиц проживает одиноко (рисунок 4).

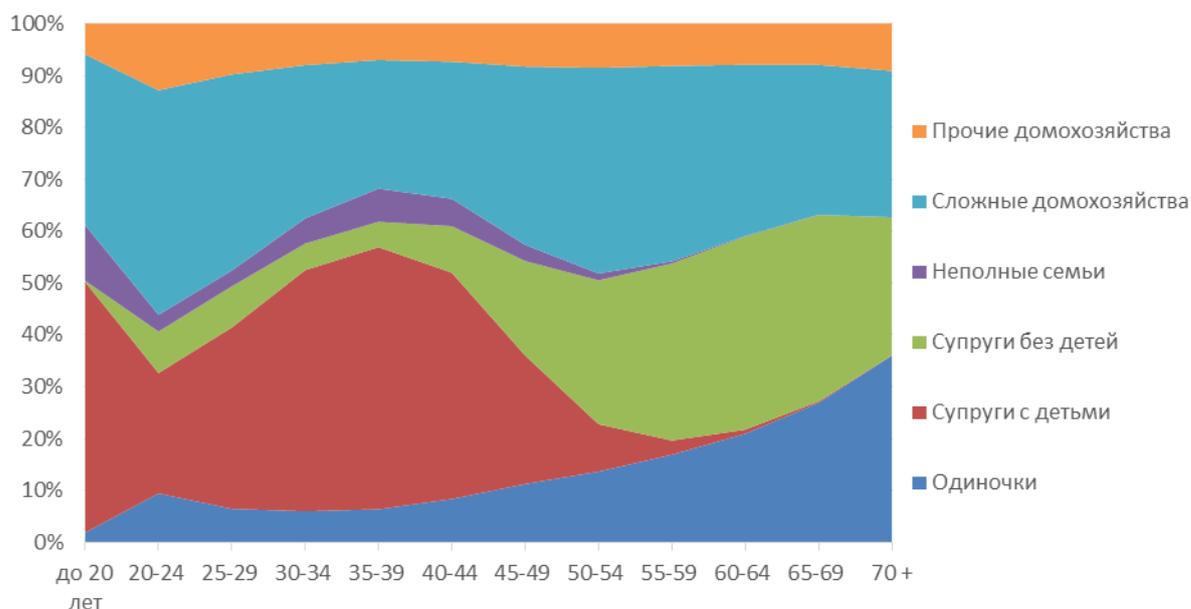

Рисунок 4. Распределение лиц разного возраста по типам домохозяйств, %

Источник: [Всероссийская перепись населения 2010].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты проведенного анализа особенностей динамики демографической структуры и состава российских домохозяйств, можно выделить несколько важных тенденций:

- снижается средний размер домохозяйства, хотя, по сравнению с США и Европой, в России доля домохозяйств из трех и более человек в общей совокупности домохозяйств всё ещё значительно выше. Как отмечают исследователи [Щербакова 2018], среди основных факторов сокращения размера домохозяйства можно выделить снижение рождаемости, увеличение продолжительности жизни, изменение моделей брачности, повышение миграционной активности, изменения в образовательной структуре населения, в занятости и на рынке жилья;
- среди долговременных тенденций в изменении структуры российских домохозяйств (семей) можно отметить рост доли домохозяйств одиночек, хотя она еще заметно ниже, чем в Европе. Кроме того, с 1994 по 2010 г. в составе домохозяйств одиночек заметно выросла доля лиц в трудоспособном возрасте, а доля лиц старше трудоспособного

возраста соответственно сократилась. Однако всё же в составе домохозяйств одиночек преобладают пожилые люди. Пожилой возраст и одинокое проживание зачастую рассматриваются органами социальной защиты в качестве оснований для отнесения людей к «группе риска»³;

- к отличительным особенностям семейных домохозяйств в России по сравнению с другими странами (в частности США и странами Европы) относится сравнительно низкая доля супружеских пар без детей, высокая доля неполных и особенно сложных семейных домохозяйств. Объединение в сложные домохозяйства может рассматриваться как одна из форм адаптации к сложным социально-экономическим условиям. Совместное проживание создает экономию для членов домохозяйств, а также другие выгоды, такие как моральная поддержка, помощь услугами и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Абанокова К.Р. (2015). Изменения в структуре российских домохозяйств в 1994-2013 гг. (статистический анализ) // Демографическое обозрение. 2(1): 125-147. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1791> (дата обращения: 03.03.2018).
- Волков А. (1996). Семейная структура населения России: факторы и тенденции // Российский демографический журнал. 1.
- Волков А.Г. (1986). Семья – объект демографии. М.: Мысль. 271 с.
- Всероссийская перепись населения 2002 (2002). М.: Росстат. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 03.05.2018).
- Всероссийская перепись населения 2010 (2010). М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 03.05.2018).
- Выборочное обследование репродуктивных планов населения 2012 (2012). М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 03.05.2018).
- Герасимова И.А. (1976). Структура семьи. М.: Статистика. 168 с.
- Захаров С.В. (2006). Возраст вступления в первый брак // Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство: 107-217.
- Захаров С.В. (2007). Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП: 75-126.
- Захаров С.В. (2016). Брачность и разводимость // Население России 2014. Двадцать второй ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики: 71-112.

³ Приказ Департамента социальной защиты населения города Москвы №288 от 04.07.2007 «Об обеспечении безопасности одиноких и одиноко проживающих граждан пожилого возраста и инвалидов, относящихся к категории «группа риска».

- Микроперепись населения 2015 (2015). М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 24.03.2018).
- Миронов Б.Н. (2003). Социальная история России. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин. 548 с.
- Прокофьева Л. (2007). Домохозяйство и семья: особенности семейной структуры населения России // SPERO. 6: 57-68.
- Рощина Я.М. (2015) Основы моделирования экономического поведения домохозяйств на базе данных RLMS-HSE. М.: Изд. дом Высшей школы экономки. 351 с.
- Щербакова Е. (2017). Домохозяйства в странах ОЭСР // Демоскоп Weekly. 731-732. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0731/barom01.php> (дата обращения: 22.01.2018).
- Щербакова Е. (2018). Домохозяйства мира 2017 // Демоскоп Weekly. 771-772. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0771/barom02.php> (дата обращения: 19.06.2018).
- Census 2011 (2011). Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/population-and-housing-census/census-data/2011-census> (дата обращения: 05.04.2018).
- Census Bureau 2010 (2010). URL: <http://www.census.gov/2010census> (дата обращения: 03.05.2018).
- Ritzer G. (2013). Introduction in sociology. University of Maryland. 648 с.

FAMILY AND HOUSEHOLD IN RUSSIA: THE DEMOGRAPHIC ASPECT

ANNA MIRONOVA, LIDIA PROKOFIEVA

The article examines the evolution of the demographic structure of households in Russia based on a detailed analysis of national population censuses and micro-censuses for a long time series and a comparison of census data for different years. It is noted that, due to the fact that the object of Soviet censuses was the family, while the object of post-Soviet censuses is the household, there are certain limitations on analysis of a long time series for Russia. At the same time, the focus on the household in Russian censuses makes it possible to compare them with the statistics of households in many foreign countries. The main trends in the size and structure of households in Russia are revealed based on the data of population censuses and population micro-censuses. A comparative analysis between the structure of households in Russia and those in foreign countries (European countries and the USA) is made. It is shown that, despite the decrease in the average household size and the growth in the share of single households, the share of extended households in Russia is still much higher than in Europe and the USA. The structure of Russian households is characterized by a relatively low proportion of married couples without children and a high proportion of single-parent family households (especially of single-parent families within complex households).

Key words: family, household, demographic structure of households, population census, family units.

ANNA MIRONOVA (amironova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

LIDIA PROKOFIEVA (lprokofieva@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE STUDY WAS IMPLEMENTED UNDER THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2017. PROJECT "THE LONG-TERM DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE LIGHT OF THE 2015 MICROCENSUS RESULTS".

DATE RECEIVED : APRIL 2018.

REFERENCES

- Abanokova K.R. (2015). *Izmeneniya v strukture rossiyskikh domokhozyaystv v 1994-2013 gg. (statisticheskiy analiz) [Changes in the structure of Russian households in 1994-2013 (statistical analysis)] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 2(1): 125-147. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1791> (accessed: 03.03.2018).*
- Census 2011 (2011). Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/population-and-housing-census/census-data/2011-census> (accessed: 05.04.2018).
- Census Bureau 2010 (2010). URL: <http://www.census.gov/2010census> (accessed: 03.05.2018).
- Gerasimova I.A. (1976). *Struktura sem'i [Family structure]* Moscow: Statistika. 168 p.
- Mikroperepis' naseleniya 2015 [Population Microcensus 2015] (2015). Moscow: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (accessed: 24.03.2018).
- Mironov B.N. (2003). *Sotsial'naya istoriya Rossii [Social history of Russia]. T.1. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin. 548 p.*
- Prokof'eva L. (2007). *Domokhozyaystvo i sem'ya: osobennosti semeynoy struktury naseleniya Rossii [Household and family: features of the family structure of the population of Russia] // SPERO. 6: 57-68.*

- Ritzer G. (2013). Introduction in sociology. University of Maryland. 648 p.
- Roshchina Ya.M. (2015). Osnovy modelirovaniya ekonomicheskogo povedeniya domokhozyaystv na baze dannykh RLMS-HSE [Basics of household economic behavior modeling based on RLMS-HSE data]. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki. 351 p.
- Shcherbakova E. (2017). Domokhozyaystva v stranakh OESR [Households in OECD countries] // Demoskop Weekly [Demoskope Weekly]. 731-732. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0731/barom01.php> (accessed: 22.01.2018).
- Shcherbakova E. (2018). Domokhozyaystva mira 2017 [Households of the world] // Demoskop Weekly [Demoskope Weekly]. 771-772. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0771/barom02.php> (accessed: 19.06.2018).
- Volkov A. (1996). Semeynaya struktura naseleniya Rossii: faktory i tendentsii [The family structure of the Russian population: factors and trends] // Rossiyskiy demograficheskiy zhurnal [Russian demographic journal]. 1.
- Volkov A.G. (1986). Sem'ya – ob"ekt demografii [Family as an object of demography]. Moscow: Mysl'. 271 p.
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 [Russian Population Census 2002] (2002). Moscow: Rosstat. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (accessed: 03.05.2018).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 [Russian Population Census 2010] (2010). Moscow: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 03.05.2018).
- Vyborochnoe obsledovanie reproduktivnykh planov naseleniya 2012 [Sample survey of the population's reproductive plans 2012] (2012). Moscow: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (accessed: 03.05.2018).
- Zakharov S.V. (2006). Vozrast vstupleniya v pervyy brak [Age of first marriage] // Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900-2000] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo: 107-217.
- Zakharov S.V. (2007). Transformatsiya brachno-partnerskikh otnosheniy v Rossii: «zolotoy vek» traditsionnogo braka blizitsya k zakatu? [Transformation of marriage-partner relations in Russia: the "golden age" of traditional marriage is nearing sunset?] // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'i i obshchestve [Parents and children, men and women in families and society] / T.M. Maleva, O.V. Sinyavskaya, eds. Moscow: NISP: 75-126.
- Zakharov S.V. (2016). Brachnost' i razvodimost' [Marriage and divorce] // Naselenie Rossii 2014. Dvadsat' vtoroy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Russian population. Twenty second annual demographic report] / S.V. Zaharov, ed. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki: 71-112.

МИГРАЦИЯ ИЗ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СССР В 1920-е ГОДЫ

ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

Цель статьи – показать возросшую роль миграции населения из села в город после перехода к нэпу и с началом форсированной индустриализации и коллективизации; большое внимание уделяется инструментам административного регулирования миграции, опыт использования которых сыграл существенную роль в изменении миграционной политики в начале 1930-х годов.

***Ключевые слова:** миграция населения, либерализация передвижений населения, удостоверение личности, прописка населения, учет миграции, урбанизация, первая пятилетка развертывания народного хозяйства.*

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ

В оценке характера миграции в 1920-е годы существенную роль играет учет довоенных тенденций этого процесса, так же как условий, вызванных коренными изменениями общественного устройства после октября 1917 г.

Известно, что значительный приток населения в столичные города (в основном крестьян) отразили городские переписи населения второй половины XIX века, проведенные в С.-Петербурге, Москве и ряде других городов. «Чрезвычайный прилив крестьян в города» в размере около полумиллиона крестьян ежегодно был определен как один из важных итогов Всероссийской переписи населения 1897 г. Миграция в города оценивалась как «настоящее повальное бегство мужика из деревни, всех последствий которого невозможно предвидеть» [Михайловский 1897: 116-117]. Переписи и данные текущего учета населения свидетельствовали об ускорении в конце XIX века урбанизации страны. Но в результате увеличения естественного прироста сельского населения города за время после 1861 г. до конца XIX века миграция в города поглотила только 9,6% естественного прироста сельского населения, в том числе миграция в города Европейской России – 9%. Приток избыточного сельского населения в города за эти годы в отличие от стран Западной Европы сравнивался с «маленьким озерком, с трудом вмещавшим в себя струю жиденького потока, приливавшего из деревни» [Огановский 1914: 31]. В 1905-1910 гг. ежегодно в города Европейской России прибывало 351 тыс., в следующие 4-5 лет – примерно 470 тыс. человек [Огановский 1914: 43]. По другим данным, приток в города за 1897-1914 гг. в среднегодовом исчислении составил около 330 тыс. человек [Михайловский 1923: 24].

ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА МОИСЕЕНКО (mvm.msu@gmail.com), Московский ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА, РОССИЯ.

Статья поступила в редакцию в АПРЕЛЕ 2018 Г.

Новый этап урбанизации с конца XIX века в России был связан с признанием ее развития по западно-европейскому пути. Как особый вид миграции из деревни в город, дополнявший приток «на постоянное проживание в городе», рассматривался неземледельческий отход крестьян на заработки. Но глубокий анализ урбанизации сдерживали отсутствие регулярных переписей населения и состояние текущего учета миграции. Решение последней задачи затрудняла архаичная паспортная система, сохранявшаяся в отличие от большинства стран Западной Европы в России «из-за обширности территории и трудностей обеспечения охраны страны средствами полиции» [А.Я. 1897: 924]. В то же время стремление ослабить негативные последствия паспортной системы проявились в отмене фискальной функции паспорта (1897 г.), необязательности паспорта в местах постоянного проживания, за исключением столиц, и при перемещении сельских жителей в пределах своего уезда на расстояние не свыше 50 верст [Дерюжинский 1919: 50-51]. Возможность полного учета внутренней миграции (механического движения) затрудняло также наличие разных видов паспортов у разных групп населения, существование «черты оседлости». К тому же целесообразность организации текущего учета миграции, учитывая ее разнообразные виды, оценивалась критически – исчерпывающий контроль передвижения считался стеснительным для населения и стоил бы несоразмерно дорого [Воблый 1924: 271].

Сложившийся ход урбанизации был прерван Первой мировой и гражданской войнами, а также голодом 1921-1922 гг. Отмена правовых институтов дореволюционной России после октября 1917 г. означала необходимость определения отношения государства к внутренним и внешним передвижениям населения, введению новых документов, удостоверяющих личность, организации новой системы учета населения и др. Во время военного коммунизма и гражданской резко усилилась роль административных методов регулирования внутренней и внешней миграции, основой которого стала всеобщая трудовая повинность и введение трудовых книжек для нетрудящихся [СУ 1918: №73: Ст.792: 1003-1005]. В 1919 г. трудовые книжки, введенные в Москве и Петрограде и служившие удостоверением личности, были затем распространены на все население РСФСР, достигшее 16 лет [СУ 1919: №28: Ст.315: 447-448]. Негативные последствия административного регулирования передвижений в 1917-1921 гг. оказались долговременными. Однако переход к нэпу потребовал либерализации законодательства, регулировавшего внутреннюю и внешнюю миграцию. В 1922 г. всем гражданам было предоставлено «право беспрепятственного передвижения по всей территории РСФСР в черте ее федеральных границ до пределов пограничных пунктов» [СУ 1922: №11: Ст.106: 201-202],¹ сыгравшее положительную роль в восстановлении экономики и функционировании рынка труда. В 1922 г. стали действовать также новые правила выезда за границу граждан РСФСР и иностранцев [СУ 1922: №34: Ст.401: 784-786]. В последующие годы были приняты законы, определявшие политику государства в отношении отхода крестьян на заработки, планового переселения в многоземельные районы, перемещений специалистов в отдаленные районы и др. Характерно то, что эти

¹ В данном случае рассматривается практика РСФСР. Решение аналогичных вопросов в других союзных республиках СССР является самостоятельной задачей.

законы были приняты под сильным давлением «самовольных» (стихийных) передвижений крестьян.

Термин «беспрепятственное передвижение» как правовой институт, судя по практике в последующие годы, не был синонимом термина «свобода передвижения». Помимо использования государством различных административных инструментов (прописки населения, удостоверения личности, вербовки и др.) в регулировании пространственного движения населения, «беспрепятственное передвижение» включало ограничение прав на передвижение ряда групп граждан: современники писали, что личность не являлась чем-то самоценным, и обеспечение ее прав было второстепенным делом [Карадже-Искров 1927: 29-30]. С точки зрения административного права важными были не столько индивид и его правовые гарантии, сколько революционный порядок и гарантии сохранения государства пролетариата [Елистратов 1923: 30]. В первой половине 1920-х годов были приняты законы, ограничивавшие передвижение отдельных групп граждан, ставшие частью карательной политики государства.

С 1922 г. административная высылка (за границу или в определенные местности РСФСР) стала применяться к лицам, причастным к контрреволюционной деятельности и пребывание которых в данной местности (и в пределах РСФСР) представлялось по характеру их деятельности, прошлому, связи с преступной средой опасными с точки зрения революционного порядка [СУ 1922: №51: Ст.646: 1134; СУ 1922: №65: Ст.844: 1444]. В 1925 г. бывшие помещики и крупные землевладельцы, за исключением ряда льготных категорий, были лишены права на землепользование и проживание в принадлежавших им до октября 1917 г. хозяйствах [СУ РСФСР 1925: №29: Ст.206: 364]. Выселенные лица имели право на земельный надел в губерниях, в которых ранее не имели собственности [Гуров 1927: 17-19].

В то же время «самостоятельные» передвижения населения (приток в города, отход на заработки, переселения) рассматривались как противоречившие интересам государства.

В развитие декрета 1922 г. о «беспрепятственном передвижении населения» были приняты законы, определявшие порядок удостоверения личности и правила прописки населения в городах РСФСР, рассматривавшиеся как инструменты административного контроля передвижения населения.

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ (1923 г.). ЛЕГИТИМАЦИЯ

В начале 1920-х годов в РСФСР введения нового документа, удостоверяющего личность, было объективной необходимостью.

Наряду с паспортами дореволюционного образца, в ряде губерний действовали «свои виды на жительство» - трудовые книжки, карточки, паспорта, отличавшиеся между собой и ставившие их владельцев в затруднительное положение при переездах из одной губернии в другую. По приблизительной оценке в начале 1920-х годов в РСФСР существовали девять различных «видов на жительство», не считая документов-«суррогатов», выдававшихся жителям отдельных уездов и волостей [Граевский 1927: 41].

С 1 января 1924 г. удостоверение личности, единое по форме и процедуре выдачи на всей территории РСФСР, должно было заменить все другие документы, удостоверяющие личность [СУ 1923: №61: Ст.575: 1092-1094]. Во всех случаях, когда гражданам РСФСР необходимо было удостоверить перед органами управления свою личность, достаточно было предъявить письменное удостоверение личности.

По закону 1923 г. органам управления запрещалось требовать от граждан обязательно предъявлять паспорта и иные виды на жительство как стеснявшие право передвигаться и селиться. Право на получение удостоверения личности имел каждый гражданин РСФСР, достигший 16 лет и подавший заявление на его получение. Личность заявителя и достоверность сообщаемых им сведений в городах и поселках городского типа подтверждались актовой (или старой метрической) выписью о рождении, справкой домоуправления о проживании, удостоверением с места работы или службы, в сельской местности – выписью о рождении или справкой сельского совета о проживании. В удостоверении приводились основные сведения о гражданине. Оно выдавалось органами милиции по месту жительства в городских поселениях и поселках городского типа, а также в районах районированных областей и укрупненных волостях, в неукрупненных волостях – волостными исполнительными комитетами [СУ РСФСР 1926: №72: Ст.573: 858].

Паспортная система была сохранена для иностранных граждан, проживавших в РСФСР (СССР), и для граждан РСФСР (СССР), выезжавших за границу.

Следуя инструкции НКВД, получение удостоверения личности было добровольным: граждане не могли быть принуждаемы к получению удостоверения личности. Однако учреждения, выдававшие удостоверения личности, были обязаны немедленно выдать этот документ гражданам, желавшим его получить. Отказ в выдаче удостоверения личности предусматривал особые случаи: если предъявленные документы считались не принадлежащими данному лицу или возбуждали «основательные сомнения в их подлинности или законности» [Инструкция НКВД №370 1925: 248-250].

В 1920-е годы институт удостоверения личности был признан в качестве свидетельства установления в СССР легитимационной системы² [Турубинер 1930: 186]. В 1929 г. утверждалось, что с 1923 г. легитимационная система была принята в стране окончательно. Вслед за РСФСР удостоверение личности ввела УССР [Кобалевский 1929: 202].

Приведенная оценка легитимации основывалась на формальных признаках: признании нового документа, удостоверявшего личность. Однако оценка перспектив легитимационной системы в СССР оказалась ошибочной. Выявившиеся вскоре «грубые извращения» в ее функционировании проявились в отказе милиции отдельных губерний выдавать удостоверения лицам, осужденным по статье 49 УК РСФСР, запрещавшей проживание в определенных местностях, или высланных в административном порядке.

² Легитимационная система (от лат. *legitimus* - законной, правомерной) – способ удостоверения личности гражданина в государствах, где нет паспортной системы. При легитимационной системе гражданин обязан по требованию соответствующих органов предъявить достаточные доказательства его личности с указанием сведений [Большая Советская энциклопедия 1953: 410].

Кроме того, работники милиции вносили пометки о судимости, высылке, лишении избирательных прав в удостоверения личности [Граевский 1927: 44]. В 1926 г. НКВД РСФСР вынужден был обратить внимание на необходимость выдачи удостоверений лицам, осужденным по статье 49 УК РСФСР, на общих основаниях, на недопустимость внесения каких-либо сведений в удостоверение личности, кроме сведений, предусмотренных соответствующим положением [Циркуляр №365 1926: 264-265].

В 1927 г. «грубые извращения» при выдаче удостоверения личности, как и недостатки работы адресных столов (бюро), объяснялись «консерватизмом аппарата милиции, не способного отказаться от методов, применявшихся в эпоху военного коммунизма», не понимавшего, что «у нас нет паспортной системы, что мы от нее отказались раз и, наверно, навсегда». Отмечалась также неподготовленность к легитимации населения, не уверенного в необходимости получения удостоверения личности и не знавшего правил его получения [Граевский 1927: 44-45].

Недостаток Положения об удостоверении личности (1923 г.) состоял в том, что в нем четко не разъяснялись случаи, при которых закон требовал обязательное предъявление гражданином одного из документов, юридически достаточного для удостоверения личности. Характерно, что после введения прописки в городских поселениях (1925 г.) органы милиции стали требовать от граждан предъявления именно удостоверения личности [Турубинер 1930: 186].

Постановление 1927 г. «Об удостоверении личности» отменило декрет 1923 г. При сохранении удостоверения личности были фактически реанимированы прежние документы, удостоверяющие личность: актовая (или старая метрическая) выпись о рождении или браке, справка домоуправления или сельского совета, расчетная книжка с места работы, членский билет профессионального союза и др. С 1927 г. срок действия удостоверения личности стал неограниченным [СУ РСФСР 1927: №75: Ст.514: 903-907]. Постановление 1927 г. «Об удостоверении личности» было, по-видимому, вынужденным³ и одним из последних, в котором регулирование передвижений населения рассматривалось в рамках легитимации. В итоге важнейшая задача – введение в стране единого документа, удостоверяющего личность, в конце 1920-х годов не была решена.

АДРЕСНЫЕ СТОЛЫ (БЮРО). ПРОПИСКА НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ РСФСР (1925 г.)

В рамках легитимации в городах РСФСР (в зависимости от численности населения города) в 1924 г. были организованы адресные столы или адресные бюро, задача которых состояла в точной регистрации и учете населения и выдаче адресных справок [Положение об адресных бюро... 1924: 60]. Правила прописки населения в городских поселениях РСФСР были определены законом 1925 г. [СУ РСФСР 1925: №28: Ст.197: 355-356].

³ В литературе мы не нашли сведений о числе лиц, получивших удостоверение личности.

Каждый прибывший на жительство в дом, находившийся в пределах городского поселения, в том числе и на временное проживание (на срок более 3 дней), был обязан немедленно заявить о своем пребывании домовому управлению (владельцу или арендатору) дома, гостиницы или меблированных комнат, предоставив один из документов, удостоверяющих личность. Домоуправление в свою очередь в течение 48 часов вносило сведения о прибывшем в домовую книгу, и эта запись регистрировалась в соответствующем отделении милиции. Следовательно, прописка в городских поселениях была обязательной, охватывая все виды территориального передвижения. В случае отсутствия необходимых документов допускалась временная прописка на срок не более 3 месяцев. Соответственно выбытие обязывало домовое управление в двухдневный срок сделать отметку в домовой книге и зарегистрировать его в соответствующем отделении милиции. Невыполнение домовладельцами, арендаторами домов и ответственными лицами процедуры прописки влекло за собой в городах предупреждение или денежные взыскания в административном порядке в размере не свыше 25 руб. (или принудительные работы на срок не свыше 10 дней), в сельских местностях предупреждение или штраф не свыше 3 руб. (или принудительные работы не свыше 5 дней) [Турубинер 1930: 187].

Адресные листки на прибывающих составлялись на: а) всех вновь прибывших в город; б) всех достигших 16-летнего возраста; в) всех переменивших место жительства в пределах города; г) всех изменивших фамилию. Заполнение листков для выбывших распространялось на: а) всех выбывших за пределы города; б) всех умерших в городе; в) всех переменивших место жительства в пределах города; г) всех переменивших фамилию в данном городе. Адресные листки включали основные сведения о прибывших и выбывших [Циркуляр №423 1926: 283-286].

Предполагалось, что в дальнейшем прописка (1925 г.) с учетом местных условий и по инициативе местных властей должна будет распространиться на отдельные крупные сельские поселения [СУ РСФСР 1927: № 48: Ст.326: 577].

Для прописки предъявлялись перечисленные выше документы, удостоверявшие личность. В случае их отсутствия допускалась временная (не более 3 месяцев) прописка. Несмотря на тотальный характер прописки, в целом ее правила оценивались как закрепление системы легитимизации. Постепенно другие учреждения переставали требовать предъявления удостоверения личности [Турубинер 1930: 186].

Сложно оценить эффективность действия закона о прописке. Очевидно, что часть населения предпочитала не вступать в контакты с органами власти. С другой стороны, в ряде местностей прописка ограничивалась в силу ряда причин. Из-за высокого уровня безработицы и нараставшего жилищного кризиса в ряде городов на биржах труда не регистрировались безработные из деревни. Однако в 1926 г. биржи труда ввели регистрацию лиц, не имевших в удостоверениях личности отметки о прописке [Циркуляр НКТ СССР 1926: 2]. Заметим, что такая мера позволила определить действительные масштабы безработицы.

Введение прописки в городах выявило недооценку органами НКВД сложности сбора и обработки информации, полученной адресными столами (бюро). Так, Центральное административное управление НКВД РСФСР предписывало до 15 января 1925 г.

предоставить помесечные сведения о числе прибывших и выбывших в губернских и уездных городах за период с 1 января по 1 декабря 1924 г. [Циркуляр №579 1925: 4]. Такие сроки разработки материалов нередко оказывались невыполненными.

В то же время, как мы уже отмечали, после введения прописки в городах (1925 г.) органы милиции ужесточили требования к документам, удостоверяющим личность. Такие требования усилились в конце 1920-х годов. С 1928 г. была повышена ответственность граждан за предъявление при прописке чужих документов, подделку документов, сообщение ложных сведений в письменном заявлении [Постановление СНК РСФСР 1928а: 37]. В этом же году (1928 г.) была запрещена выдача удостоверений личности и прописка по старым паспортам и трудовым книжкам [Циркуляр НКВД №117 1928: 197].

С учетом усложнявшихся общественно-политических условий по согласованию с ЦСУ РСФСР в 1929 г. в адресный листок был включен вопрос о социальном составе мигрантов [Циркуляр №435 1929: 7].

Для «достижения наиболее точных результатов регистрации и учета городского населения» в 1928 г. была впервые установлена административная ответственность граждан за несвоевременную прописку в городских поселениях [Постановление СНК РСФСР 1928б: 333]. Однако в первой половине 1929 г. в составе нарушений, преследуемых в административном порядке, удельный вес нарушений, связанных с нарушением правил учета и регистрации населения, был низким (2,6%) [Якубсон 1930: 102]. Из этого факта можно заключить, что органы НКВД в рассматриваемое время не контролировали в полной мере соблюдение правил учета и регистрации населения.

В 1929 г. была предпринята попытка «рационализировать» прописку и учет механического движения населения в городах для «разгрузки органов милиции» с помощью новых форм адресных листков. С 1 декабря 1929 г. по 1 марта 1930 г. в 15 городах РСФСР (в Москве, Рязани, Армавире и др.) планировалась упрощенная схема обработки адресных листков, которые должны были пересылаться в адресные бюро (столы), минуя отделения милиции [Циркуляр №23 1929: 733]. Но уже в январе 1930 г. этот циркуляр без объяснения причин был отменен [Циркуляр №107 1930: 17-18]. Новая форма адресных листков (с дополнительными вопросами о национальности, грамотности и избирательных правах граждан) была сохранена.

По-видимому, в рамках формировавшейся новой стратегии была организована проверка работы адресных бюро (столов), выявившая «крупные недочеты» в работе органов НКВД. В 1930 г. они состояли в отсутствии прописки населения в ряде городов и населенных пунктов, предусмотренной законом 1925 г., ходатайств со стороны отдельных крупных сельских поселений о введении прописки и др. В части адресных бюро (столов) использовались адресные листки старых форм без отрывных талонов, не пригодных для разработки статистическими органами. Был выявлен значительный недоучет выбывшего населения. Проверка показала наличие «совершенно неучтенного населения», т.е. не прописанного в городах. Последний недостаток был принципиальным с точки зрения эффективности закона о прописке. Но судя по стандартному набору организационно-технических мер, циркуляр НКВД 1930 г. по-прежнему опирался на закон 1925 г. Более того, с 1 января 1931 г. прописка, помимо крупных сельских населенных мест, должна была

охватить остальные сельские населенные места [Циркуляр НКВД №419 1930: 572-574]. Как видим, в начале 1931 г. прописке уделялось возрастающее внимание и предусматривалось ее экстенсивное действие на всей территории РСФСР.

Неудовлетворительное состояние прописки населения подтвердили региональные проверки. В 1930 г. В Нижне-Волжском крае были выявлены хаотичная работа адресных столов, отсутствие учета движения населения в ряде районов и т.д. Обследование показало необходимость упорядочения циркуляров, распоряжений, инструкций НКВД, связанных с работой адресных столов [Трикшеев 1930: 52-53].

Изложенное выше позволяет сделать вывод о повышении в конце 1920-х годов внимания государственных органов к контролю за возрастающими масштабами движения населения. Особое значение имели перемещения социальных групп населения, классово чуждых советской власти - кулаков, зажиточных крестьян, мигрировавших в города после начала коллективизации, «лишенцев» и членов их семей, т.е. граждан СССР, не имевших права участвовать в выборах и быть избранными в органы государственной власти, а также бывших нэпманов.

Состав «лишенцев» был определен в Конституции (Основном Законе 1918 г.) [История советской Конституции... 1957: 155]. Но проведение каждой выборной кампании в СССР дополнялось правилами (инструкциями) о новом учете состава «лишенцев». В конце 1920-х годов был поставлен вопрос об упорядочении учета этой категории населения.

Согласно итогам выборов 1929 г. в советы городов и рабочих поселков РСФСР 727 365 человек (7,2% общего числа избирателей) были лишены избирательного права, в то время как в 1924-1925 гг. удельный вес «лишенцев» составлял 5,1%, в 1925-1926 гг. – 4,4%, в 1927 г. – 7,0% [Итоги выборов... 1930: 4]. В 1929 г. в состав «лишенцев» были включены лица, прибегавшие к наемному труду (4,5%), жившие на нетрудовой доход (10,1%), торговцы и посредники (38,4%), служители религиозных культов (4,0%), агенты бывшей полиции и жандармерии (3,6%), осужденные судом (4,6%), умалишенные и подопечные (1,8%) и члены семей «лишенцев» (35,0 %) [Власов 1930: 19-20]. Но учет «лишенцев» был признан неточным, поскольку определялся со слов самих «лишенцев». Характерным было их расселение - в основном в пригородах городов, где отсутствовали адресные бюро, а также в небольших городах с незначительным притоком населения [Ходос 1930: 75-76].

В итоге в конце 1920-х годов состояние прописки в городских поселениях, введенной в 1925 г., так же как и введение единого документа, удостоверяющего личность, оценивалось как неудовлетворительное.

УЧЕТ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ

Необходимость организации учета миграции нашла отражение в Положении о государственной статистике в РСФСР и Положении о губернских статистических бюро (1918 г.) [Положение об организации... 1919: 5-10]. Однако проведение переписей населения и организация регистрации естественного движения были признаны первоочередными задачами отдела демографии ЦСУ РСФСР. В.Г. Михайловский не без

основания считал, что учет механического движения не имел смысла в условиях неизвестной численности населения страны. По этой причине организация текущего учета миграции планировалась после проведения Всероссийской переписи населения [Отчет о работах... 1919: 203]. Поэтому основные выводы о характере миграции в 1920-е годы первоначально основывались на данных переписей населения 1920, 1923 и 1926 г.

Перепись 1926 г. отразила «постоянную миграцию», поскольку критерием продолжительности разрыва данного лица с постоянным местом жительства был принят годичный срок. На этой основе из состава мигрантов был исключен ряд категорий временных мигрантов [Михайловский 1926: 20-21]. Большой интерес представляют данные о составе населения по месту рождения, продолжительности проживания, разработанные по полу, возрасту, народности, положению в занятии и отраслям народного хозяйства, городским поселениям и сельской местности в региональном разрезе, а также крупным городам. Динамика миграционных когорт 1921-1926 гг. относительно точно характеризует миграцию в период нэпа в силу сократившейся смертности населения и незначительных по сравнению с дореволюционным временем масштабов внешней миграции. Сведения о «постоянной миграции» дополнили данные о связи городского населения с землей, полученные с помощью разработки данных семейной карты.

Сводные материалы переписи 1926 г. о миграции в СССР, опубликованные в 1931 г. (в период коренных изменений в характере этого процесса) остались практически не востребованными современниками. В то же время после 1926 г. выросла потребность в данных текущего учета о миграции для регионального исчисления населения. Однако сведения адресных столов о миграции успешно анализировались только в отдельных городах. Так, анализ механического прироста населения Петрограда за 1925 г., «очищенного» от внутригородских перемещений, показал большие аналитические возможности текущего учета при оценке масштабов, сезонности, структуры и результатов миграции [Паевский 1925-1926: 220-233].

В 1927-1928 гг. был организован «опытный учет миграции» в 14 крупных городах СССР (с населением свыше 100 тыс. человек). В 1927 г. разработка данных текущего учета миграции была включена в план отдела статистики социального состава и движения населения ЦСУ РСФСР: отсутствие опыта не позволяло «сразу же ввести наблюдения во всех городах» [Краснов 1929а: 125].

Сведения, полученные за апрель 1927 г. в 10 крупных городах СССР, включали три формы. Первая показала общее число прибывших и выбывших, подразделявшихся по полу и двум возрастным группам – до 16 лет и старше 16 лет, а также количество переменявших место жительства в пределах города, умерших в городе, достигших 16 лет и изменивших фамилию. В двух других формах прибывшие и выбывшие распределялись в зависимости от места прибытия (выбытия), а также по 45 профессиональным и социальным группам [Лубны-Герцык 1927: 80]. На наш взгляд, «опытный учет миграции» в 1927 г. был усложнен разработкой второстепенного по отношению к миграции материала.

Результаты «опытного учета миграции» населения в крупных городах СССР в конце 1920-х годов привлекли большое внимание современников. Но полученные сведения были фрагментарны. Текущий учет миграции в Москве был введен в сентябре вместо апреля 1927 г. [Лубны-Герцык 1927: 95]. Во всей группе городов был признан существенным недоучет выбывших (другие вопросы учета, учитывая неудовлетворительное состояние прописки, не рассматривались). В 1928 г. текущий учет миграции должен был охватить 49 городов или 47,8% городского населения РСФСР. При этом территориальная дифференциация «охвата» миграции текущим учетом колебалась от 10% в Западной области до 75,6% в Ленинградской области. Более успешно текущий учет был налажен в городах с населением свыше 100 тыс. человек (98,4%) [Краснов 1929а: 125]. По другим данным, статистика миграции в конце 1920-х годов основывалась на сведениях, полученных 54 адресными бюро в крупных городах РСФСР. В 1930 г., как предполагалось, число адресных бюро должно было достичь 360, что позволило бы охватить 75% городского населения РСФСР. Нерешенным оставался вопрос учета миграции в сельской местности. Планировавшееся статистическим сектором Госплана РСФСР и, по-видимому, не реализованное анкетное обследование должно было определить приблизительные размеры и причины прибытия (выбытия) населения в сельских местностях [Ходос 1930: 75-76]. Как видим, статистические органы пытались ускорить организацию текущего учета миграции. Но эта задача, в конце 1920-х годов зависевшая от состояния прописки (выписки), оставалась нереализованной. В 1930 г. состояние организации учета миграции в стране оценивалось пессимистически. «Наша молодая статистика механического движения населения (насчитывающая всего несколько лет существования) не дает еще, к сожалению, полного освещения миграционных процессов» [Ходос 1930: 75-76]. В итоге кардинальные решения в области регулирования миграции в начале 1930-х годов принимались в условиях отсутствия необходимых сведений о характере миграции. Правда, благодаря налаженной статистике безработицы и жилья в городах важнейшие последствия миграции были в центре внимания. Учитывая региональные особенности, наличие кадров в органах статистики и НКВД, речь могла идти о поэтапной организации текущего учета миграции. Но такая стратегия требовала определенного времени и средств, а главное, признания объективного характера миграции, что противоречило официально принятому представлению о миграции как плановом процессе. Следовательно, задачи организации текущего учета миграции, адресных столов (адресных бюро) и прописки в городских поселениях остались также невыполненными.

ХАРАКТЕР МИГРАЦИИ ИЗ СЕЛА В ГОРОД

После пертурбационных процессов в движении населения, характерных для 1914-1921 гг., переход к нэпу сопровождался быстрым восстановлением и ростом численности городского населения. В города возвратилось население, покинувшее их в период войн, голода, разрухи и передела земли. В город мигрировали также пролетаризированные слои крестьянства, хотя расширенное воспроизводство аграрного сектора в восстановительный период «удерживало» в деревне часть населения. Но уже в начале 1920-х годов стало заметным увеличение масштабов отхода крестьян на заработки в города и рост численности сельского населения, стремившегося переселиться в многоземельные районы. Проблема

аграрного перенаселения заняла ключевое место в политике государства и в дискуссиях о перспективах ее решения. В изменившихся после октября 1917 г. общественных условиях характер миграции из деревни в город определялся политикой государства в отношении темпов восстановления и развития индустриальных отраслей, цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, состояния рынка труда, возраставшей дифференциация крестьянства, переселений и др.

Состояние учета населения, в первую очередь миграции, позволяло оценивать итоги движения населения в обобщенном виде. Так, в первой половине 1920-х годов на основе данных переписей в отличие от дореволюционного периода была проанализирована динамика роста городов.

Численность населения сопоставимой группы городов Европейской части РСФСР в 1923 г. по отношению к 1897 г. составила 120,4%, в том числе Петрограда и Москвы – 110%, прочих городов потребляющей полосы – 126,1%, производящей полосы – 125,6%. По сравнению с 1920 г. прирост (убыль) населения в столицах составил 50,8%, прочих городов потребляющей полосы – 15,2%, в то время как убыль (из-за голода 1921 г.) городов производящей полосы – 2,6%. В целом кризис 1918-1920 гг. в столицах был отмечен «большой колеблемостью» численности населения. Население других городов было более устойчивым [Квиткин 1923: 12-15].

Приведенные данные свидетельствовали об ускорившейся урбанизации страны. Особенно быстро росло население промышленных центров. Из 30 городов СССР с населением свыше 100 тыс. человек особенно быстро выросло население Новосибирска (160,9%), Иваново-Вознесенска (154,2%), Ленинграда (150,4%), Днепропетровска (148,4%), Сталинграда (138,3%), Москвы (130,8%).

Масштабы миграции из деревни в город за 1923-1926 гг. были признаны огромными. Согласно приблизительным оценкам, за 1923-1926 гг. в города СССР переместилось не менее 3 млн человек. В ежегодном исчислении миграционный прирост составил 800 тыс. человек, что оказалось существенно больше приведенных выше данных в довоенное время, несмотря на сокращение численности населения и территории страны [Квиткин 1927: 16].

Перепись 1926 г. выявила превышение роста городского населения по сравнению с плановыми расчетами, а также исчислениями ЦСУ СССР. Такие расхождения отразили новый подход к планированию миграции, недоучитывавший ее реальные тенденции и исходивший из планируемой потребности в рабочей силе.

Динамику численности населения крупных городов определили когорты мигрантов, прибывшие в 1921-1926 гг. Так, удельный вес неместных уроженцев в Ленинграде в 1926 г. составил 60,2%. Число прибывших в 1921-1923 гг. достигло 172,4 тыс., в 1924 г. – 93,4 тыс., в 1925 г. – 90,3 тыс., в 1926 г. – 113,0 тыс., составив 48,3% всех неместных уроженцев города [Всесоюзная перепись... 1930а: 150]. В Москве эти показатели были соответственно 312,7 тыс. человек, 106,1 тыс., 91,1 тыс., 93,3 тыс. или 45,2% неместных уроженцев города [Всесоюзная перепись... 1930b: 173].

Закономерность миграции в середине 1920-х годов состояла в тесной связи горожан с деревней: при неблагоприятных условиях они уходили в деревню, при улучшении

хозяйственных условий возвращались в город. В Ленинграде 8,0% семей и 18,3% одиночек, имевших наделенную землю, были тесно связаны с деревней. В Москве эти показатели были соответственно 9,6 и 25,0%. Несмотря на заметные колебания, ни одна из рабочих групп Ленинграда, включая квалифицированных рабочих, не освободилась от связей с деревней [Красильников 1929: 110]. Под влиянием коллективизации и законов, регулировавших передвижения в начале 1930-х годов, двусторонние миграционные связи города и деревни нарушатся.

Помимо переписи 1926 г., существенный приток населения в крупные города подтвердили фрагментарные данные текущего учета за 1927-1928 гг., о котором шла речь выше. В итоге тенденции миграции в городах во второй половине 1920-х годов оценивались как «повторение общей картины», сложившейся в дореволюционной России [Краснов 1929а: 128].

В 1927 г. текущий учет миграции в городах РСФСР зафиксировал 2 155 900 прибывших и 1 488 340 выбывших, миграционный прирост достиг 667 500 тыс. человек, что в относительных показателях на 100 человек среднегодового населения равнялось 23,0 прибывших, 16,2 выбывших и 6,8 миграционного прироста. При этом была повторно отмечена несвоевременность и неточность учета выбывшего населения, стремившегося скрыть свое отсутствие и сохранить за собой право на жилую площадь, в то время как прибывшие оформляли своевременно прописку из-за недостатка жилья и «планового снабжения населения продуктами» [Краснов 1929а: 132]. Не могла не настораживать динамика миграционного прироста в ряде крупных городов. В 1929 г. миграционный прирост Ленинграда достиг 126 718 человек по сравнению с 86 924 в 1928 г., что объяснялось расширением сферы применения труда женщин и притоком несамостоятельной части семьи (домашних хозяек) к лицам, ранее прибывшим в город [Паевский 1930: 77]. Помимо значительных размеров притока, текущий учет выявил сезонный характер миграции и дифференциацию крупных городов в зависимости от показателей миграции. Но во всех крупных городах определяющим был приток населения из сельской местности «своего района» и «своей» республики. Рост городов РСФСР за счет пришлого населения был более значительным по сравнению с городами других республик СССР [Грехов 1928: 96-106].

Рост городов после введения нэпа, в первую очередь крупных, дополненный возрастающим сезонным притоком отходников, привлек внимание органов НКТ, НКВД, ВЦСПС и др. Отголоском военного коммунизма стало запрещение, как мы отмечали, въезда в отдельные районы. Так, приток безработных на территорию Алданских приисков был запрещен из-за трудностей в снабжении продовольствием этой территории [СУ РСФСР 1924: №83: Ст.832: 1188]. Жилищный кризис в 1925 г. предлагалось решить с помощью «временного ограничения иммиграции в крупные города» - предложения, встретившего «практические и правовые препятствия к своему осуществлению» [Бернацкий 1925: 36-55].

Реакцией на рост городов и связанный с ним высокий уровень безработицы и жилищный кризис в 1923-1926 гг. стала агитационная кампания. Судя по циркулярам, постановлениям, циркулярным письмам, принятым НКТ, НКВД, ВЦСПС, интересам органам управления противоречил «непрекращающийся приток» в крупные

промышленные центры, в первую очередь Москву и Ленинград. В этих условиях местные органы труда, сельсоветы в районах выхода должны были проводить разъяснительную политику по «сокращению» («предотвращению») притока (наплыва) в города. Одним из средств агитации было предостережение относительно трудностей поиска работы и жилья, ожидающих мигрантов в городах.

В обращении НКТ РСФСР к безработным инженерам, агрономам и техникам (1923 г.) отмечается тяжелое материальное положение, ожидающее эти группы населения в Москве, как и дальнейшее ухудшение положения безработных в городе вследствие их притока [Циркуляр НКТ... 1923: 3]. Другое обращение НКТ РСФСР и ВЦСПС призывает местные органы по труду с помощью информации о состоянии рынка труда предотвратить приток в крупные города отходников, демобилизованных из армии, безработных из других регионов [Циркуляр НКТ РСФСР... 1925: 49-50]. «Не прекращавшийся приток» в Москву, Ленинград, Крым и на Дальний Восток демобилизованных красноармейцев, «несмотря на неоднократные предупреждения о безработице», предлагается уменьшить с помощью «широкой разъяснительной компании» о состоянии рынка труда. Биржам труда предписывалось не выдавать льготные билеты для проезда по железной дороге в указанные города и местности, если демобилизованный «не имеет там никакой трудовой или родственной связи» [Циркуляр НКТ РСФСР... 1926: 25-26].

В 1926 г. «неорганизованные» отходники снова предупреждаются о недопустимости руководствоваться «ложными слухами», недостоверными сведениями о заработках и т.д.

Средством «удержания населения на местах» должны были стать общественные работы для безработных в городах и общественно-мелиоративные работы в деревне [Циркуляр НКТ РСФСР... 1925: 49-50; Циркулярное письмо... 1926: 7] и др. Но значение общественных работ в уменьшении сельской безработицы не могло быть существенным: при недостаточном финансировании к выполнению общественных работ привлекались в первую очередь безработные члены профсоюзов и безработные батраки и пастухи [Циркуляр НКВД РСФСР... 1926: 22].

В 1920-е годы обсуждение причин и последствий миграции из села в город нашло отражение в труднообозримой социально-экономической литературе. Одним из итогов восстановительного периода стало, в частности, повышение и качественное улучшение крестьянского потребления и, как следствие, понижение смертности населения. Но актуальной задачей восстановления «равновесного роста благосостояния городского и сельского населения», насчитывавшего более 24 млн крестьянских хозяйств, оставалось сближение благосостояния городских и сельских жителей, эта проблема считалась «далеко не разрешенной» [Огановский 1927: 41-42].

В связи с этим современники обратили внимание на принципиально изменившиеся в 1920-е годы факторы, определявшие миграцию из сельской местности в города: рост заработной платы рабочих, улучшение их жилищных и бытовых условий. Правда, «временные непосредственные впечатления восстановительного периода и жилищной нужды» мешали «ясно и отчетливо осознать глубокое народнохозяйственное значение изменившегося положения рабочего класса в стране» [Макаров 1925: 87]. Этот вывод стал принципиальным в критической оценке пятилетнего плана развертывания народного

хозяйства в СССР (1926/27-1930/1931 гг.). К сказанному выше добавим возросшие функции городов как культурных и образовательных центров

Критика пятилетнего плана развития народного хозяйства 1926/27-1930/1931 гг., допускавшаяся в 1926-1927 гг., затронула фундаментальные проблемы методологии планирования и задачи пятилетнего плана. Был, в частности, подвергнут сомнению прогноз численности населения, рассчитанный на основе переписи 1920 г. и других «неточностей исходных данных и приемов» [Вайнштейн 1927: 38-39]. Ожидаемый ежегодный миграционный прирост из деревни в города планировался в размере свыше полумиллиона человек [Струмилин 1927: 30]. Этот показатель, как видим, был существенно меньше миграционного прироста городов в 1923-1926 гг. (800 тыс. человек).

Принципиальное значение с точки зрения миграции имели перспективы увеличения благосостояния городского и сельского населения. Согласно бюджетным обследованиям 1924-1925 гг., личный расходный бюджет на душу сельского населения составил 74 руб., в то время как этот же показатель на душу рабочей семьи был 222 руб. С поправкой на сельскохозяйственные цены уровень благосостояния городского населения был в 2,5 раза выше уровня благосостояния сельского населения. В 1925-1926 гг. аналогичный показатель достиг соответственно 229 и 693 руб. К 1930-1931 гг. повышение рассматриваемого показателя планировалось для сельского труда в размере 4,4%, а для городского – 43,6%. По мнению Вайнштейна, сближение уровней благосостояния городского и сельского населения должно было ослабить приток безработных из деревни в город и стимулировать развитие сельского хозяйства. В связи с этим коренной ошибкой «всего построения Госплана» была названа проектируемая «прямо противоположная тенденция» [Вайнштейн 1927: 48].

Исходя из концепции равновесия сельского и народного хозяйства, разрабатывавшейся Н. Огановским, пятилетний план 1926/27-1930/1931 гг. должен был предусмотреть несколько более высокий рост товарной части всей суммы крестьянских доходов по сравнению с таким же ростом городских доходов на душу населения. «Только тогда опасность сильного напора избыточного населения деревни на город была бы в значительной степени устранена... Усиление нажима на город может грозить нам только со стороны деревенской бедняцкой и части середняцкой массы, если денежно-товарная доходность этой массы будет понижаться или расти в меньшей степени, чем общий уровень такой же доходности всей деревни и города» [Огановский 1927: 73-74].

Предостережения известных экономистов подтвердили возросшие диспропорции в развитии индустриальных отраслей и сельского хозяйства и огромные масштабы миграции из деревни. Темпы роста городского населения СССР за 1926-1939 гг. превысили в 5 раз дореволюционные. В эти годы среднегодовой миграционный прирост городов достиг 2,5 млн человек. Последний показатель оказался несопоставимым с величиной миграционного прироста городов России начала XX века, приведенного выше. В итоге в 1926-1939 гг. миграция из сельской местности в города поглотила естественный прирост сельского населения страны, составив 18,5 млн человек. Численность городского населения СССР выросла с 26,3 млн до 55,9 млн [Сулькевич 1940: 30]. Разрушительные последствия миграции проявились в огромной текучести кадров на промышленных предприятиях,

строительстве и, как следствие, формировании избыточной рабочей силы предприятиями, ростом городов, усилением жилищного и продовольственного кризиса, потерями частью районов значительной части сельского населения и др.

Как видим, характерной чертой 1920-х годов стал увеличившийся приток сельского населения в города, в то время как по сравнению с дореволюционным временем сократились масштабы отхода крестьян на заработки и переселения в многоземельные районы. С началом форсированной индустриализации масштабы притока увеличила принудительная коллективизация. В условиях «беспрепятственного передвижения» населения выявилось нараставшее противоречие между характером миграции и низкой эффективностью инструментов административного контроля миграции. Помимо непоследовательной политики, связанной с введением удостоверения личности, обнаружились крупные недостатки в организации прописки населения и текущем учете миграции в городах, хотя задачи контроля миграции решалась при низком уровне урбанизации страны. Идеология нового общества оказалась несовместимой со стихийным рынком рабочей силы в крупных городах, стихийным отходничеством, самостоятельными переселениями и др.; в рамках командно-административной экономики легимитационная система не имела перспектив. Опыт ее функционирования выявил противоречивость декретов, постановлений, инструкций и т.д., неустойчивость, зависимость от политико-экономической конъюнктуры, определив непродолжительный срок существования, а вслед за нэпом – ликвидацию. Решение вопросов, связанных с масштабами и направлением миграции, составом мигрантов, рассматривались как кризис миграционной политики в условиях «беспрепятственного передвижения», который решался с помощью ужесточения административного контроля. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27.12.1932 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» [СЗ СССР 1932: №84: Ст.516] в СССР устанавливало единую паспортную систему на основании Положения о паспортах. Утверждалось, что в отличие от легимитационной системы паспортная система образца 1932 г. означала «порядок учета, контроля и регулирования передвижения населения посредством введения для последнего паспортов» [Паспортная система 1939: 322].

ЛИТЕРАТУРА

- А.Я. (1897). Паспорт // Энциклопедический словарь. Т. XXII А. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон: 923-925.
- Бернацкий Л.Н. (1925). Жилищный кризис и жилищное строительство // Плановое хозяйство. 5: 36-55.
- Большая Советская энциклопедия (1953). 2-е изд. Т.24. М.: 410.
- Вайнштейн А.Л. (1927). К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР // Экономическое обозрение. 7: 33-67.
- Власов В. (1930). Об учете лиц, лишенных избирательных прав // Административный вестник. 2: 18-25.
- Воблый К.Г. (1924). Статистика. Пособие для учащихся и самообразования. Изд. 6-ое, переработанное. Киев. 287 с.

- Всесоюзная перепись населения 1926 года (1930а). Т. XXXV. М.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года (1930b). Т. XXXVI. М.
- Граевский В.И. (1927). Удостоверения личности и прописка граждан // Административный вестник. 1: 39-45.
- Грехов В. (1928). Механическое движение население в городах СССР (с 1 апреля 1927 г. по 31 марта 1928 г.) // Статистическое обозрение. 12: 96-106.
- Гуров П.Я. (1927). Земельный кодекс РСФСР в вопросах и ответах. Изд. 9-е., дополненное. М.-Л. 343 с.
- Дерюжинский В.Ф. (1919). Полицейское право. Пособие для студентов. Изд. 4-е. Пг. 522 с.
- Елистратов Е. (1923). Об Административном Кодексе // Власть советов. 3: 29-31.
- Инструкция НКВД № 370 об удостоверениях личности и прописке граждан в городских поселениях (1925) // Бюллетень НКВД. 28 (168): 248-250.
- История советской Конституции (в документах). 1917-1956 (1957). М. 155 с.
- Итоги выборов в советы РСФСР (1930). Вып.11. М. Вып.11. М. 103 с.
- Карадже-Искров Н.П. (1927). Новейшая эволюция административного права. Иркутск. 39 с.
- Квиткин О. (1923). Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 годов // Бюллетень Центрального Статистического Управления. 77: 10-28.
- Квиткин О. (1927). Первые итоги переписи населения 1926 г. // Статистическое обозрение. 1: 13-19.
- Кобалевский В.Л. (1929). Советское административное право. Харьков. 419 с.
- Красильников М. (1929). Связь ленинградского рабочего с землей // Статистическое обозрение. 4: 107-110.
- Краснов П. (1929а). Миграция населения в городах РСФСР в 1928 году // Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 8: 125-141.
- Краснов П. (1929b). Миграция населения в городах РСФСР в 1928 году // Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 9: 111-117.
- Лубны-Герцык Л. (1927). Механическое движение населения в 10 городах Союза ССР в апреле 1927 года // Статистическое обозрение. 9: 80-86.
- Макаров Н. (1925). К вопросу о взаимоотношении сельского хозяйства и индустрии // Экономическое обозрение. 10: 78-88.
- Михайловский А. (1923). Население наших городов // Экономическое обозрение. 5: 24-29.
- Михайловский В.Г. (1897). Население России по первой всеобщей переписи // Новое слово. Кн. 9: 97-107.
- Михайловский В.Г. (1926). Всесоюзная перепись населения 1926 года. Рекомендуются в качестве материала для проведения переписи населения. М. 28 с.
- Народным комиссариатом юстиции. Отдел первый. М.
- Огановский Н. (1914). Закономерности аграрной эволюции. Т. III. Вып. 1. Саратов. 335 с.

- Огановский Н. (1927). Равновесие сельского и народного хозяйства в аспекте перспективного плана // Экономическое обозрение. 3: 21-42.
- Отчет о работах Первой статистической конференции при Центральном Статистическом Управлении, состоявшейся 18-21 октября 1918 года (1919) // Вестник статистики. 1: 183-220.
- Паевский В. (1925-1926). Механическое движение населения Ленинграда // Бюллетень Ленинградского губернского статистического отдела. 15: 220-233.
- Паевский В. (1930). О миграциях населения Ленинграда в 1929 г. // Статистический бюллетень. 25: 73-75.
- Паспортная система (1939) // Большая Советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: 322.
- Положение об адресных бюро и адресных столах в РСФСР (1924) // Систематический сборник приказов, инструкций и циркуляров НКВД административного характера, действующих на 1 июля 1924 года. М.: 60.
- Положение об организации местных статистических органов (1919) // Вестник статистики. 1: С. 5-10.
- Постановление СНК РСФСР (1928а). Об изменении декрета РСФСР от 25 апреля 1925 г. «О прописке граждан в городских поселениях» // Бюллетень НКВД. 2 (257): 37.
- Постановление СНК РСФСР (1928б). О дополнении ст. 9 Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР о прописке в городских поселениях // Бюллетень НКВД. 18 (273): 333.
- СЗ СССР (1932). Собрание законов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Отдел первый. М.
- Струмилин С.Г. (1927). К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27-1930/31 гг. // Плановое хозяйство. 3: 17-54.
- СУ (1918). Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Отдел первый. М.
- СУ (1919). Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 год. М.
- СУ (1922). Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Отдел первый. М.
- СУ (1923). Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Отдел первый. М.
- СУ РСФСР (1924). Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое
- СУ РСФСР (1925). Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Отдел первый. М.
- СУ РСФСР (1926). Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Отдел первый. М.

- СУ РСФСР (1927). Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, издаваемое Народным комиссариатом юстиции. Отдел первый. М.
- Сулькевич С. (1940). Территория и население СССР. М. 71 с.
- Трикшеев В. (1930). От правильного учета движения населения зависит правильность государственного управления. (Из практики Нижне-Волжского края) // Административный вестник. 8-9: 52-53.
- Турубинер А. (1930). Паспортная система // Энциклопедия государства и права. Т. III / Под ред. П. Стучки. М.: 184 -187.
- Ходос М. (1930). Проект схемы конъюнктурных показателей в области явлений социально-культурной жизни // Статистика и народное хозяйство. 3 (12): 64-78.
- Циркуляр №107 (1930). Об отмене циркуляра НКВД № 23 от 29 октября 1929 года «О прописке граждан в городских поселениях и с объявлением Положения об адресных бюро и адресных столах в РСФСР // Бюллетень НКВД. 2: 17-18.
- Циркуляр №23 (1929). О прописке граждан в городских поселениях и с объявлением «Положения об адресных бюро и адресных столах в РСФСР» // Бюллетень НКВД. 40 (341): 733.
- Циркуляр №365 (1926). О порядке выдачи удостоверений личности лицам, коим судом по ст. 49 УК воспрещено проживание в определенных местах и высланных в административном порядке // Бюллетень НКВД. 25 (121): 264-265.
- Циркуляр №423 с объявлением «Положения об адресных бюро и адресных столах в РСФСР» (1926) // Бюллетень НКВД. 28 (215): 283-286.
- Циркуляр №435 (1929). Об изменении формы адресных листков // Бюллетень НКВД. 1-2 (302-303): 7.
- Циркуляр №579 (1925). О предоставлении сведений о движении городского населения с 1 января по 1 декабря 1925 г. // Бюллетень НКВД. 1: 4.
- Циркуляр НКВД №117 (1928). О непринятии старых паспортов и трудовых книжек в качестве документов // Бюллетень НКВД. 11 (266): 197.
- Циркуляр НКВД №419 (1930). О мерах по улучшению работы адресных бюро (столов) и по прописке населения // Бюллетень НКВД. 27: 572-574.
- Циркуляр НКВД РСФСР от 16 ноября 1925 г. (1926). О мероприятиях, направленных к уменьшению безработицы в сельских местностях // Известия НКТ СССР. 2: 22.
- Циркуляр НКТ от 18.04.1923 (1923). Ко всем безработным инженерам, агрономам и техникам // Известия НКТ СССР. 15-16: 3.
- Циркуляр НКТ РСФСР и ВЦСПС от 14 апреля 1925 г. (1925). О мерах к предупреждению притока безработных в крупные центры // Известия НКТ СССР. 20-21: 49-50.
- Циркуляр НКТ РСФСР и ВЦСПС от 14 апреля 1925 г. (1925). О мерах по предупреждению притока безработных в крупные центры // Известия НКТ СССР. 21-22: 49-50.
- Циркуляр НКТ РСФСР и НКВД РСФСР от 20 февраля 1926 г. №37/111 (1926). О предупреждении наплыва мобилизованных в крупные промышленные центры // Известия НКТ СССР. 10-11: 25-26.

Циркуляр НКТ СССР от 2 октября 1926 г. (1926). О регистрации на бирже труда лиц, не имеющих в удостоверениях личности отметки о прописке // Известия НКТ СССР. 40: 2.

Циркулярное письмо НКТ СССР от 13 февраля 1926 г. (1926). О мероприятиях по организации общественных работ в сельских местностях для притока сельского населения в город // Известия НКТ СССР. 9: 7.

Якубсон (1930). Нарушения, преследуемые в административном порядке // Статистическое обозрение. 5: 93-100.

RURAL-URBAN MIGRATION IN THE USSR IN THE 1920s**VALENTINA MOISEENKO**

The paper is devoted to an analysis of migration from village to town in Russia during the 1920s, after the transition to New Economic Policy (NEP) and at the start of accelerated industrialization and collectivization. Great attention to instruments of administrative regulation of migration played a role of great importance in the change in migration policy at the beginning of the 1930s.

Keywords: *population migration, liberalization of population movement, identity card, population registration, migration record keeping, urbanization, the First five-year plan.*

VALENTINA M. MOISEENKO (mvm.msu@gmail.com), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DATE RECEIVED : APRIL 2018.

REFERENCES

- A.Ya. (1897). Pasport [Passport] // Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopaedical dictionary]. T. XXII A [Vol. XXII A]. Sankt-Peterburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron: 923-925.
- Bernatskiy L.N. (1925). Zhilishchnyy krizis i zhilishchnoe stroitel'stvo [Housing crisis and housing construction] // Planovoe khozyaystvo [State-planned economy]. 5: 36-55.
- Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia] (1953). 2-e izd. [Second edition]. T.24. [Vol.24]. Moscow: 410.
- Deryuzhinskiy V.F. (1919). Politseyskoe pravo. Posobie dlya studentov [Police law. Textbook for students]. Izd. 4-e [Fourth edition]. Petrograd. 522 p.
- Elistratov E. (1923). Ob Administrativnom Kodekse [About the Administrative Code] // Vlast' sovetov [Soviet rule]. 3: 29-31.
- Graevskiy V.I. (1927). Udostovereniya lichnosti i propiska grazhdan [Identity cards and citizenship] // Administrativnyy vestnik [Administrative Herald]. 1: 39-45.
- Grekhov V. (1928). Mekhanicheskoe dvizhenie naselenie v gorodakh SSSR (s 1 aprelya 1927 g. po 31 marta 1928 g.) [Mechanical movement of the population in the cities of the USSR (from April 1, 1927 to March 31, 1928)] // Statisticheskoe obozrenie [Statistical Review]. 12: 96-106.
- Gurov P.Ya. (1927). Zemel'nyy kodeks RSFSR v voprosakh i otvetakh [The Land Code of the RSFSR in questions and answers]. Izd. 9-e., dopolnennoe [Ninth edition]. Moscow-Leningrad. 343 p.
- Instruktsiya NKVD № 370 ob udostovereniyakh lichnosti i propiske grazhdan v gorodskikh poseleniyakh [Instruction of the NKVD No. 370 on identity cards and registration of citizens in urban settlements] (1925) // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 28 (168): 248-250.
- Istoriya sovetskoy Konstitutsii (v dokumentakh). 1917-1956 [History of the Soviet Constitution (in documents). 1917-1956] (1957). Moscow. 155 p.
- Itogi vyborov v sovery RSFSR [Results of the elections to the councils of RSFSR] (1930). Vyp.11 [Issue11]. Moscow. 103 p.
- Karadzhe-Iskrov N.P. (1927). Noveyshaya evolyutsiya administrativnogo prava [The newest evolution of administrative law]. Irkutsk. 39 p.

- Khodos M. (1930). Proekt skhemy kon'yunkturykh pokazateley v oblasti yavleniy sotsial'no-kul'turnoy zhizni [The project of the scheme of conjuncture indicators in the field of social and cultural life] // Statistika i narodnoe khozyaystvo [Statistics and National Economy]. 3 (12): 64-78.
- Kobalevskiy V.L (1929). Sovetskoe administrativnoe pravo [Soviet Administrative Law]. Kharkov. 419 p.
- Krasilnikov M. (1929). Svyaz' leningradskogo rabocheho s zemley [The connection of the Leningrad worker to the land] // Statisticheskoe obozrenie [Statistical Review]. 4: 107-110.
- Krasnov P. (1929a). Migratsiya naseleniya v gorodakh RSFSR v 1928 godu [Migration of the population in the cities of RSFSR in 1928] // Statistika i narodnoe khozyaystvo. Stat'i i materialy [Statistics and national economy. Articles and materials]. 8: 125-141.
- Krasnov P. (1929b). Migratsiya naseleniya v gorodakh RSFSR v 1928 godu [Migration of the population in the cities of RSFSR in 1928] // Statistika i narodnoe khozyaystvo. Stat'i i materialy [Statistics and national economy. Articles and materials]. 9: 111-117.
- Kvitkin O. (1923). Naselenie gorodov Evropeyskoy chasti RSFSR po perepisyam 1897, 1917, 1920 i 1923 godov [The population of cities in the European part of RSFSR according to the censuses of 1897, 1917, 1920 and 1923] // Byulleten' Tsentral'nogo Statisticheskogo Upravleniya [Bulletin of the Central Statistical Bureau]. 77: 10-28.
- Kvitkin O. (1927). Pervye itogi perepisi naseleniya 1926 g. [The first results of the 1926 population census] // Statisticheskoe obozrenie [Statistical Review]. 1: 13-19.
- Lubny-Gertsyk L. (1927). Mekhanicheskoe dvizhenie naseleniya v 10 gorodakh Soyuza SSR v aprele 1927 goda [Mechanical movement of the population in 10 cities of the USSR in April 1927] // Statisticheskoe obozrenie [Statistical Review]. 9: 80-86.
- Makarov N. (1925). K voprosu o vzaimootnoshenii sel'skogo khozyaystva i industrii [On the issue of the relationship between agriculture and industry] // Ekonomicheskoe obozrenie [Economic Review]. 10: 78-88.
- Mikhaylovskiy A. (1923). Naselenie nashikh gorodov [The population of our cities] // Ekonomicheskoe obozrenie [Economic Review]. 5: 24-29.
- Mikhaylovskiy V.G. (1897). Naselenie Rossii po pervoy vseobshchey perepisi [Population of Russia in the first general census] // Novoe slovo [New word]. Kn. 9 [Book 9]: 97-107.
- Mikhaylovskiy V.G. (1926). Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Rekomenduetsya v kachestve materiala dlya provedeniya perepisi naseleniya [All-Union Population Census of 1926. Recommended as a material for a population census]. Moscow. 28 p.
- Oganovskiy N. (1914). Zakonomernosti agrarnoy evolyutsii [Regularities of agrarian evolution]. T.III [Vol. III]. Vyp. 1 [Issue 1]. Saratov. 335 p.
- Oganovskiy N. (1927). Ravnovesie sel'skogo i narodnogo khozyaystva v aspekte perspektivnogo plana [Equilibrium of the rural and national economy in the aspect of the long-term plan] // Ekonomicheskoe obozrenie [Economic Review]. 3: 21-42.
- Otchet o rabotakh Pervoy statisticheskoy konferentsii pri Tsentral'nom Statisticheskom Upravlenii, sostoyavsheysya 18-21 oktyabrya 1918 goda [Report on the work of the First Statistical Conference at the Central Statistical Office, held in October 18-21, 1918] (1919) // Vestnik statistiki [Herald of Statistics]. 1: 183-220.
- Paevskiy V. (1925-1926). Mekhanicheskoe dvizhenie naseleniya Leningrada [Mechanical movement of the population of Leningrad] // Byulleten' Leningradskogo gubernskogo

- statisticheskogo otdela [Bulletin of the Leningrad provincial statistical department]. 15: 220-233.
- Paevskiy V. (1930). O migratsiyakh naseleniya Leningrada v 1929 g. [On the migration of the population of Leningrad in 1929] // Statisticheskii byulleten' [Statistical Bulletin]. 25: 73-75.
- Pasportnaya sistema [Passport system] (1939) // Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia] / O.Yu. Shmidt, ed. Moscow: 322.
- Polozhenie ob adresnykh byuro i adresnykh stolakh v RSFSR [Regulation on address bureaus and address desks in the RSFSR] (1924) // Sistematischeskiy sbornik prikazov, instruktsiy i tsirkulyarov NKVD administrativnogo kharaktera, deystvuyushchikh na 1 iyulya 1924 goda [A systematic collection of orders, instructions and circulars of the NKVD of an administrative nature, in force as of July 1, 1924]. Moscow: 60.
- Polozhenie ob organizatsii mestnykh statisticheskikh organov [Regulations on the organization of local statistical bodies] (1919) // Vestnik statistiki [Herald of Statistics]. 1: C. 5-10.
- Postanovlenie SNK RSFSR [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR] (1928a). Ob izmenenii dekreta RSFSR ot 25 aprelya 1925 g. «O propiske grazhdan v gorodskikh poseleniyakh» [On the amendment of the decree of the RSFSR of April 25, 1925 "On the registration of citizens in urban settlements"] // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 2 (257): 37.
- Postanovlenie SNK RSFSR [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR] (1928b). O dopolnenii st. 9 Postanovleniya Soveta Narodnykh Komissarov RSFSR o propiske v gorodskikh poseleniyakh [On the addition of Art. 9 Decisions of the Council of People's Commissars of the RSFSR on registration in urban settlements] // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 18 (273): 333.
- Strumilin S.G. (1927). K perspektivnoy pyatiletke Gosplana na 1926/27-1930/31 gg. [To the prospective five-year plan of the State Planning Committee for 1926 / 27-1930 / 31] // Planovoe khozyaystvo [State-planned economy]. 3: 17-54.
- SU [Code of justice] (1918). Sobranie zakonov i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva [Code of justice and orders of the workers 'and peasants' government]. Otdel pervyy [Отдел первый]. Moscow.
- SU [Code of justice] (1919). Sobranie zakonov i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1919 god [Code of justice and orders of the workers 'and peasants' government 1919]. Moscow.
- SU [Code of justice] (1922). Sobranie zakonov i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva, izdavaemoe Narodnym komissariatom yustitsii [Code of justice and orders of the workers 'and peasants' government, issued by the People's Commissariat of Justice]. Otdel pervyy [First Division]. Moscow.
- SU [Code of justice] (1923). Sobranie zakonov i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva, izdavaemoe Narodnym komissariatom yustitsii [Code of justice and orders of the workers 'and peasants' government, issued by the People's Commissariat of Justice]. Otdel pervyy [First Division]. Moscow.
- SU RSFSR [Code of justice of the RSFSR] (1924). Sobranie zakonov i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva, izdavaemoe Narodnym komissariatom yustitsii [Code of justice and orders of the workers 'and peasants' government, issued by the People's Commissariat of Justice]. Otdel pervyy [First Division]. Moscow.

- SU RSFSR [Code of justice of the RSFSR] (1925). *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki, izdavaemoe Narodnym komissariatom yustitsii* [Code of justice and orders of the workers 'and peasants' government of the RSFSR, issued by the People's Commissariat of Justice]. Otdel pervyy [First Division]. Moscow.
- SU RSFSR [Code of justice of the RSFSR] (1926). *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki, izdavaemoe Narodnym komissariatom yustitsii* [Code of justice and orders of the workers 'and peasants' government of the RSFSR, issued by the People's Commissariat of Justice]. Otdel pervyy [First Division]. Moscow.
- SU RSFSR [Code of justice of the RSFSR] (1927). *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki, izdavaemoe Narodnym komissariatom yustitsii* [Code of justice and orders of the workers 'and peasants' government of the RSFSR, issued by the People's Commissariat of Justice]. Otdel pervyy [First Division]. Moscow.
- Sulkevich S. (1940). *Territoriya i naselenie SSSR* [Территория и население СССР]. Moscow. 71 p.
- SZ SSSR [Code of laws of the USSR] (1932). *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva Soyuzo Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Code of laws and orders of the workers 'and peasants' government of the USSR]. Otdel pervyy [First Division]. Moscow.
- Triksheev V. (1930). *Ot pravil'nogo ucheta dvizheniya naseleniya zavisit pravil'nost' gosudarstvennogo upravleniya. (Iz praktiki Nizhne-Volzhskogo kraja)* [The correctness of public administration depends on correct consideration of population movements. (From the practice of the Lower Volga region)] // *Administrativnyy vestnik* [Administrative Herald]. 8-9: 52-53.
- Tsirkulyar NKT ot 18.04.1923 [Circular NCP from 18.04.1923] (1923). *Ko vsem bezrobotnym inzheneram, agronomam i tekhnikam* [To all unemployed engineers, agronomists and technicians] // *Izvestiya NKT SSSR* [News of the USSR]. 15-16: 3.
- Tsirkulyar NKT RSFSR i NKVD RSFSR ot 20 fevralya 1926 g. №37/111 [Circular NCP of the RSFSR and the NKVD of the RSFSR of February 20, 1926 No. 37/111] (1926). *O preduprezhdenii naplyva mobilizovannykh v krupnye promyshlennye tsentry* [On preventing the influx of people mobilized to large industrial centers] // *Izvestiya NKT SSSR* [News of the USSR]. 10-11: 25-26.
- Tsirkulyar NKT RSFSR i VTsSPS ot 14 aprelya 1925 g. [Circular NCP of the RSFSR and the All-Union Central Council of Trade Unions of April 14, 1925.] (1925). *O merakh k preduprezhdeniyu pritoka bezrobotnykh v krupnye tsentry* [On measures to prevent the influx of unemployed into large centers] // *Izvestiya NKT SSSR* [News of the USSR]. 20-21: 49-50.
- Tsirkulyar NKT RSFSR i VTsSPS ot 14 aprelya 1925 g. [Circular NCP of the RSFSR and the All-Union Central Council of Trade Unions of April 14, 1925.] (1925). *O merakh po preduprezhdeniyu pritoka bezrobotnykh v krupnye tsentry* [On measures to prevent the influx of unemployed into large centers] // *Izvestiya NKT SSSR* [News of the USSR]. 21-22: 49-50.
- Tsirkulyar NKT SSSR ot 2 oktyabrya 1926 g. [Circular NCP of the USSR of October 2, 1926.] (1926). *O registratsii na birzhe truda lits, ne imeyushchikh v udostovereniyakh lichnosti otmetki o propiske* [On registration at the labor exchange of persons who do not have a residence permit in their identity cards] // *Izvestiya NKT SSSR* [News of the USSR]. 40: 2.

- Tsirkulyar NKVD №117 [Circular of the NKVD №117] (1928). O neprinyatii starykh pasportov i trudovykh knizhek v kachestve dokumentov [On the non-acceptance of old passports and labor books as documents] // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 11 (266): 197.
- Tsirkulyar NKVD №419 [Circular of the NKVD №419] (1930). O merakh po uluchsheniyu raboty adresnykh byuro (stolov) i po propiske naseleniya [On measures to improve the work of address bureaus (tables) and on the registration of the population] // Byulleten' NKVD [Бюл. Bulletin of the NKVD]. 27: 572-574.
- Tsirkulyar NKVD RSFSR ot 16 noyabrya 1925 g. [Циркуляр НКВД РСФСР от 16 ноября 1925 г.] (1926). O meropriyatiyakh, napravlennykh k umen'sheniyu bezrabortitsy v sel'skikh mestnostyakh [On measures aimed at reducing unemployment in rural areas] // Izvestiya NKT SSSR [News of the USSR]. 2: 22.
- Tsirkulyar №107 [Circular №107] (1930). Ob otmene tsirkulyara NKVD №23 ot 29 oktyabrya 1929 goda «O propiske grazhdan v gorodskikh poseleniyakh i s ob"yavleniem Polozheniya ob adresnykh byuro i adresnykh stolakh v RSFSR [On the abolition of the circular of the NKVD No. 23 of October 29, 1929 "On the registration of citizens in urban settlements and with the announcement of the Regulations on address bureaus and address desks in the RSFSR] // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 2: 17-18.
- Tsirkulyar №23 [Circular №23] (1929). O propiske grazhdan v gorodskikh poseleniyakh i s ob"yavleniem «Polozheniya ob adresnykh byuro i adresnykh stolakh v RSFSR» [On the registration of citizens in urban settlements and with the announcement of "Regulations on address bureaus and address desks in the RSFSR"] // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 40 (341): 733.
- Tsirkulyar №365 [Circular №365] (1926). O poryadke vydachi udostovereniy lichnosti litsam, koim sudom po st. 49 UK vospreshcheno prozhivanie v opredelennykh mestakh i vyslannykh v administrativnom poryadke [On the procedure for issuing identity cards to persons to whom the court under Art. 49 of the Criminal Code is prohibited from living in certain places and sent in administrative order] // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 25 (121): 264-265.
- Tsirkulyar №423 s ob"yavleniem «Polozheniya ob adresnykh byuro i adresnykh stolakh v RSFSR» [Circular No. 423 with the announcement of "Provisions on address bureaus and address desks in the RSFSR"] (1926) // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 28 (215): 283-286.
- Tsirkulyar №435 [Circular №435] (1929). Ob izmenenii formy adresnykh listkov [About changing the form of address sheets] // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 1-2 (302-303): 7.
- Tsirkulyar №579 [Circular №579] (1925). O predostavlenii svedeniy o dvizhenii gorodskogo naseleniya s 1 yanvarya po 1 dekabrya 1925 g. [On the provision of information on the movement of the urban population from January 1 to December 1, 1925] // Byulleten' NKVD [Bulletin of the NKVD]. 1: 4.
- Tsirkulyarnoe pis'mo NKT SSSR ot 13 fevralya 1926 g. [Circular letter of the NCT of the USSR of February 13, 1926.] (1926). O meropriyatiyakh po organizatsii obshchestvennykh rabot v sel'skikh mestnostyakh dlya pritoka sel'skogo naseleniya v gorod [On activities to organize public works in rural areas for the influx of rural population into the city] // Izvestiya NKT SSSR [News of the USSR]. 9: 7.
- Turubiner A. (1930). Pasportnaya Sistema [Passport system] // Entsiklopediya gosudarstva i prava [Encyclopedia of State and Law]. T.III [V.3] / P. Stuchka, ed. Moscow: 184 -187.

- Vaynshteyn A.L. (1927). K kritike pyatiletnego perspektivnogo plana razvertyvaniya narodnogo khozyaystva SSSR [To the criticism of the five-year long-term plan for the development of the national economy of the USSR] // Ekonomicheskoe obozrenie [Economic Review]. 7: 33-67.
- Vlasov V. (1930). Ob uchete lits, lishennykh izbiratel'nykh prav [On the account of persons deprived of their voting rights] // Administrativnyy vestnik [Administrative Herald]. 2: 18-25.
- Voblyy K.G. (1924). Statistika. Posobie dlya uchashchikhsya i samoobrazovaniya [Statistics. A manual for students and self-education]. Izd. 6-oe, pererabotannoe [Ed. 6th, revised]. Kiev. 287 p.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [All-Union Population Census of 1926] (1930a). T.XXXV [Vol. XXXV]. Moscow.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda [All-Union Population Census of 1926] (1930b). T. XXXVI [Vol. XXXVI]. Moscow.
- Yakubson (1930). Narusheniya, presleduemye v administrativnom poryadke [Administrative violations] // Statisticheskoe obozrenie [Statistical Review]. 5: 93-100.

АЛЕКСАНДР КУЛИШЕР О ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ БУДУЩЕМ РОССИИ

МАРК ТОЛЬЦ

На рубеже 1920-х и 1930-х годов А.М. Кулишер написал три статьи, посвященные проблемам демографической динамики некоторых стран мира, которые были напечатаны в наиболее солидной и широко читаемой газете русской послереволюционной эмиграции – «Последние новости» (Париж). В них впервые в предсказании демографического будущего России использовалась общая схема демографических изменений, ныне известная как концепция «демографического перехода» или «демографической революции». В настоящей публикации приведены тексты этих статей, недоступные современному читателю, которые предваряются предисловием и дополнены комментариями к ним. В предисловии отмечены важные особенности статей А.М. Кулишера в контексте развития демографии того периода и нацеленность их автора на предвидение будущей динамики населения России.

Ключевые слова: история демографии, демографический переход, демографическая революция, демографическая динамика, рождаемость, смертность, население России, Александр Михайлович Кулишер (1890-1942).

В ходе исследования вклада семьи Кулишеров в теорию демографии удалось обнаружить три забытые статьи самого младшего ее представителя – А.М. Кулишера, посвященные проблемам демографической динамики. Они опубликованы на рубеже 1920-х и 1930-х годов в наиболее солидной и широко читаемой газете русской послереволюционной эмиграции – «Последние новости» (Париж), одним из ведущих сотрудников которой был их автор. В них впервые в предсказании демографического будущего России использована общая схема демографических изменений, ныне известная как концепция «демографического перехода» или «демографической революции».

Сегодня мы уже знаем, что Кулишер был одним из пионеров теории демографического перехода, концепция которой была им представлена в публикациях первой половины 1930-х годов на немецком и французском языках [Вишневецкий, Тольц 2015]. Написанные до того газетные статьи, явились необходимым этапом на пути, который привел его к успешному формулированию этих теоретических положений. Они, несомненно, заслуживают републикации, которая и предпринята нами (см. ниже). Прежде, чем перейти к анализу найденных текстов, необходимо сделать несколько предварительных замечаний для того, чтобы лучше понять причины их имплицитной нацеленности на предсказание демографического будущего России, а также некоторые обстоятельства, способствовавшие формированию взглядов Кулишера на демографические процессы.

МАРК ТОЛЬЦ (mtolts@huji.ac.il), Иерусалимский университет, Израиль.
(Предисловие, подготовка текстов и примечания)

АЛЕКСАНДР КУЛИШЕР (1890-1942).

Статья поступила в редакцию в апреле 2018 г.

Александр Кулишер, 1927 г.

Послереволюционная русская эмиграция, к которой принадлежал Кулишер, смогла поддерживать в изгнании высокий уровень интеллектуальной активности (см., например, [Раев 1994]). Конечно, бывших граждан России, оказавшихся за ее пределами, живо интересовало положение на покинутой родине и перспективы ее развития. При этом идеи сторонников особого пути развития России – тут надо, прежде всего, назвать евразийцев – получили достаточно большую популярность. Но известно, что отец А.М. Кулишера, видный ученый и публицист М.И. Кулишер, еще в конце 1870-х годов впервые выступил против тогдашних адептов «самобытности» [Тольц 2015]. Он считал, что «общая схема движения одна и та же для всех народов» [Кулишер 1887: X]. Конечно, русских послереволюционных эмигрантов интересовали не только общие перспективы развития их страны, но и ее демографическое будущее, от которого многое зависело. Здесь А.М. Кулишер показал себя верным последователем отца – в публикуемых статьях он, в отличие от многих именитых современников (об этом см. ниже), опирался на универсальность закономерностей демографического развития в предсказании будущей динамики населения России.

Если несомненно, что направленность Кулишера на поиск универсальных закономерностей идет от отца, то определенного ответа на вопрос об истоках его демографических представлений у меня пока нет. В этой связи можно указать только на его непосредственную связь с первым американским исследователем, отметившим некоторые общие закономерности развития населения, которые много позднее вошли в концепцию демографического перехода. Им был известный социолог Э.А. Росс, который настойчиво, но, впрочем, безуспешно – он направил рекомендации в восемнадцать адресов – пытался найти место для Кулишера в одном из университетов США в начале его эмиграции [Дойков 2009: 124]. Известно, что они обменялись письмами в 1922 г. [Scifres 1964: 52]. Росс справедливо называется одним из пионеров в истории формирования теории демографического перехода [Hodgson 1993: 7]. В книге, опубликованной им еще в начале прошлого века, он отмечал, что падение смертности обгоняет снижение рождаемости, и это приводит к периоду ускоренного роста населения [Ross 1909: 36]. Позднее Кулишер будет постоянно повторять данное положение в своих публикациях. Однако пока не найдено подтверждение его знакомства именно с той книгой Росса, где впервые это было отмечено,

хотя другие его работы А.М. Кулишер неоднократно цитирует в монографии, опубликованной в соавторстве с братом Е.М. Кулишером [Kulischer, Kulischer 1932].

После этих необходимых предварительных замечаний можно непосредственно перейти к анализу содержания публикуемых ниже статей. Первая из них является во многом продолжением рассказа о Всемирной конференции по народонаселению, состоявшейся в Женеве в 1927 г., которой Кулишер ранее посвятил специальную публикацию в той же газете [Юниус (Кулишер) 1927; см. также Тольц 2017]. Информационным поводом для этой статьи явилось появление данных о резком снижении уровня рождаемости и естественного прироста в Англии [Юниус (Кулишер) 1928]. Кулишер в ней пишет: «Развитие показывает, что население Англии, равно как и ряда других стран: Швеции, Швейцарии, Германии и, по всей вероятности, Соед. Штатов Америки явно переходит к тому состоянию неподвижности, в котором до мировой войны пребывало одно только население Франции. <...> Речь идет о неподвижности на основе низкой рождаемости и низкой смертности: в этом то и заключается новизна данного явления в истории человеческого рода».

Кулишер также отмечает: «Огромной рост населения европейских стран в XIX веке объясняется не увеличением рождаемости, а исключительно уменьшением смертности». При этом он демонстрирует достаточно четкое представление о демографическом переходе, когда, опираясь на выводы из доклада, представленного на женевской конференции голландским демографом Х.В. Метхорстом (в написании Кулишера – Метгорст), пишет: «Большие приросты населения следует рассматривать, в сущности, как *переходный период* (выделено мною – М.Т.), когда успехи гигиены и общей культуры уже привели к сильному уменьшению смертности, но еще не наступило уменьшение рождаемости, которое, как показывает опыт всех стран, следует по пятам за этими успехами». Кулишер хорошо знал и особенности предшествующей, допереходной фазы, когда, по его словам, наблюдалось «состояние неподвижного числа населения», которое «было весьма обычным, можно думать нормальным состоянием человечества в течение громадных эпох истории». Таким образом, он уже в своей первой статье, посвященной демографической динамике, демонстрирует понимание общей схемы развития населения – переход от состояния относительного равновесия при высоком уровне рождаемости и смертности к новому состоянию относительного равновесия при низком уровне рождаемости и смертности, между которыми находится период ускоренного демографического роста.

Кулишер поясняет, что при высокой рождаемости и смертности, господствовавшей на протяжении большей части истории человечества, обычно число выживших детей в семье было весьма невысоким. Отметим, что эта особенность традиционного режима воспроизводства была достаточно четко описана его старшим братом, выдающимся историком-экономистом И.М. Кулишером, в «Истории экономического быта Западной Европы» [Кулишер 2004: 225, 227]. Конечно, А.М. Кулишер был знаком с классическим исследованием брата, а значит здесь наследует представление члена своей знаменитой семьи о демографических реалиях прошлого. Но огромная эрудиция позволяет ему найти у А. Смита свой пример для иллюстрации отмеченного, которого нет у старшего брата. К сожалению, и после работ братьев Кулишеров ошибочные представления, отрицающие

бытование в прошлом в семьях малодетности при высокой рождаемости, еще долго продолжали требовать борьбы с ними [Вишневский 2005: 185].

А.М. Кулишер в рассматриваемой статье затрагивает также проблему мотивации прокреативного поведения, подчеркивает его зависимость от стадии развития человеческого общества. Он отмечает специфическое отношение к ценности детской жизни в традиционном обществе, когда упоминает «русских крестьянок старого времени, вечно беременных и вечно мечтавших о том, чтобы “Бог прибрал” кого-нибудь из детей». В этом он предвосхищает выводы современных нам исследователей [Вишневский 2005: 257-281]. Продолжая тему мотивации прокреативного поведения, Кулишер пишет: «Усиление “материнского инстинкта” в смысле заботы о благополучии детей, – прежде всего о спасении их жизни, – есть как раз явление новейшего времени: оно и проводит к уменьшению детской смертности, но тот же “материнский” и вообще “родительский” инстинкт является одним из стимулов уменьшения рождаемости».

Констатировать уже произошедшие демографические изменения – не значит видеть в них универсальную схему развития населения. Так, уже упомянутый Метхорст, который в своем докладе рассмотрел показатели для 55 стран, включая Россию, ничего не сказал о ее демографических перспективах. В интерпретации Метхорста схема демографического перехода не играла роль инструмента, пригодного для предвидения будущего стран, которые еще не совершили демографический переход, а значит не получила завершения, точнее – необходимой универсальности. Это сделал Кулишер, впервые придавший теории демографического перехода необходимую для ее завершения универсальность, которую он использовал для предсказания демографического будущего России.

Характеризуя современную ему демографическую ситуацию на покинутой родине, Кулишер уже в 1928 г. писал: «Россия находится еще сейчас в довольно ранней стадии этого [переходного] процесса. Ускорение роста русского населения в конце XIX и начале XX века ... объясняется всецело уменьшением смертности, упавшей за вторую пол. XIX в.». Однако на основании универсального понимания направления демографических изменений, Кулишер определенно предполагал: «Несомненно, в России предстоит дальнейшее уменьшение смертности, но нет основания ожидать, что и она будет избавлена от уменьшения рождаемости».

Чтобы лучше оценить значение этого вывода Кулишера, полезно сравнить его с видением перспектив развития населения России в статье ведущего американского демографа тех лет У. Томпсона, признанного первопроходца теории демографического перехода [Szreter 1993: 661]. В этой статье, которая появилась через год после статьи Кулишера, Томпсон предполагал, что Россия, благодаря своим просторам, может надолго сохранить высокие темпы роста населения [Thompson 1929]. Обобщение Томпсона было менее универсальным и применительно к России оказалось ошибочным.

Информационным поводом для публикации второй статьи Кулишера, посвященной проблемам демографической динамики, стало появление первых результатов новой переписи населения Великобритании. Они отразили явное замедление темпов роста населения, характерное для той продвинутой фазы демографического перехода, которой оно достигло [Юниус (Кулишер) 1931]. Много позднее один из сотрудников «Последних

новостей» так вспоминал необычную способность Кулишера находить нужный ему для работы материал: «Ни одна строка, ни в одной газете на многих языках мира, если она могла быть ему полезной, не ускользала от его внимания. Когда он все это читал, никто не знал. Знания, информация, сведения от вопросов текущей политики до общественных наук и учений – все это, как губкой, всасывалось А.М. Кулишером» [Мейснер 1966: 201].

Для данной статьи Кулишера таким необходимым материалом явилась газетная публикация ведущего английского демографа того времени А. Карр-Саундерса, в которой тот обсуждал результаты новой переписи в своей стране [Carr-Saunders 1931]. Итоги британской переписи он рассматривал на фоне демографической ситуации в разных частях мира. При этом она содержала специальный раздел, посвященный населению России. Обращение к статье Карр-Саундерса позволило многое рассказать. Однако Кулишер далеко не во всем соглашается со своим маститым английским коллегой. В главном же, на что направлен интерес Кулишера, – демографическое будущее России – он определенно расходится с Карр-Саундерсом.

Английский демограф не находил общих закономерностей в демографическом развитии Западной Европы и России, рассматривал российские условия, как «азиатские». Он не видел в российской демографической ситуации 1920-х годов одну из стадий демографического развития, подобную той, на которой когда-то находились и страны Западной Европы.

Напротив, Кулишер в своей статье продолжает твердо придерживаться универсальной схемы демографического развития. Потому он, возражая английскому демографу, твердо отвергает такое различие: «Противоположение “Европы” и “Азии” тут едва ли более правильно, чем во всех подобных случаях». Говоря о демографических перспективах России Кулишер прозорливо пишет: «Эта стадия [быстрого роста в России] должна продолжаться до того момента, когда падение рождаемости начнет нагонять падение смертности. Все дело в том, чтобы достигнуть этого момента, без катастрофических истреблений человеческих жизней. Сам по себе, этот момент должен рано или поздно наступить». К сожалению, через год демографическая катастрофа разразится – придет голод 1932-1933 гг., который поразит все хлебопроизводящие районы СССР, а еще до того катастрофа придет в Казахстан.

В то же время Кулишер разделяет отрицательную оценку, данную Карр-Саундерсом утверждениям московских пропагандистов об имманентном для советского строя быстром росте населения. Согласно их толкованию работ К. Маркса, снижение рождаемости – это лишь удел капиталистического общества, тогда как при социализме население должно быстро расти. Хорошо известно, что этот «социалистический закон народонаселения» впоследствии еще многие десятилетия будет тормозить развитие советской демографии (см., например, [Волков 2014: 521]). Кулишер же, с присущим ему чутьем на идеологические повороты в большевистской России, показал читателям «Последних новостей» несостоятельность этой псевдонаучной догмы еще в тот момент, когда она только входила в канон советских пропагандистов.

Точка зрения Кулишера на демографические перспективы России вызывала резкое неприятие среди оппонентов «Последних новостей», конкурировавших с этим изданием за

влияние на умы российской послереволюционной эмиграции. Так, нападая на него, другая парижская газета «Возрождение» издевательски упоминала именно демографические воззрения ученого: «Говорили, будто Кулишер – бывший профессор военного времени, окончивший ускоренные научные курсы вместо пятилетки в два года. Биографы утверждали, кроме того, что Кулишер – бывший друг Шпенглера, внук Фейербаха и приемный сын Ницше. Говорили о нем также, будто его ученые работы о деторождаемости в России получили чрезвычайно широкую известность в крупных университетских центрах Конотопа, Винницы, Белой Церкви» [Псевдонимы ... 2016: 309].

Напротив, П.Н. Милюков, известный русский историк и политический деятель, отрицавший в принципе «особые пути» развития России [Дойков 2004: 211], кажется, вполне сочувствовал демографическим воззрениям Кулишера. Подтверждением тому является появление в «Последних новостях», направление которых всецело контролировалось Милюковым, менее чем через год после второй статьи Кулишера, новой его публикации, посвященной все той же теме [Юниус (Кулишер) 1932]. Эта статья представляет особый интерес тем, что отражает период бурного развития воззрений на население и инструментария демографических исследований на рубеже 1920-х и 1930-х годов.

«Похоже на то, что демографическая наука вступает в новую стадию», – писал в новой статье Кулишер. При этом он упоминает исследования двух немецких демографов – Р.Р. Кучинского и Э. Кана. Тут у современного читателя, естественно, возникает вопрос: почему рядом с Кучинским, автором хорошо известных классических работ, появляется имя Кана, незнакомое сегодня даже большинству специалистов? Напомним, что Кучинский в 1928 г. опубликовал на английском языке первый том своего фундаментального труда «Баланс рождений и смертей», посвященный странам Западной и Северной Европы [Kuczynski 1928]. Именно этот том имел в виду Кулишер, когда впервые упомянул Кучинского в своей предыдущей статье. Однако второй том исследования Кучинского, посвященный странам Восточной и Южной Европы [Kuczynski 1931], был опубликован в США только за несколько месяцев до написания третьей статьи Кулишера и, вполне вероятно, еще не дошел до него в Париже. Потому у Кулишера не было возможности использовать показатели, рассчитанные Кучинским (коэффициент суммарной рождаемости и нетто-коэффициент воспроизводства населения), для сравнения ситуации в России с другими странами мира при помощи этой системы измерителей.

В тоже время, между появлением первого и второго томов исследования Кучинского, в 1930 г., была опубликована книга Кана «Международная забастовка рождаемости» [Kahn 1930]. Ее автор был социально ориентированным экономистом. Это отражал уже подзаголовок его книги о рождаемости: «Масштаб, причины, последствия, контрмеры». Много лет спустя ведущий польский демограф Э. Россет писал об этой книге: «Хотя Кан не был демографом, он высказал много верных мыслей, значение которых мы можем полностью оценить сегодня, оглядываясь назад» [Россет 1968: 281].

В книге Кана были приведены его оценки уровня рождаемости для многих стран мира, включая Россию, которые привлекли внимание современников (см., например, [Correspondent 1931]). С ними и знакомит Кулишер читателя. Но Кан в своей книге исходил

из числа рождений на один брак для данного календарного периода. То, что этот показатель занижает оценку уровня рождаемости, т.к. не принимает во внимание распадение брачных союзов, Кучинский докажет только через пять лет после публикации книги Кана [Kuczynski 1935: 38]. На русском языке критика, данная Кучинским, была подробно представлена Б.Ц. Урланисом [2007: 91]. Однако приведя ее, этот известный ученый в той же работе все-таки использует данный грубый показатель в своих историко-демографических изысканиях, когда отсутствуют другие возможности для анализа [Урланис 2007: 93-94].

Впрочем, Кулишер в своей статье проявляет определенную осторожность, отмечая в ее конце, что упомянутые «методы исчисления ... вызывают и возражения, также не лишённые оснований». Стоит процитировать и самого Кана: «В данный момент кажется, что все говорит о сокращении населения. Однако никто не может знать, каких размеров достигнет это движение и как долго оно будет длиться, ибо привычки и взгляды людей так же трудно предвидеть, как и непосредственное влияние развития медицины на увеличение шансов на дожитие; это всегда нужно подчеркивать» [Kahn 1930: 208; цит. по Россет 1968: 281]. Действительно, бэби-бум в странах Запада, как и последствия открытия антибиотиков для всех стран мира оказались непредвиденными.

А вот предвидение Кулишера, данное в его третьей статье, сбылось. Ведь в ней, по существу, главный спор идет с мнением о наличии в России «неограниченного человеческого материала», который Сталин «бросает в топку своих “социалистических” заводов: уже этого-то добра, – русского народа, – всегда хватит». Возражая исповедующим данное заблуждение, которое разделял и сам большевистский вождь, Кулишер писал: «то огромное количество “рабсилы”, которое пока находится, – вернее, находилось, – в распоряжении Сталина, представляет собою чисто временное явление». И опять был прав!

Знакомство с тремя публикуемыми статьями А.М. Кулишера показывает, что он был едва ли не первым, кто ясно осознал и последовательно применил для истолкования как современных ему, так и будущих тенденций воспроизводства населения общую схему, известную сегодня как теория «демографического перехода» или «демографической революции». Именно исходя из этой концепции, он сумел верно предсказать демографическое будущее России. Развитие ее населения в XX веке, действительно, пошло по тому пути модернизации, который на рубеже 1920-х и 1930-х годов предвидел этот замечательный ученый (см., например, [Демографическая модернизация ... 2006]).

Публикуемые тексты статей приводятся в соответствии с правилами современной орфографии при сохранении основных особенностей пунктуации автора. Написание личных имен и географических названий соответствует тому, как они были первоначально напечатаны. Все примечания, в том числе данные внутри текстов статей, подготовлены мною. Копии статей стали доступны благодаря усилиям моего друга профессора Ш. Штампфера, за что я ему очень признателен. Фото А.М. Кулишера предоставлено архивом Института Жаботинского в Израиле, сотрудникам которого я также глубоко благодарен.

«ВЫМИРАНИЕ»

Юниус [Кулишер А.М.]

Последние новости (Париж). 1928. 8 февраля: 2.

Мне приходилось писать по поводу женеvской конференции о народонаселении (см. [Юниус (Кулишер) 1927]), на которой были приведены исчерпывающие фактические данные о развитии этого «вопроса всех вопросов» за последнее время и разыгрался резкий спор между сторонниками дальнейшего уменьшения рождаемости, опасавшимися перенаселения земного шара, и сторонниками увеличения рождаемости, опасавшимися вымирания наиболее культурных рас и народов. Выражение «сторонники» того и другого тут нужно понимать, конечно, весьма условно. В Женеве спорили ученые, задача которых заключалась прежде всего в том, чтобы правильно поставить вопрос и определить направление фактически происходящих стихийных процессов, очень мало поддающихся изменению путем воздействия той или иной пропаганды или политики. Но, разумеется, спорить о «желательности» столь сложных и глубоких явлений можно только уяснив себе предварительно в чем они собственно заключаются. К сожалению, как раз в этом вопросе громадная научная работа, проделанная в особенности за последнее время, остается почти совершенно неизвестной даже и образованной публике.

Сейчас сенсация по этому вопросу случилась в Англии, в которой за последний год рождаемость упала до «рекордной» цифры 16 на тысячу населения. Нужно заметить, что такая цифра за один год и выводы о предстоящем уменьшении населения на основании этой отдельной цифры, в действительности, представляют очень мало интереса. Статистика рождаемости и смертности имеет свои «фокусы». Еще недавно в Англии наблюдался значительный перевес рождаемости над смертностью при очень низком уровне обеих: 18 и 12 [на тысячу населения]. Знающие люди указывали, что крайне низкая смертность объясняется не только громадными успехами гигиены, – в особенности в области ухода за детьми, – но до некоторой степени является фиктивной, т.к. когда падает рождаемость, то уменьшается процент в населении маленьких детей, подверженных большой смертности; когда нынешнее поколение взрослых людей молодого и среднего возраста перейдет в разряд стариков и будет умирать, – общая смертность повысится и, вероятно, количество английского населения окажется почти неподвижным, как это уже давно случилось с французским населением. Но возможно и обратное: действительное уменьшение смертности среди лиц, не достигших половой зрелости или перешедших за нее, приводит, иногда к фиктивно низкой цифре рождаемости.

Таким образом, все рассуждения о том, что английское население в таком-то году «начнет уменьшаться» и т.п. не имеют большой ценности. Важна не сенсационная цифра одного года, а развитие за ряд лет. А это развитие показывает, что население Англии, равно как и ряда других стран: Швеции, Швейцарии, Германии и, по всей вероятности, Соед. Штатов Америки – явно переходит к тому состоянию неподвижности, в котором до мировой войны пребывало одно только население Франции.

Тут надо сделать очень существенную оговорку. Речь идет о неподвижности на основе низкой рождаемости и низкой смертности: в этом то и заключается новизна данного

явления в истории человеческого рода. Вообще говоря, состояние неподвижного числа населения было весьма обычным, можно думать нормальным состоянием человечества в течение громадных эпох истории. Народы не увеличивались численно, как не увеличивается нормально общее число животных того или иного вида, – и по тем же причинам. В конце XVIII века Адам Смит рассказывал о своих наблюдениях над тогдашними шотландскими горцами, у которых в семье нормально рождались десять детей, из которых столь же нормально выживали двое (см. [Смит 2007: 130]). Позже подобное же «нормальное» положение можно было наблюдать в России, – и сейчас от него недалеко ушли многие части Индии, Китая и т.д. В Индии девушка, не вышедшая замуж по достижении половой зрелости, навлекает общее презрение на свое семейство и жестокие религиозные кары на своих предков в ином мире. В некоторых провинциях четверть детей формально вступает в брак в возрасте 5-10 лет. И, действительно, рождаемость в Индии достигает 40 на тысячу [населения], но и смертность еще и теперь доходит до 36 [на тысячу населения]: 1/4 часть детей умирает до достижения одного года. До 1890 года население Индии не увеличивалось вовсе: детская смертность, эпидемии и голод поддерживали «равновесие». В этом то «равновесии», лишь от времени до времени прерывавшемся эпохами исключительного экономического прогресса и роста населения или же, нужно прибавить, эпохами жестокого уменьшения населения путем голодовок и войн, вроде эпохи тридцатилетней войны и т.п., и пребывало человечество в те блаженные времена, когда никто не боялся «вымирания» и «ослабления материнского инстинкта».

Если в настоящее время в Индии имеется сильный рост населения, – вызывающий толки о «перенаселении», – то это происходит отнюдь не вследствие еще большего увеличения плодовитости индусов, а исключительно вследствие некоторого сокращения смертности, по крайней мере прекращения голода, как «нормального» периодического явления. Огромный рост населения европейских стран в XIX веке также объясняется не увеличением рождаемости, а исключительно уменьшением смертности. Согласно выводам докладчика на женевской конференции, голландского проф. Метгорста, изучившего статистику 50 стран¹, большие приросты населения следует рассматривать в сущности как переходный период, когда успехи гигиены и общей культуры уже привели к сильному уменьшению смертности, но еще не наступило уменьшение рождаемости, которое, как показывает опыт всех стран, следует по пятам за этими успехами. Так именно было в частности в Англии, где история населения в особенности хорошо изучена: рост ее населения в конце XVIII и в XIX в. был результатом последовательного уменьшения смертности, несмотря на уменьшение рождаемости, обозначившееся уже начиная с 80-х гг. [XIX в.]. В Германии тот же процесс начался позже. В начале XX века она переживала период быстрого роста, и немцы кичились своей «жизненной» силой по сравнению с уже «выродившимися» французами и «вырождавшимися» англичанами и требовали на этом основании мировой гегемонии, в качестве «свежего и сильного» народа. Но после войны² и

¹ В публикации предварительной версии этого доклада подробно рассматриваются данные за 1919-1923 гг. по 55 странам мира [Methorst 1927b: 123-125]. Однако в тексте доклада, позднее появившемся в томе материалов женевской конференции, основное внимание было уделено Нидерландам, и там говорится лишь о данных по 35 странам за тот же период [Methorst 1927a: 172], что, вероятно, является опечаткой.

² Здесь и далее имеется в виду Первая мировая война и, соответственно период, предшествующий ей, когда говорится о довоенном времени.

германская цифра рождаемости быстро спустилась почти до уровня французской, «стабилизационной» цифры. Россия находится еще сейчас в довольно ранней стадии этого процесса. Ускорение роста русского населения в конце XIX и начале XX века также объясняется всецело уменьшением смертности, упавшей за вторую пол. XIX в. с 37 до 31 [на тысячу населения]. И эта последняя цифра представляется еще ужасной с западноевропейской точки зрения. Но и данное уменьшение дало в результате громадные рекордные приросты населения (17, а в нек. годы 22 на тыс. [населения]) благодаря еще очень высокой рождаемости. Несомненно, в России предстоит дальнейшее уменьшение смертности, но нет основания ожидать, что и она будет избавлена от уменьшения рождаемости.

Дело в том, что материнский инстинкт, который по теории Сутерленда (упомянутого в статье г. Дионео в «Посл[едних] Нов[остях]» по этому вопросу; см. [Дионео (Шкловский) 1928], а также [Sutherland 1898]) является источником всякой морали – этот материнский инстинкт никак нельзя смешивать с инстинктом продолжения рода и еще менее с инстинктом максимального деторождения. Иначе образцом материнской любви и всяческой морали нужно было бы считать кролика, а в человеческом роде – упомянутых выше индийских матерей или русских крестьянок старого времени, вечно беременных и вечно мечтавших о том, чтобы «Бог прибрал» кого-нибудь из детей. Усиление «материнского инстинкта» в смысле заботы о благополучии детей, – прежде всего о спасении их жизни, – есть как раз явление новейшего времени: оно и проводит к уменьшению детской смертности, но тот же «материнский» и вообще «родительский» инстинкт является одним из стимулов уменьшения рождаемости. У французских крестьян система «двух детей» мотивируется прямо желанием оставить сыну нераздробленный участок, – но и вообще одним из мотивов сокращения деторождения является стремление обеспечить средства на воспитание имеющихся детей. Наряду с этим, конечно, появляются и чисто эгоистические мотивы, приводящие к росту безбрачия и бесплодия, – не вследствие усиления в населении эгоизма как такового, а вследствие большей расчетливости и осторожности в принятии на себя известных обязательств.

«К добру или к худу» это явление, не стану решать. Во Франции отсутствие роста населения трактуется как опасность главным образом, с точки зрения военной обороны страны. Этот мотив естественно играет меньшую роль в Англии, где сторонники стабилизации или уменьшения населения усматривают в нем единственный выход из экономических затруднений, создавшихся вследствие того, что Англия потеряла свою промышленную монополию и не может более непрерывно завоевывать новые рынки для пропитания большого количества населения путем промышленного производства на вывоз.

Вообще, сторонники «контроля над рождаемостью» обычно утверждают, что после распашки лучших полей во всех частях света рост населения должен замедлиться: если это не произойдет путем уменьшения рождаемости, то это сделают голод, войны и т.д. Представители противоположного взгляда возражают, что пока стабилизация населения путем уменьшения рождаемости происходит лишь среди некоторых, притом наиболее передовых в социальном и культурном отношениях и наиболее богатых народов. Если бы этим народам «буржуям», действительно удалось достигнуть «равновесия» на основе высокого уровня благосостояния, то этим они только вызовут вящую зависть народов

«пролетариев», быстро размножающихся и бедствующих. Эти последние народы будут все более стремиться попасть в заповедный рай богатых стран, а запрещения иммиграции, вроде принятых сейчас Америкой³, приведут только к жестоким и кровавым конфликтам.

Как видно, это – вопрос действительно очень сложный, – вопрос, в котором более всего следует остерегаться упрощенных решений.

ЦИКЛ НАСЕЛЕНИЯ

Юниус [Кулишер А.М.]

Последние новости (Париж). 1931. 17 июля: 2.

Только что опубликованные данные переписи населения в Англии всецело подтверждают прогнозы, вытекающие из того цикла эволюции населения, о котором мне уже неоднократно приходилось говорить на этих столбцах. За десять лет, с 1921 г. население Англии и Уэльса возросло с 37.886.699 до 39.947.931. Нужно заметить, что это увеличение приходится всецело на счет Англии, так как в Уэльсе, напротив, есть небольшое уменьшение вследствие переселения в Англию. Такое же уменьшение было за то же время в Шотландии и в Ирландии. Из всей территории британских островов население растет только в Англии, в собственном смысле, т.е. разумеется в английских городах. По замечанию Гарольда Кокса⁴, этот рост дошел сейчас уже до такой пропорции, что дальнейшее его продолжение означало бы превращение всей страны в какое-то весьма неэстетичное городское предместье. Всесильный рост города продолжается неуклонно, несмотря на промышленный застой, несмотря на безработицу. Продолжается, с известной точки зрения, еще интенсивнее, чем раньше, и когда значительная часть прироста населения страны уходила за океан, и когда горнопромышленные местечки Южного Уэльса также притягивали к себе население. Теперь все это кончилось. Население стремится только в город и, притом, во все более крупные центры, которые и растут, занимая окружающую местность, просто физически ликвидируя деревни и местечки. Ожидать изменения этой тенденции не приходится. Она может быть ослаблена только уменьшением прироста населения в целом. Это, отчасти, уже наступило.

Сейчас в Англии население в 37 миллионов увеличилось за десять лет на два миллиона; в 70-х гг. [XIX в.] население в 26 миллионов увеличилось за тот же срок на три миллиона. Иначе говоря, не только произошло значительное уменьшение размножения населения – и относительного прироста, – но это уменьшение привело к тому, что уменьшился уже и абсолютный прирост. Мало того. И такой прирост может продолжаться еще лет десять, а затем, по расчетам статистического управления, должно наступить прямое уменьшение населения. Существующая рождаемость составляет всего 16 на тысячу, вместо довоенных 26. Правда, понизилась и смертность, – и этим объясняется продолжающийся все еще рост. Но это понижение смертности отчасти искусственное, – вследствие относительно большого процента взрослых людей в населении, по сравнению с маленькими

³ Имеются в виду ограничительные американские иммиграционные законы 1921 и 1924 гг.

⁴ Его острая критика процесса урбанизации наиболее полно дана в: [Сох 1922: 46-66].

детьми и стариками. Когда нынешнее поколение англичан – взрослых людей начнет вымирать, оно не будет замещено нынешними детьми, так как последние для этого недостаточно [много]численны. Эти прогнозы не могут претендовать на полную точность, так как неизвестно, насколько успехи медицины могут еще увеличить среднюю продолжительность человеческой жизни. Но если исходить из существующей тенденции, она, очевидно, ведет к стационарному и даже слегка уменьшающемуся населению в Англии, как и в других странах северо-западной Европы. По мнению американского статистика Кучинского, недавно опубликовавшего крупное исследование по этому вопросу (см. [Kuczynski 1928])⁵, тенденция к «вымиранию» особенно сильна как раз в Англии и в Германии, – в противоположность Франции, где рост населения остановился уже задолго до войны, но зато и не наблюдается такой тенденции, ведущей «книзу», как в упомянутых двух странах, где этот рост и сейчас еще продолжается. По тем же расчетам, и в Соед. Штатах наблюдается тенденция, правда, не к «вымиранию», но к стационарности. Значительный прирост имеется еще в Италии, которая сейчас находится еще на «гребне» цикла: рождаемость и смертность уменьшаются там параллельно, не изменяя результата, в смысле прироста. Как известно, Муссолини не перестает заявлять, что Италия должна «расшириться или взорваться», что не мешает ему вести политику еще большего увеличения населения⁶, объявлять войну тенденции к понижению рождаемости, очевидно, с целью накопления сил для замышляемого «взрыва».

Совсем иначе обстоит дело на востоке Европы: в Польше, в Румынии и, в особенности, в России. Как отмечает проф. Карр-Саундерс, в статье по поводу результатов английской переписи (см. [Carr-Saunders 1931]), советская власть по-своему следит за данными мировой статистики и делает из них свои выводы. Недавно английскому профессору пришлось выслушать по радио поучение из Москвы по части его науки. «Марксистские» социологи разъяснили, что «великолепный» рост населения в России, «великолепное» плодородие русских баб свидетельствует о довольстве населения, тогда как падение рождаемости в капиталистических странах свидетельствует об исчезновении в населении жизненного импульса, вследствие безрадостности буржуазного строя.

По мнению Карр-Саундерса, «жизненная сила» советского населения означает не что иное, как азиатские, в отличие от европейских, условия существования и размножения населения. Азиатская рождаемость не означает, правда, быстрого увеличения, так как ей соответствует «азиатская» же смертность как хроническая, так и «катастрофическая». Но, при малейшем понижении этой смертности, получается громадный прирост.

Противоположение «Европы» и «Азии» тут едва ли более правильно, чем во всех подобных случаях. Некогда и самая «настоящая» Европа знала положение неподвижного, в общем, числа населения, при высокой рождаемости и высокой же смертности. Так, во Франции население было, в среднем, стационарным с XIV по XVII в., хотя тогда бывали «нормальные» семьи не с двумя, а с десятью детьми. То, что не забирали болезни, то

⁵ Р.Р. Кучинский был немецким ученым, однако большинство его демографических работ опубликовано на английском языке, в том числе и та, напечатанная в США, которую имеет в виду А.М. Кулишер.

⁶ О пронаталисткой политике в фашистской Италии см., например, [Ipsen 1996].

ликвидировали от времени до времени голод, чума и войны, приблизительно так же, как это до сих пор делается в Китае. Понижение смертности со второй половины XVIII в. и создало большие приросты населения в одной стране за другой. Страной-пионером в этом отношении, как и в отношении всякого рода «модернизации» вообще, была та же, Англия, рост населения которой считался рекордным. Маркс, которого московские демографы, по-видимому, плохо читали, даже доказывал, что эта «жизненная сила» – создание капитализма, одно из капиталистических «зверств». Путем детского труда и т.п. капитализм поощряет рождаемость и нарочно создает себе тот пролетариат, который ему, капитализму, нужен. Капитализм сам заботится о том, чтобы человеческого материала всегда было слишком много, чтобы его можно было сколько угодно эксплуатировать. По аналогии, ортодоксальный марксист, в сущности, должен был бы обвинять советскую власть в том, что она сама создает тот беспощадно эксплуатируемый ею человеческий материал, который нужен ей для «индустриализации».

Объективно, однако, для такого обвинения нет основания, ибо теория Маркса по данному вопросу была вообще ошибочной. В действительности, сильный прирост населения в эпоху «расцветающего капитализма» является последствием не высокой рождаемости, как таковой, а падения смертности, при рождаемости не более высокой, чем прежде, даже уже начинающей слегка падать. Вот именно это и происходит сейчас в «модернизирующихся» восточноевропейских, южноамериканских, некоторых азиатских и африканских странах. Эта комбинация начинающей уже производить свое действие медицины и гигиены с еще совсем свежим и «наивным», в подавляющем большинстве, деревенским, по своим обычаям и психологии, населением и создает такой прирост населения, который внушает чувства нелепой «национальной гордости» и вызывает страхи у соседей. Особенность России заключается в том, что там значительный прирост населения идет непрерывно с первой половины XVIII в., – главным образом благодаря колонизации русских пространств, заменявшей, большей частью, катастрофическое истребление населения или эмиграцию.

Сейчас, однако, и Россия находится в разгаре процесса увеличения прироста, вследствие падения смертности при еще высокой, хотя уже начинающей падать рождаемости: рождаемость в 42 на тысячу [населения], (вместо довоенных 45), при смертности, упавшей до 18 [на тысячу населения]⁷, дает «рекордные» приросты.

Эта стадия должна продолжаться до того момента, когда падение рождаемости начнет нагонять падение смертности. Все дело в том, чтобы достигнуть этого момента, без катастрофических истреблений человеческих жизней. Сам по себе, этот момент должен рано или поздно наступить, – уже в силу самого факта переселения в города, куда стремится прирост населения, там же и подвергающийся известной «стерилизации»; городская рождаемость всегда ниже деревенской, – и едва ли не нормальным является такое положение, когда естественное развитие городского населения дает, само по себе, дефицит,

⁷ Приводимые показатели для европейской части СССР за 1928 г. соответствуют воспроизведенным позднее, когда А.М. Кулишера уже не было в живых, в книге его брата Е.М. Кулишера [Kulischer 1948: 80]. А.М. Кулишер был фактическим соавтором соответствующего раздела этой монографии, что еще раз подтверждается появлением в его публикации данных цифр задолго до издания упомянутой книги.

так что увеличение городского населения получается только вследствие того, что этот дефицит более чем компенсируется переселением в города. Но сам факт урбанизации населения, т.е. увеличения процента городского населения, должен рано или поздно привести к уменьшению общего прироста. Падение прироста относительного еще долго не означает падения прироста абсолютного, но затем начинает падать и этот последний, и, наконец, очевидно, должно наступить новое стационарное состояние на основе низкой рождаемости и смертности. Можно предположить, что в дальнейшем всякое удлинение человеческой жизни будет вызывать соответствующее уменьшение рождаемости. Этот процесс, вместе с тем, есть процесс «замены количества качеством». И вот почему передовым народам Европы, достигающим уже конца цикла, нет основания опасаться «жизненной силы» народов более отсталых, но идущих в конце концов по тому же пути.

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Юниус [Кулишер А.М.]

Последние новости (Париж). 1932. 2 апреля: 3.

Приходится вернуться к тому вопросу о населении, которому я посвятил уже столько фельетонов. Вопрос этот, от которого в конце концов зависит будущее современной культуры, претерпевает на наших глазах громадные изменения. То, что было гипотезой, становится установленным фактом. С другой стороны, «очевидные» факты оказываются результатами неточных статистических методов, и применение методов более точных открывает перспективы совсем иного рода.

Было время, когда остановка роста населения во Франции считалась исключением, свидетельствующим об особом «вырождении» французского народа в виду «застоя», вызванного французским мелкобуржуазным духом. Французские реакционеры усматривали в этом факте доказательство вредных последствий революции, разрушившей «семейственный» принцип. Им вторили реакционеры и милитаристы всех стран, вплоть до Троцкого. Этот образованный писатель и «революционный» деятель остановился в своих познаниях по данному вопросу на «довоенном» уровне и до сих пор приводит остановку роста населения во Франции, как такой факт, после которого об этом «остановившемся» народе с его «остановившимся» строем и говорить не стоит.

В отношении же остального человечества было принято за несомненное положение, что ему полагается быть перенаселенным. Военные философы и философствующие военные с великим презрением относились к тем, кто указывал на неразумность войны: причем тут разум, раз народам суждено «задохнуться» из-за отсутствия пространства, необходимого для непрерывно образующихся «излишков»? А так как эти «излишки» образуются повсюду, то суровые представители воинственных начал всегда имеют выбор: или указывать на наличность «излишков» в данной стране и требовать «неизбежной» войны, или же предостерегать против всякого поползновения данного народа уменьшить производство своих «излишков», ссылаясь на тот факт, что этот народ будет затоплен «излишками», которые непрерывно производятся у соседей.

После войны стали замечать, что и еще некоторые народы, кроме французского, начинают проявлять тенденцию к такому же «застою» и более заинтересованы в обеспечении возможности приличного существования для своего потомства, чем в умножении количества этого потомства. Англичане, шведы, швейцарцы, – даже, удивительно, немцы, – принялись «вырождаться» с большой быстротой. Тогда национально настроенные исследователи пришли к следующему выводу. Все северные европейцы, все наиболее «передовые» нации идут постепенно к «застою». Эти нации явно потеряли биологическую «волю к жизни». Тем хуже для них. Другое дело, более свежие нации. Во-первых, итальянцы. Италия, по словам Муссолини, должна «или взорваться, или расширяться». На следующий же год цифры падающей рождаемости начали указывать как будто, что итальянский народ предпочитает некоторый третий выход. Не смей, – приказал Муссолини. Как же вы хотите расширяться, если вы не будете увеличивать то перенаселение, на которое я так красноречиво жалуюсь?

И уж, во всяком случае, если вся Западная Европа «вырождается», тем хуже для нее. Это значит, что она будет захлестнута страшной волной с востока. Там, среди славянских народов: в Польше, а уже, в особенности, в России, идет чудовищный рост населения. Берегись Европа, – у Сталина излишек человеческого материала! В этом уверен и сам Сталин; уверены и те «переучившиеся» в эмиграции, которые открыли великую мудрость этого вождя в том, что он так «сурово» не считается с человеческим материалом, который бросает в топки своих «социалистических» заводов: уже этого-то добра, – русского народа, – всегда хватит.

Похоже на то, что демографическая наука вступает в новую стадию. Исследования Кучинского (о котором мне уже как-то приходилось говорить)⁸, Эрнста Кана (см. [Kahn 1930]) и др. ставят вопрос в совершенно новую плоскость. Если верить этим исследователям, то через одно-два десятилетия, а, может быть, и раньше, придется вообще прекратить разговоры об излишках человеческого материала, о «суровой» необходимости эксплуатации этого материала, который «используют» суровые властители. Придется и прекратить «пугание» одних народов «излишками» других и приступить к необычайно бережному, без всякой суровости, обращению с этим человеческим материалом, который, очевидно, никакой этой суровости терпеть более не намерен, никаким «волевым центрам» «использовать» себя не даст и на всякий разгул «волевых импульсов» отвечает быстрейшим сокращением своего собственного «воспроизводства».

Новая школа в демографии указывает прежде всего на крайнюю неточность обычных до последнего времени методов, как бы прямо рассчитанных на то, чтобы создавать неверные представления о фактическом ходе развития населения.

Возьмем простой пример. Если сравнить число рождений и число смертных случаев в Германии, то получается превышение рождаемости, – «естественный прирост», в количестве около 400 000 чел. в год, – около 5 на тысячу. Это меньше, чем до войны, когда было более 800 000, – около 14 на тысячу. И национально настроенные круги этим крайне недовольны, так как воспроизводство военной силы, необходимой для завоевания

⁸ См. предыдущую статью.

«пространства», идет недостаточно быстро. Но все-таки население увеличивается, – в Германии и без того перенаселенной. И раз другие народы не хотят дать немцам нужного «пространства», – какой же тут остается выход, кроме Гитлера?

Но посмотрим на этот вопрос с иной точки зрения. Если бы все рождающиеся дети выживали, и, в свою очередь, производили потомство, то достаточно было бы двух детей на каждый брак, чтобы поддержать население на том же уровне, а при количестве более двух детей, должно было бы наступить увеличение населения. В действительности, это, конечно, не так, ибо многие умирают в детстве, многие не вступают вовсе в брак. Значит, для воспроизводства того же числа населения, – не говоря уже об его увеличении, – нужно, чтобы каждая супружеская чета, в среднем, производила более двух детей. Этот минимум для Германии, – имея в виду цифры детской смертности и безбрачия, – можно считать в три ребенка, в среднем, на каждую семью. В действительности же, это число составляет сейчас менее двух (1,9)⁹. Иначе говоря, германское население в действительности быстро идет к уменьшению.

Разгадка противоречия этих цифр заключается в том, что германское население довольно быстро увеличивалось вплоть до войны (вследствие быстрого падения смертности, несмотря на некоторое падение рождаемости, – все-таки в XX в., до войны, рождаемость на одну брачную чету составляла 4). Во время же и со времени войны наступило крайне быстрое падение рождаемости. В результате, число молодых людей брачного и «производительного» возраста в германском населении непропорционально велико, по сравнению с детьми и стариками. Поэтому сейчас смертность искусственно понижена, а рождаемость (на все население) искусственно повышена, так как процент лиц, вступающих в брак, очень велик. Когда же нынешние молодые люди состарятся, а их место займут нынешние подростки, значительно менее [много]численные, то смертность повысится, а рождаемость упадет, – как то уже случилось в Англии, где рост населения уже и «формально» остановился.

Так как во Франции рост населения остановился еще до войны, то во французском населении процент стариков гораздо больше и поэтому французская смертность кажется выше германской. Эта разница (18 на тыс. [населения] смертность во Франции, вместо 14 в Германии) объясняется, как признают теперь и немецкие статистики, только высоким процентом стариков во французском населении, а вовсе не отсталыми будто бы санитарными условиями. В действительности, средняя продолжительность жизни француза выше, чем таковая же немца, детская смертность во Франции ниже, чем в Германии. Количество же детей на одну семью во Франции несколько выше. Факт тот, что французское население уже давно начало приспособляться к условиям новой культуры, немецкое же впопыхах приспособляется только теперь. Во Франции можно ожидать очень медленного уменьшения населения, замедляемого миграцией, в Германии это уменьшение пойдет с большой быстротой.

⁹ Цифра приведена согласно расчетам Э. Кана: [Kahn 1930: 12].

Но как же обстоит дело со «славянским наводнением», – в особенности, с «неограниченным человеческим материалом» в России?

Верно то, что в странах Восточной Европы понижение рождаемости до войны было почти незаметным, хотя понижение смертности шло довольно быстро. Тем скорее идет «приспособление» в настоящее время. Опять-таки общие цифры рождаемости и смертности вводят в заблуждение. Если исходит из этих цифр, то процент прироста населения в России составляет сейчас рекордную цифру в 24 на тыс. (рождаемость: 42, против смертности: 18)¹⁰. Но эти цифры объясняются опять-таки огромным процентом молодых людей брачного и «производительного» возраста. В виду этого, рождаемость на все население в России понизилась всего с 45 на тыс. довоенных до 42. В действительности же, понижение плодovitости населения несравненно более значительно. Среднее число детей на один брак в России составляет уже сейчас только три (вместо 5,5 довоенных)¹¹, и эта цифра неуклонно понижается из года в год. По мнению Э. Кана, – имея в виду цифру детской смертности в России, более высокую, чем в Германии, – нужно ставить вопрос, не начинается ли уже и в России фактический дефицит населения. Во всяком случае, то огромное количество «рабсилы», которое пока находится, – вернее, находилось, – в распоряжении Сталина, представляет собою чисто временное явление.

Ограничимся пока приведением этих данных. Новейшие методы исчисления развития населения, путем которых получаются эти выводы, вызывают и возражения, также не лишённые оснований. Но не считаться с этими методами, – при их большой ясности, силе и определенности получаемых результатов, – очевидно невозможно. На анализе этих результатов с более общей точки зрения, остановимся как-нибудь в другой раз¹².

ЛИТЕРАТУРА

Вишневский А.Г. (2005). Избранные демографические труды. Т. I. М.: Наука. 368 с.

Вишневский А., М. Тольц (2015). Незамеченный вклад в теорию демографического перехода // Демографическое обозрение. 2(4): 6-34. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1767> (дата обращения: 08.02.2018).

Волков А.Г. (2014). Избранные демографические труды. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 567 с.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 (2006) / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство. 608 с.

¹⁰ См. примечание 7.

¹¹ Здесь автор исходит из цифр в книге Э. Кана [Kahn 1930: 64-65], однако там для 1900 г. показатель равен 5,4. Позднее Р.Р. Кучинский на примере для Украины подверг критике эти оценки и показал, что величина показателя для 1929 г. должна быть оценена выше, если принять во внимание распадение брачных союзов: 3,6 рождения на один брак, тогда как расчет Э. Кана давал только 3,1 рождения [Kuczynski 1935: 38]. Отметим, что при отсутствии в его распоряжении данных за 1929 г. Э. Кан принял показатель для всего СССР равным указанной заниженной оценке для Украины за этот год – 3,1 рождения [Kahn 1930: 65].

¹² Продолжение цикла в доступных нам номерах газеты «Последние новости» не найдено (возможно, не состоялось).

- Дионео [Шкловский И.В.]. (1928). К добру или к худу? // Последние новости (Париж). 29 января: 2.
- Дойков Ю.В. (2004). Самые знаменитые историки России. М.: Вече. 384 с.
- Дойков Ю.В. (2009). Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2. Архангельск. 488 с. URL: <http://doikov.com/tag/pitirim-sorokin/> (дата обращения: 08.02.2018).
- Кулишер И.М. (2004). История экономического быта Западной Европы. 9-е изд. Челябинск: Социум. 1030 с.
- Кулишер М.И. (1887). Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб.: Типография И.Н. Скороходова. 290 с.
- Мейснер Д.И. (1966). Миражи и действительность: записки эмигранта. М.: АПН. 298 с.
- Псевдонимы русского зарубежья (2016) / Под ред. М. Шрубы, О. Коростелева. М.: НЛО. 656 с.
- Раев М. (1994). Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919-1939. М.: Прогресс-Академия. 296 с.
- Россет Э. (1968). Процесс старения населения. М.: Статистика. 510 с.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо. 1056 с.
- Тольц М. (2015). Забытый энциклопедист: Михаил Игнатьевич Кулишер (1847-1919) // Еврейская старина. 2. URL: <http://berkovich-zametki.com/Starina0.php?srce=85> (дата обращения: 08.02.2018).
- Тольц М. (2017). Первая Всемирная конференция по народонаселению глазами двух русских участников-эмигрантов // Демографическое обозрение. 4(4): 170-190. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7534> (дата обращения: 08.02.2018).
- Урланис Б.Ц. (2007). Историческая демография: избранные труды. М.: Наука. 468 с.
- Юниус [Кулишер А.М.]. (1927). Куда идет человечество? // Последние новости (Париж). 10 сентября: 3; перепечатано в: Демографическое обозрение. 2017. 4(4): 173-176. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7534> (дата обращения: 08.02.2018).
- Юниус [Кулишер А.М.]. (1928). «Вымирание» // Последние новости (Париж). 8 февраля: 2.
- Юниус [Кулишер А.М.]. (1931). Цикл населения // Последние новости (Париж). 17 июля: 2.
- Юниус [Кулишер А.М.]. (1932). Будущее человечества // Последние новости (Париж). 2 апреля: 3.
- Carr-Saunders A.M. (1931). The coming drop in population // The Observer (London). 12 July: 17.
- Correspondent. (1931). The decline of the birth rate // The Journal of the American Medical Association. 97(20): 1477-1488.
- Cox H. (1922). The problem of population. London: Jonathan Cape. 198 p.
- Hodgson D. (1993). Demography as social science and policy science // Population and Development Review. 9(1): 1-34.
- Ipsen C. (1996). Dictating demography: the problem of population in Fascist Italy. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 281 p.

- Kahn E. (1930). *Der Internationale Geburtenstreik: Umfang, Ursachen, Wirkungen, Gegenmaßnahmen?* Frankfurt am Main: Societäts-Verlag. 218 s.
- Kuczynski R.R. (1928). *The balance of births and deaths. Vol. I: Western and Northern Europe.* New York: Macmillan. 170 p.
- Kuczynski R.R. (1931). *The balance of births and deaths. Vol. II: Eastern and Southern Europe.* Washington DC: The Brookings Institution. 140 p.
- Kuczynski R.R. (1935). *The measurement of population growth: methods and results.* London: Sidgwick and Jackson. 255 p.
- Kulischer A., E. Kulischer (1932). *Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung.* Berlin – Leipzig: Walter de Gruyter. 238 s.
- Kulischer E.M. (1948). *Europe on the move: war and population changes, 1917-1947.* New York: Columbia University Press. 377 p.
- Methorst H.W. (1927a). *Results of differential birth rate in The Netherlands // Proceedings of the World Population Conference / Sanger M., ed. London: Edward Arnold: 169-190.*
- Methorst H.W. (1927b). *Survey of birth-rates of the World // Eugenic Review. 19(2): 116–127.*
- Ross E.A. (1909). *Changing America.* New York: Chautaugua Press. 236 p.
- Scifres D. (1964). *Consideration of Edward A. Ross as a progressive in the 1920's.* Thesis (M.A.). University of Wisconsin – Madison. 194 p.
- Sutherland A. (1898). *The origin and growth of the moral instinct. Vol. 1.* London: Longmans, Green, and Co. 461 p.
- Szreter S. (1993). *The idea of demographic transition and the study of fertility change: a critical intellectual history // Population and Development Review. 19(4): 659-701.*
- Thompson W.S. (1929). *Population // American Journal of Sociology. 34(6): 959-975.*

ALEXANDER KULISCHER ON THE DEMOGRAPHIC FUTURE OF RUSSIA

MARK TOLTS

At the turn of the 1920s and 1930s, Alexander Kulischer published three demographic articles in the most authoritative and widely read newspaper of the Russian post-revolutionary emigration – “Poslednie novosti” [The Latest News] (Paris). These articles were devoted to problems of population dynamics in some countries around the world. They were the first where the general scheme of demographic changes – now known as the concept of a “demographic transition” or “demographic revolution” – was used in predicting the demographic future of Russia. This publication provides these articles, which are now almost inaccessible to contemporary readers. A preface and helpful explanations have been added to the articles. The preface explains Kulischer’s articles in the context of the development of demography of that period and his interest in the demographic future of Russia.

Key words: history of demography, demographic transition, demographic revolution, demographic dynamics, fertility, mortality, population of Russia, Alexander Kulischer [Alexandre Koulicher] (1890-1942).

MARK TOLTS (mtolts@huji.ac.il), HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM, ISRAEL.
(PREFACE, PREPARATION OF THE TEXT FOR PUBLICATION AND COMMENTS)

ALEXANDER KULISCHER [ALEXANDRE KOULICHER] (1890-1942).

DATE RECEIVED : APRIL 2018.

REFERENCES

- Carr-Saunders A.M. (1931). The coming drop in population // The Observer (London). 12 July: 17.
- Correspondent. (1931). The decline of the birth rate // The journal of the American Medical Association. 97(20): 1477-1488.
- Cox H. (1922). The problem of population. London: Jonathan Cape. 198 p.
- Демографическая модернизация России, 1900-2000 [Demographic modernization of Russia, 1900-2000] (2006) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Novoye izdatel'stvo [New Publishing House]. 608 p.
- Dioneo [Shklovsky I.V.]. (1928). K dobru ili k khudu? [For better or for worse?] // Poslednie novosti [The latest news] (Paris). 29 January: 2.
- Doykov Yu.V. (2004). Samyye znamenityye istoriki Rossii [The most famous Russian historians]. Moscow: Veche. 384 p.
- Doykov Yu.V. (2009). Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografiya [Pitirim Sorokin. Man out of season. Biography]. Vol. 2. Arkhangelsk. 488 p. URL: <http://doykov.com/tag/pitirim-sorokin/> (accessed: 08.02.2018).
- Hodgson D. (1993). Demography as social science and policy science // Population and Development Review. 9(1): 1-34.
- Ipsen C. (1996). Dictating demography: the problem of population in Fascist Italy. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 281 p.
- Junius [Kulischer A.M.]. (1927). Kuda idet chelovechestvo? [Where is humankind heading?] // Poslednie novosti [The latest news] (Paris). 10 September: 3; republished in:

- Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. 2017. 4(4): 173-176. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7534> (accessed: 08.02.2018).
- Junius [Kulisher A.M.]. (1928). «Vymiranie» [Extinction] // Poslednie novosti [The latest news] (Paris). 8 February: 2.
- Junius [Kulisher A.M.]. (1931). Tsikl naseleniya [Population cycle] // Poslednie novosti [The latest news] (Paris). 17 July: 2.
- Junius [Kulisher A.M.]. (1932). Budushcheye chelovechestva [The future of humankind] // Poslednie novosti [The latest news] (Paris). 2 April: 3.
- Kahn E. (1930). Der Internationale Geburtenstreik: Umfang, Ursachen, Wirkungen, Gegenmaßnahmen? Frankfurt am Main: Societäts-Verlag. 218 s.
- Kuczynski R.R. (1928). The balance of births and deaths. Vol. I: Western and Northern Europe. New York: Macmillan. 170 p.
- Kuczynski R.R. (1931). The balance of births and deaths. Vol. II: Eastern and Southern Europe. Washington DC: The Brookings Institution. 140 p.
- Kuczynski R.R. (1935). The measurement of population growth: methods and results. London: Sidgwick and Jackson. 255 p.
- Kulischer A., E. Kulischer (1932). Kriegs- und Wanderzüge. Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin – Leipzig: Walter de Gruyter. 238 s.
- Kulischer E.M. (1948). Europe on the move: war and population changes, 1917-1947. New York: Columbia University Press. 377 p.
- Kulischer I.M. (2004). Istoriya ekonomicheskogo byta Zapadnoy Evropy [History of economic life in Western Europe]. 9th ed. Chelyabinsk: Sotsium. 1030 p.
- Kulischer M.I. (1887). Ocherki sravnitel'noy etnografii i kul'tury [Essays on comparative ethnography and culture]. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova [Print shop I.N. Skorokhodov]. 290 p.
- Meisner D.I. (1966). Mirazhi i deystvitel'nost': zapiski emigranta [Mirages and reality: notes of an émigré]. Moscow: APN. 298 p.
- Methorst H.W. (1927a). Results of differential birth rate in The Netherlands // Proceedings of the World Population Conference / Sanger M., ed. London: Edward Arnold: 169-190.
- Methorst H.W. (1927b). Survey of birth-rates of the World // Eugenic Review. 19(2): 116–127.
- Pseudonimy russkogo zarubezh'ya [Pseudonyms of the Russian Diaspora] (2016) / M. Schrub, O. Korostelev, eds. Moscow: NLO. 656 p.
- Raëff M. (1994). Rossiya za rubezhom: istoriya kul'tury russkoy emigratsii. 1919-1939 [Russia abroad: a cultural history of the Russian emigration. 1919-1939]. Moscow: Progress-Akademiya. 296 p.
- Ross E.A. (1909). Changing America. New York: Chautaugua Press. 236 p.
- Rosset E. (1968). Protsess stareniya naseleniya [Aging process of population]. M.: Statistika. 510 p.
- Scifres D. (1964). Consideration of Edward A. Ross as a progressive in the 1920's. Thesis (M.A.). University of Wisconsin – Madison. 194 p.
- Smith A. (2007). Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: Eksmo. 1056 p.

- Sutherland A. (1898). The origin and growth of the moral instinct. Vol. 1. London: Longmans, Green, and Co. 461 p.
- Szreter S. (1993). The idea of demographic transition and the study of fertility change: a critical intellectual history // *Population and Development Review*. 19(4): 659-701.
- Thompson W.S. (1929). Population // *American Journal of Sociology*. 34(6): 959-975.
- Tolts M. (2015). Zabytyy entsiklopedist: Mikhail Ignat'evich Kulisher [A forgotten polymath: Mikhail I. Kulischer] (1847-1919) // *Yevreyskaya starina* [Jewish antiquity]. 2. URL: <http://berkovich-zametki.com/Starina0.php?srce=85> (accessed: 08.02.2018).
- Tolts M. (2017). Pervaya vseмирnaya konferentsiya po narodonaseleniyu glazami dvukh russkikh uchastnikov-emigrantov [The first world population conference through the eyes of two Russian emigrant participants] // *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. 4(4): 170-190. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7534> (accessed: 08.02.2018).
- Urlanis B.Ts. (2007). Istoricheskaya demografiya: izbrannyye trudy [Historical demography: selected works]. Moscow: Nauka. 468 p.
- Vishnevsky A.G. (2005). Izbrannyye demograficheskie trudy [Selected demographic works]. Vol. I. Moscow: Nauka. 368 p.
- Vishnevsky A., M. Tolts (2015). Nezamechennyy vklad v teoriyu demograficheskogo perekhoda [An unnoticed contribution to demographic transition theory] // *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. 2(4): 6-34. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1767> (accessed: 08.02.2018).
- Volkov A.G. (2014). Izbrannyye demograficheskiye trudy [Selected demographic works]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki [HSE Publishing House]. 567 p.

ДОРОГИЕ ДЕТИ, БЕДНЫЕ МАТЕРИ

Рецензия на книгу Анны Шадринной «Дорогие дети.

Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке»

ЛЮБОВЬ БОРУСЯК

Новая книга Анны Шадринной «Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке», опубликованная издательством «Новое литературное обозрение» в мае 2018 г. была награждена премией «ЛибМиссия» в номинации «Аналитика». Эта книга не является строго научной, академической, хотя базируется на большом теоретическом материале, автор хорошо знакома с научной литературой. Она не является и публицистической, хотя может быть интересна широкому кругу читателей. Как и в своей предыдущей книге, Анна Шадринная пытается осмыслить свой личный опыт: на этот раз сложных отношений с матерью и рефлексию по поводу того, хочет ли она сама стать матерью. В рецензии анализируются основные идеи автора книги по поводу того, насколько в современном мире высоки требования к матерям, как они переживают это давление, как понимается сегодня понятие «ответственного материнства». При этом большое внимание уделяется описанию соотношения биологического и социального в материнстве. Кроме научной литературы автор книги использует метод самонаблюдения, она подробно иллюстрирует свои соображения, базируясь на художественных фильмах, сериалах, художественной литературе. Не все главы книги представляются одинаково убедительными, тем не менее, «Дорогие дети» представляют существенный интерес для социологов, психологов, демографов, специалистов в области гендерных исследований.

Ключевые слова: материнство, дети, гендер, женская занятость, ответственное материнство, семейные роли, социальные институты.

В издательстве «Новое литературное обозрение» вышла вторая книга социолога и журналистки Анны Шадринной: «Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке» [Шадринная 2017]¹. Как и ее предыдущая книга «Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака» [Шадринная 2014], новая книга не является академическим трудом, но и не относится к публицистическому жанру. Пожалуй, для определения жанровой принадлежности ее работ больше всего подходит название рубрики, под которой много лет публикует свои статьи в журнале «Неприкосновенный запас» Алексей Левинсон: «Лирическая социология». С одной стороны, сама Шадринная так объясняет появление своей новой книги: «Эта книга – личный проект. Как большинство моих текстов, она выросла из боли» [7], так же она могла определить и стимул для написания своей первой книги. Тогда она пыталась переосмыслить свой личный опыт драматических отношений с любимым мужчиной, на этот раз книгу предваряет посвящение «Моей маме», она «горела желанием разгадать загадку, которая в тот момент волновала меня больше других: почему мои отношения с мамой – самым близким и дорогим человеком – такие сложные и порой болезненные».

Любовь Фридриховна Борусяк (lborusyak@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья поступила в редакцию в мае 2018 г.

¹ Далее при цитировании или отсылке к книге указывается только номер страницы.

Но была и еще одна причина: «Помимо желания выяснить, как устроены наши семейные роли, у меня была еще одна важная причина для изучения социального института материнства – я надеялась разобраться с собственными репродуктивными намерениями» [7]. На пороге 40-летия автор книги пыталась с ее помощью переосмыслить свои детские обиды и понять, хочет ли она стать матерью, как в прошлый раз ей важно было понять, как живут и что чувствуют женщины, выбравшие жизнь «соло». При этом книги Шадриной вполне фундированные, при их написании она опирается на большое количество литературы, сама проводит исследования – интервью и фокус-группы. Замысел своей книги она формулирует следующим образом: «Обобщая, можно сказать, что центральным фокусом данной работы являются превращения образа матери в культуре на фоне драматических социальных перемен» [32].

В центре ее интересов современные российские и белорусские женщины – преимущественно образованные представительницы той группы населения, которую у нас с некоторой условностью принято называть средним классом. Она сама относится к этой группе, следовательно, сталкивается с теми же проблемами, что и они, поэтому один из ее исследовательских методов – самонаблюдение. В начале новой книги она специально обращает внимание на то, что она дочь, у которой сложно складывались отношения с матерью, но сама она (пока) не мать, а потому не может опираться на собственный материнский опыт. Впрочем, в пятой главе в параграфе «Как я была няней» она описывает свой опыт ухода за маленьким мальчиком, который помог ей отчасти почувствовать те проблемы, с которыми сталкиваются современные мамы. Вопрос о том, нужно ли социологу прожить и почувствовать то, о чем он(а) пишет, остается открытым.

Анна Шадрина честно и открыто заявляет в своих книгах, что они и о ней, о проблемах, которые ее волнуют не только как исследователя, но и как человека, женщину. О такой побудительной причине редко говорят и пишут социологи, но на самом деле такой побудительный мотив совсем не редок: какая-то социальная проблема затрагивает его сначала как человека, личность, гражданина, а потом исследователь начинает свою профессиональную работу. Единственная проблема при этом – необходимость по возможности быть максимально нейтральным, чтобы собственные эмоции и представления не делали исследование смещенным. Всегда ли это удастся Шадриной? На мой взгляд, не всегда, хотя она и старается этого добиться, опираясь на знание литературы, разных мнений по той или иной теме.

Название книги «Дорогие дети» сразу вызывает ряд ассоциаций, и тут виден журналистский опыт автора. Эти дети дорогие, потому что любимые. Они дорогие, потому что дорого (тяжело) достаются матерям, они дорогие и потому, что сегодня их воспитание, образование, развитие, обеспечение всем необходимым требует немало денежных средств, это «недешевое удовольствие». В книге с той или иной степенью успешности сделана попытка разобраться со всеми этими компонентами материнско-детских отношений. А вот часть подзаголовка («Сокращение рождаемости») не должна вводить читателей в заблуждение. Собственно о снижении рождаемости в книге говорится довольно мало. Низкая рождаемость – это в большей степени тот фон, на котором разворачивается исследование сложностей современного материнства.

«Дорогие дети» состоят из подробного пролога, где автор рассказывает свою личную историю, шести глав и эпилога. Сразу отмечу, что одна из глав не очень логически связана с основным посылом книги, больше напоминает вставную новеллу, возможно, это подход к следующей книге. Я имею в виду главу четвертую «Семейные ценности» против семьи, или Кто расшатывает брачную лодку?»

БЫТЬ, КАЗАТЬСЯ И ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ: ЧТО ИЗ ЭТОГО ВОЗМОЖНО?

Первая глава книги называется «Материнская теория: можно ли быть «хорошей матерью»?» Это главный для всей книги вопрос, на него сразу дается отрицательный ответ, который потом будет с разных сторон рассматриваться на протяжении всего повествования. Правда, в самом названии заключается некоторое лукавство: речь идет не о том, что такое *быть* хорошей матерью, это тема не для социолога, а о том, может ли современная женщина, осуществляющая «ответственное материнство», как это часто обозначается в книге, *чувствовать себя* хорошей матерью, какие коннотации включает сегодня это понятие и *чего ждет общество* от «хорошей матери». По мнению автора, современная мать остро чувствует свою ответственность перед ребенком, референтной группой, обществом за выполнение своих материнских функций и всегда испытывает чувство вины, потому что эти требования завышены до уровня невыполнимости. Да еще при этом она должна испытывать счастье от своего материнства, потому что быть матерью, с точки зрения общества, это именно безоблачное счастье. Она не имеет права уставать, раздражаться, сердиться на ребенка, потому что это противоречит суровым социальным ожиданиям. Вот наиболее характерные цитаты по этому поводу: «Публичные атаки на матерей в медиа отражают общественную ситуацию, которую многие женщины, согласившиеся дать интервью для моей книги, описывают так: «Современная мать должна всем, но странным образом, ей никто ничего не должен» [18], «У современной матери нет права быть такой, какая она есть, - она обязывается соответствовать размытому и неуловимому идеалу «хорошей матери» [19]. А поскольку этот образ неуловим, то он недостижим по определению.

Автор пишет о принудительности мнения, что женщине сама природа предписывает заботиться, не получая ответной заботы, дети – это только ее зона ответственности, и как бы ни высока была эта ответственность, она должна (общество ее обязывает) заниматься всем этим не только с готовностью, но и с любовью и удовольствием. Она не имеет права открыть свои переживания, свою неудовлетворенность жизнью (вплоть до рефлексии, а нужно ли ей было заводить детей). Шадрина, и это видно из всего текста, категорически не приемлет такую ситуацию, она кажется ей несправедливой, невротизирующей миллионы женщин, а потому «Я предпринимаю попытку демистифицировать идею «естественного материнского блаженства», натурализирующую труд матери как «биологическую потребность заботиться о других» [35].

Демистифицируя потребность в материнской заботе как естественное предназначение женщины, автор книги обращается к истории, показывая на примерах из научной литературы, что полная ответственность за ребенка присуща далеко не всем

историческим периодам и не всем культурам. Столь высокой, как сейчас, она, по-видимому, не было никогда. Не очень удачным мне кажется пример Анны Карениной, которую никто не обвинял в том, что она плохая мать, в качестве подтверждения тезиса, что такие обвинения не предъявлялись в XIX веке. Во-первых, Толстой постоянно делает акцент на ее глубокой любви к сыну Сереже. Он как бы заранее снимает возможные обвинения в слабом материнском чувстве. В этом, кстати, отличие от ее отношения к дочери Ане: здесь слабую материнскую привязанность Толстой подчеркивает, например, сообщая, что Анна-мать не знает, сколько у маленькой дочки зубов, т.е. передоверив малышку няне, она устранилась от ее воспитания. А во-вторых, все-таки главной темой этой линии романа Льва Толстого является борьба между страстью и супружеским долгом, а не между страстью и долгом материнским.

Анна Шадрина очень много пишет о том, что страдающие от усталости, перегруженности заботами по уходу за домом и ребенком женщины боятся открыться перед другими как в личном общении, так и в социальных сетях. Они вынуждены скрывать свои чувства, опасаясь осуждения, а потому выкладывают в Интернет красивые фотографии с прелестными нарядами детьми и подписями, где сообщает о своем безмятежном материнском счастье. В результате идет цепная реакция: все презентуют «материнское блаженство» и, хотя сами не вполне искренни, верят, что у других все обстоит именно так. А потому они плохие матери, другие ведь вполне счастливы и гораздо лучше выполняют свои семейные и материнские обязанности.

Сделаю небольшую ремарку. Несколько лет назад действительно преобладала именно такая риторика, но в последние два-три года произошли существенные изменения. Я много лет занимаюсь мониторингом обсуждений на родительских форумах и в сообществах в социальных сетях, и эти изменения там видны очень четко, причем происходят с большим ускорением. С одной стороны, популярными остаются прежние форматы материнской самопрезентации: посты о своей безграничной любви к ребенку (детям), фотографии улыбающихся ухоженных мам с детьми. С другой - несколько лет назад появились как своего рода «материнское диссидентство», постепенно переходящие в мейнстрим посты, где женщины пишут о своей невыносимой усталости, послеродовой депрессии, отсутствии времени «для себя» (очень часто это подтверждается такого рода примерами: *«Я уже три года в туалет одна пойти не могу», «В душе бываю раз в неделю и то пять минут»*, т.е. не могут удовлетворить самые элементарные базовые потребности). Очень часто пишут о своей замкнутости только на ребенке, отсутствии общения: *«Я обожаю своих детей, но живу, как в тюрьме, запертая ото всего мира»* и др. Становится модным показать полную невыносимость для молодых матерей такой ситуации и ее безысходность, отсутствие приемлемого выхода. Во многих дискуссиях в Интернете идет соревнование между мамами, кому живется тяжелее. Каждая находит аргументы, почему именно она страдает больше. С одной стороны, такое самоотречение должно подчеркнуть героизм материнства, пусть признанный только такими же товарищами по (не)счастью. Как правило, такие посты заканчиваются словами о том, что самопожертвование не напрасно, женщина идет на него ради самого ценного – ребенка. Но это является прямым подтверждением тезиса Анны Шадриной о том, что «материнское блаженство» не имеет биологического основания. С другой стороны, это такая пассивная форма борьбы со

стереотипными представлениями о том, что материнство достается без больших усилий. И здесь они адресуются уже не к референтной группе матерей, а ко всему обществу.

Важно, что представления о норме не статичны, они меняются. Ведь повествуя о своих тяготах, женщины ожидают сочувствия и уважения со стороны общества за свой невидимый и неоплачиваемый труд, а это уже не чувство вины за плохое выполнение материнских обязанностей. Ведь если материнство – это героизм, то общество должно поощрять героев на символическом уровне. Но пока в основном сохраняется представление о том, что все эти тяготы с женщиной не должны делить другие члены семьи, в том числе мужа. Некоторые женщины с гордостью сообщают, что мужа им помогают в уходе за ребенком, но это не стало нормой, это, скорее, особая ситуация. В представлении матерей, в том числе образованных представительниц среднего класса, дом и дети – это по-прежнему в основном зона женской ответственности. Очень редко проблематизируется норма, которая подробно анализируется в книге, что хорошая мать должна быть самоотверженной, что интересы ребенка преобладают над интересами матери. Как бы ни уставала женщина, как бы тяжело ей не давалось материнство, она обязана дать ребенку все, в чем он имеет потребность, а свои потребности ребенок знает. Правда, все чаще появляются посты в социальных сетях и на материнских форумах, где женщины сообщают, что не считают нужным заниматься с детьми ранним развитием, гулять два раза в день и др., но такие матери заранее, защищаясь, называют себя «ехиднами», а реакция на их высказывания бывает достаточно бурной и противоречивой. При этом такие недавно возникшие, но жесткие нормы, как необходимость длительного грудного вскармливания (ребенок должен «висеть на груди», чтобы получить еду в любое время, когда она потребуется), совместного с ребенком сна и другие, не подвергаются сомнению. За исключением слишком радикальных высказываний: если женщина сообщает, что кормит ребенка грудью больше трех лет, это тоже вызывает у многих негодование.

ХОРОШАЯ МАТЬ И ЕЕ РАБОТА

Анна Шадрина пишет: «От современной матери ожидается нацеленность на профессиональное и непрерывное выполнение постоянно расширяющегося списка навыков: медицинских, педагогических, психологических, менеджерских. Предполагается, что интенсивный уход – наилучшая из известных концепций, соответствующая потребностям женщин и детей» [110]. Хотя некоторые экспектации из этого набора сейчас начали подвергаться сомнению, но в целом они сохраняются. Не вызывает сомнений и представление о том, что никто не может обеспечить ребенку уход такого качества, как мать. Все замещающие мать лица воспринимаются как допустимые, но уступающие матери в этой роли. Характерно, что сохраняется традиционалистское представление о том, что уход за ребенком – это женское дело, недоступное мужчинам, поэтому замещающим лицом могут быть няни и бабушки, но не отцы детей. Их дело (и здесь Россия пока весьма патриархальна) обеспечивать семью деньгами, «*приносить мамонта*», как это принято формулировать на материнских форумах.

Тема работающих матерей, их проблем и отношения к ним общества, одна из важных в книге «Дорогие дети»: «Если целью советской семейной политики виделось

содействие женщинам в совмещении семейных функций и работы вне дома, то нынешний внутривластный курс провозглашает одомашнивание женщин наилучшим решением проблемы. Очевидно, что такой план реализуем только в контексте гетеросексуального брачного союза» [174]. То, что консервативный политический курс ориентирует женщин на максимально «полноценное» выполнение своих «данных природой» функций, несомненно. Сами женщины эту государственную риторику хорошо знают, а потому часто в ходе интернет-обсуждений обиженно пишут, что государство призывает их рожать, но помощи почти не оказывает. Шадрина часто сравнивает ситуацию при социализме, когда государство помогало женщинам-матерям, с современной капиталистической ситуацией, когда оно стремится уклониться от своих социальных обязанностей. Я не уверена, что для описания ситуации релевантна марксистская теория, хотя бы потому, что современная ситуация не укладывается в рамки этой теории. Есть страны, прежде всего Скандинавские, где помощь государства семьям с детьми огромна, значительно больше, чем была во времена СССР. Есть страны, где государство гораздо меньше помогает семьям (например, США). Поскольку в задачи автора не входил анализ социально-политической системы разных стран, то мне кажется, что анализ, основанный на противопоставлении «при капитализме так, а при социализме иначе», не очень удачен, плохо объясняет происходящие перемены.

Автор книги справедливо пишет, что очень жестко нормативными в современной России стали представления, что до 3 лет ребенок должен быть с матерью, что он объективно, биологически в этом нуждается и без этого страдает. Это означает, что без крайней необходимости женщине не следует выходить на работу до достижения ребенком этого возраста. Но довольно слабо прописано, как сформировалась эта норма. Справедливо указано, что и в послесоветское время отдавать детей в ясли, особенно на пятидневку, считалось нежелательным. Предпочтительным было доверить ребенка замечавшему мать лицу, в основном бабушке. После того, как в соответствии с п.2 Постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 августа 1989 г. №677 "Об увеличении продолжительности отпусков женщинам, имеющим малолетних детей", отпуск по уходу (с сохранением стажа) был продлен до трех лет, начала формироваться эта норма. Тем более, что это происходило на фоне мощной государственной пропаганды важности длительной «полноценной» материнской заботы для детей. Данный период характеризуется выраженной пронаталистской государственной демографической политикой, о чем упоминается в книге.

В ситуации детоцентризма, когда потребности детей ставятся выше потребностей остальных членов семьи, а также консервативной государственной риторики о женском предназначении выбор, сколько времени находиться с ребенком до выхода на работу и выходить ли вообще, часто приобретает драматический характер, но все-таки далеко не всегда. Как в советское, так и в постсоветское время, один кормилец в абсолютном числе семей не мог и не может обеспечить семье приемлемый уровень жизни, особенно сегодня, когда стандарты существенно выросли. Не говоря о том, что женщины понимают, как хрупок сегодня брак, а оставшись без мужа и без работы, но с детьми, они неизбежно окажутся в сложнейшей ситуации. Не случайно сегодня стандартным стало: «Кроме нас (*матерей – ЛБ*) наш ребенок никому не нужен». «Мы», т.е. матери, противопоставляются

«им»), т.е. государственным институтам, а зачастую и мужу, отцу ребенка. Единственные, от кого зависит жизнь и будущее ребенка, – это только матери. Поэтому на уровне риторики женщины могут поддерживать традиционные ценности (как они их понимают), но на уровне практик возвращаться к чисто домашней жизни хотят или решаются очень немногие. Вопрос только в том, сколько нужно неотрывно заниматься ребенком.

И вот тут норма «с ребенком надо быть до трех лет» действует достаточно жестко. Недавно мне пришлось читать очень активную дискуссию на материнском форуме, инициированную женщиной, имеющую двух достаточно взрослых сыновей, родившей дочь и практически сразу вернувшейся на работу. У нее свой бизнес, который требует постоянного контроля. В качестве оправдания, что она доверила дочь няне, она сообщила, что продолжает грудное вскармливание: замораживает грудное молоко. Поскольку речь не шла о выживании матери и ребенка (семья хорошо обеспеченная), то такое поведение женщины ожидаемо вызвало большое возмущение: «Если ребенок тебе не нужен, зачем его рожала?», словно она полностью отказалась от материнской функции. Это вполне согласуется со следующим утверждением автора книги: «Работающие матери, возвращающие новые поколения на пересечении парадигм детоцентризма и глобального капитализма, часто сталкиваются с дискриминирующим суждением: «Для чего нужны дети, если за ними присматривают няни или другие люди?» В ситуации, когда, с одной стороны, культура не изобилует позитивными женскими образами, не связанными с материнством, а с другой стороны, необходимость зарабатывать является безоговорочным условием жизни, эта риторика, не предлагая решения проблемы, лишь внушает современницам чувство вины за несоответствие воображаемому стандарту «хорошей матери» [253].

Маленький ребенок должен быть с матерью – это очень жесткая российская норма. В противном случае он испытает депривацию, будет травмирован, возможно, на всю жизнь. Многие помнят наружную рекламу, которая некоторое время назад была представлена на улицах городов. На постере был изображен мальчик в очках, который что-то вяжет, закусив губу. Слоган: «Весь в няню!»² На сайте социальной рекламы под этом рекламным образцом написано: «Для детей дорога каждая минута, проведенная с мамой и папой. Это единственное, что способно их сделать по-настоящему счастливыми. Сумасшедший ритм жизни с его встречами, дедлайнами, авралами подчас не оставляет современным родителям время на своих детей. Понять взрослых можно — они делают все возможное, чтобы их ребенок ни в чем не нуждался, и они могли бы исполнять все его желания. Но при этом они совершенно забывают, что для малыша проведенное вместе время намного важнее, чем содержимое кошелек». Иными словами, бедность не является причиной выходить на работу, поскольку это идет в ущерб развитию ребенка. И это при том, что ребенок на рекламном баннере не младенец, а старший дошкольник.

Тем не менее, если полная занятость матери маленьких детей вызывает негативное отношение общества, то ее работа из дома или частичная занятость, если мать основную часть времени проводит дома, вполне поддерживается. Хотя очевидно, что при этом

² URL: <http://vse-ravno.net/campaigns/people/vremya-s-detmi> (дата обращения: 05.05.2018).

женщины испытывают очень большие нагрузки: ребенок, работа, домашние обязанности. И если неработающие матери уже начали испытывать сочувствие за свое самопожертвование, то частично работающие или работающие из дома - в значительно меньшей степени. Предполагается, что это их собственный выбор. Между тем во многих странах считается нормой в двух-трехмесячном возрасте выходить на работу и отдавать ребенка в детский сад или нанимать няню. При этом женщины не испытывают выраженного чувства вины и не считают, что наносят ребенку травму. Но это происходит в тех странах, где женщины не имеют права на длительный отпуск по уходу за ребенком.

Понятно, что возвращение женщины к трудовой деятельности у нас является нормой уже много десятилетий, и теперь это остается нормой, особенно если речь идет не о младенцах, а о детях постарше. Шадрина пишет: «В наши дни большинство женщин совмещают материнство и профессиональную занятость. Но текущая концепция материнства, подразумевающая интенсивное погружение в заботу о детях, плохо согласуется с нарастающей соревновательностью на рынке труда. В условиях неолиберального поворота ответственность за детскую дошкольную социализацию постепенно передается семьям: время «декретных» отпусков увеличивается, в то время как количество детских садов и яслей сокращается» [218]. Отсюда необходимость в использовании замещающих лиц для ухода за ребенком. Отметим, что все-таки большинство детей старше 3 лет по-прежнему посещает детские сады, сокращение мест в детских дошкольных учреждениях коснулось, прежде всего, яслей. Поэтому не вполне справедливым кажется утверждение, что происходит переход к домашнему дошкольному воспитанию детей. Но кто становится замещающим мать лицом?

В книге написано: «Увеличивается количество работающих пенсионеров, в связи с чем сокращается помощь «института бабушек». В такой ситуации все большее количество семей вынуждено переадресовывать часть домашнего труда наемным специалисткам» [219]. И вот с тезисом о том, что матери именно *вынуждены* передавать часть домашнего труда наемным специалистам, хочется поспорить. В некоторых случаях это именно так, особенно если семья испытывает значительные финансовые трудности, но во многих дело обстоит иначе. Знаменитый советский «институт бабушек» переживает кризис не только из-за того, что они сами работают, а потому не могут и не хотят «сидеть» с внуками. Если есть финансовая возможность, многие мамы предпочитают нанять няню, а не использовать помощь своей матери (свекровям детей доверяют вообще значительно реже). Почему? Отчасти ответ есть в шестой главе книги «Жизнь без боли»: детская психологическая травма как продукт», значительная часть которой посвящена сложным отношениям взрослых женщин с мамами. В том числе Шадрина пишет и о своих сложных отношениях с матерью. Правда, она не переносит эту проблему на выбор няни как предпочтительной альтернативы бабушке. Один из параграфов главы называется «Почему мама «вмешивается?»» Речь идет о том, что мамы вполне взрослых женщин «вмешиваются» в их жизнь, пытаются сохранять свою власть, какой она была, когда дочка была ребенком. Но молодые женщины не хотят, чтобы бабушки «вмешивались» в воспитание их детей, они это воспринимают как вторжение в свою и только свою зону ответственности. Они могут требовать от няни выполнять свои требования, от своей мамы они и хотели бы требовать того же, но не получается. Я множество раз читала возмущенные высказывания молодых

мам, что бабушки их не слушают, делают все по-своему, а их опыт устарел, они портят внуков. Идеальная бабушка в этом смысле это та, которая понимает, что дочь оказывает ей большую честь, разрешая оставаться с внуками, а потому выполняет все ее требования. При этом безвозмездно в большинстве случаев. Бабушки же расценивают свой уход за внуками как помощь дочери, за которую та должна быть благодарна, а потому считают себя вправе самой решать, как воспитывать детей. Фактически здесь речь идет о власти и статусе. В советское время, когда бабушкам не было замены, эта власть была на их стороне. Сейчас, если дочь способна нанять няню, даже если это для ее семьи тяжело финансово, она считает, что ее материнский статус выше, а потому ее мать должна начать подчиняться требованиям.

В целом в книге очень подробно и интересно анализируются отношения двух взрослых женщин, а затем Шадрина переходит к анализу чрезвычайно актуальной для сегодняшнего социума детской травмы. Сама автор пишет, что, много общаясь с матерью, работая над книгой, смогла пережить свои детские травмы, взглянула на них новыми, «взрослыми» глазами, встала на позицию своей матери и отпустила детские обиды.

Что касается современных материнско-детских отношений, то причины такого мощного давления на матерей, любой неверный шаг которых в воспитании приводит к детским травмам, она объясняет так: «Практика призывания к жизни подвергнутых цензуре переживаний, критическое осмысление категории «счастья», интернализация понятия «психологическая травма» являются результатом перехода от культурной логики, действующей при социализме, к новой, капиталистической идеологии. С отменой «железного занавеса» и приходом популярной психологии в «нашу часть света» к функции контроля над эмоциями присоединяется рынок и тот новый экспертный институт, который он предлагает» [290]. Я не уверена, что муссирование, в том числе коммерческое, детских травм это результат перехода России от социализма к капитализму, что здесь правомерна такая теоретическая рамка. Мне она кажется слабо объяснительной. Тем не менее сам разговор о детских травмах как важном конструкте материнско-детских отношений кажется очень важным и своевременным. В частности, это относится к дисциплинирующей матерей концепции воспитания, основанной на обязательном счастье детей: «Несмотря на всю эфемерность, знак счастья является реально действующей дисциплинирующей категорией. В культуре «принудительного счастья» любые жизненные сложности, препятствия на пути к удовлетворению желаний и неудачи описываются не как условия для развития личности, но как провал взрослых, прежде всего, матерей, не сумевших обеспечить эмоциональную безопасность для своих детей» [290].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, в этой книге есть немало мелких ошибок. Например, медикализация беременности и родов началась в 1920-е, а не в 1930-е годы [119]. Или на странице 133 сказано, что к 1970 г. 51% женщин работали вне дома, а это доля женщин среди занятых внедомашним трудом, а не среди всех женщин. Проблема проживания детей не с родителями, а с другими родственниками начала обсуждаться не в начале XXI века [159], а значительно раньше. Об этом, например, песня группы «Верасы» «Я у бабушки живу, я у дедушки живу», очень популярная еще в 1970-е годы. Не очень удачными являются многие

примеры фильмов, приведенные в третьей главе «Родина-мать, мать и мачеха: превращения (пост)советского материнства». На примере фильмов, снятых в разные десятилетия, автор пыталась показать «как меняющиеся представления о роли матери отражаются в культуре» [137]. Сам прием вполне допустим: показывая материнско-детскую риторику разных эпох, можно сделать вполне валидные выводы. Но в данном случае попытка, как мне кажется, удалась далеко не полностью. У автора была концепция, что происходило в тот или иной период времени, под эту концепцию она, хотя и не всегда с точным попаданием, подбирала фильмы. Мне кажется, что более правильным было бы поступать наоборот: анализировать фильмы разных десятилетий и на их основе формировать свою концепцию, но тогда не удалось бы ограничиться четырьмя фильмами за 10-летний период. Очень жаль, что в результате очень важные фильмы, не укладывающиеся в концепцию, в анализ не попали. Например, вызвавший в свое время огромную дискуссию фильм Юлия Райзмана «Странная женщина» с Ириной Купченко в главной роли. В этом фильме женщина уезжает из дома в поисках себя, оставив не только мужа, но и сына, т.е. она поставила самоактуализацию выше своей материнской функции. Насколько я могу судить, это был первый пример такого рода в советском кино. Да и само описание материнства в ту или иную эпоху не всегда релевантно ситуации. В частности, не очень понятна идея 1970-х годов: «В 1970-ые годы начинает ставиться под сомнение идея полностью обобществленного воспитания детей» [141]. К тому времени эта идея давно выглядела анахронизмом.

Кроме того, сама периодизация не всегда позволяла при небольшом числе фильмов (4 на каждое десятилетие) увидеть главные тренды, потому что внутри временного промежутка происходили коренные изменения. Это относится и к 40-м годам и особенно к перестроечному и постсоветскому периоду.

Уже отмечалось, что одна из глав не имеет непосредственного отношения к теме книги. В четвертой главе «Семейные ценности» против семьи, или Кто расшатывает семейную лодку» [166-217] очень мало говорится о материнско-детских отношениях, почти вся глава посвящена отношениям женщин с реальными или потенциальными партнерами, причем эти отношения автор критикует с феминистских позиций как крайне неравноправные, не партнерские. Между тем, анализ почти полностью построен на очень подробном описании телесериала Валерии Гай Германики «Краткий курс счастливой жизни». Далеко не всё из написанного кажется убедительным, но не очень понятно, зачем этот сюжет необходим именно для книги «Дорогие дети».

Тем не менее книга Анны Шадринной «Дорогие дети» мне кажется очень важной. Это весьма серьезная заявка на описание и анализ очень сложной и болезненной социальной проблемы: почему материнство как социальный институт в его современном понимании порождает мощные напряжения у женщин в их материнской роли. В начале книги, как уже цитировалось выше, автор книги писала о том, что ее исследование должно было внести ясность в ее собственные репродуктивные намерения. Этой ясности исследование ей не дало. Возможно потому, что она четко определила проблемы, но не увидела никаких путей для их решения.

ЛИТЕРАТУРА

Шадрина А. (2014). Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака. М.: Новое литературное обозрение. 240 с.

Шадрина А. (2017). Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение. 392 с.

PRECIOUS CHILDREN, POOR MOTHERS

Review of Anna Shadrina's book "Precious children: The fall in fertility and the rise in the price of motherhood in the 21st century"

LIUBOV BORUSYAK

The new book by Anna Shadrina, "Precious Children: The fall in fertility and the rise in the price of motherhood in the 21st century," published by the New Literary Observer in May 2018, won the "LibMissiya" Prize for Analytics. While not, strictly speaking, an academic book, it is based on a broad theoretical foundation and the author is well versed in current research. But the book is not journalistic either, although it will be of interest to large audiences. As in her previous book, Anna Shadrina tries here to make sense of her personal experience - in this case, of the complex relationship with her mother and her reflections on whether she wants to become a mother herself. This review analyses the book's main ideas: how great are the demands made on mothers by modern society, how mothers experience this pressure, and how "responsible motherhood" is understood today. Anna Shadrina focuses particularly on the interrelation between the biological and the social aspects of motherhood. In addition to scientific literature, she uses the method of introspection and illustrates her ideas using movies, TV series, and fiction. Not all chapters are equally convincing, yet "Precious Children" is of significant interest for sociologists, psychologists, demographers, and scholars in gender studies.

Key words: *motherhood, children, gender, female employment, responsible motherhood, family roles, social institutions.*

LIUBOV BORUSYAK (lborusyak@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DATE RECEIVED: MAY 2018.

REFERENCES

Shadrina A. (2014). Ne zamuzhem. Seks, lyubov' i sem'ya za predelami braka [Not married. Sex, love and family outside marriage]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 240 p.

Shadrina A. (2017). Dorogie deti. Sokrashchenie rozhdaimosti i rost «tseny» materinstva v XXI veke [Precious Children: The fall in fertility and the rise in the price of motherhood in the 21st century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p.

**ОТ ПРОСТОРОВ К ПРОСТРАНСТВАМ:
О ПОИСКЕ ГЕОГРАФИИ В КНИГЕ О ГЕОГРАФИИ**
Рецензия на коллективную монографию
под ред. С.А. Панарина «От века бронзового до века
цифрового: феномен миграции во времени»

ФЁДОР ПОПОВ

Размышления о невозможности комплексного изучения миграций без обращения к географии как способу познания действительности. На примере коллективной монографии, созданной без непосредственного участия географов, показывается, что пространственная природа феномена проявляется даже при формальном отсутствии внимания к ней. Коллективный труд по исследованию миграций сравнивается с воображённым атласом: за каждым из разделов монографии стоит своя воображённая карта или серия карт, которые связаны между собой как общей структурой книги, так и множеством внутренних отсылок и переключек.

***Ключевые слова:** коллективная монография, миграции, история миграций, перемещение, пространство, география, воображённая карта, атлас.*

Неписанные правила научного этикета требуют, чтобы составитель коллективной монографии в обязательном порядке извинился перед читателем во вступлении к книге за то, что та, по его мнению, вышла недостаточно цельной, структурированной, сюжетно выдержанной. Такова будто бы неизбежная плата за возможность аккумулировать под одной обложкой знания и опыт специалистов разного профиля, разных взглядов, разного культурного бэкграунда. За предисловием к каждой такой работе стоит незримый и недостижимый образ идеального коллективного труда – пестрого, но монолитного, многоголосого, но логически выверенного, внутренне разнородного, но полностью подчиненного единой идее, глобального как по замыслу, так и по исполнению.

Составитель и научный редактор представляемой монографии Сергей Панарин не отходит от сложившейся традиции, уравновешивая громкое заглавие скромным указанием в предисловии на «самый первый, можно сказать, стихийный, приступ к совместной работе...» [30] и сопровождая подчеркиваемое им же разнообразие авторских позиций и поднимаемых частных вопросов непритязательным сравнением со случайной выборкой. В этом отношении визуально органично смотрится и проскользнувшая в заключении отсылка (в другом контексте и с другими целями) к гипотезе Марка Эпштейна, в котором «дерзость посылок сопрягается с кротостью выводов» [320]. Получившаяся, пусть, возможно, и непреднамеренно, переключка между двумя «рамочными» разделами книги удачно оттеняет ее почти ритуальный дуализм.

ФЁДОР АРКАДЬЕВИЧ ПОПОВ (fpopov15@gmail.com), Московский ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. Ломоносова, Россия.

Статья поступила в редакцию в мае 2018 г.

Замах у монографии действительно масштабный. Только из заглавия и тринадцати строчек аннотации можно сделать вывод о как минимум трех аспектах, в которых она претендует на глобальность. Во-первых, это то, на чем делается основной акцент в позиционировании книги, – *широкие временные рамки*, охватывающие более трех тысячелетий от кризиса бронзового века до сегодняшних дней. При этом корпус текстов не расслаивается на «исторический» и «современный» блоки, поскольку многие авторы сами разворачивают свои частные исследования вдоль ленты времени, рассматривая современность лишь как актуальный срез изучаемых миграционных процессов.

Во-вторых, это *планетарный охват*: отсутствие заявленных пространственных рамок всего проекта позволяет считать, что его создатели стремились ухватить феномен не только во всем историческом, но и во всем географическом разнообразии, хотя среди разделов и ощущается объяснимый перекосяк в сторону «восточных» сюжетов, а, например, обе Америки начисто выпадают из поля зрения авторов.

В-третьих, – и это традиционный «козырь» в руках составителей коллективной монографии – ее крайне *разношерстный авторский коллектив*. Тематика миграций не монополизирована ни одним научным направлением, что делает их перспективным объектом междисциплинарных исследований. Среди авторов книги (на что обращается внимание и в предисловии, и в аннотации) присутствуют историки, международники, этнологи, археологи, социологи, антропологи, политологи, социальные психологи, филологи. Список выглядит исчерпывающим – за одним исключением.

Среди авторов нет ни одного географа.

Разумеется, это никак нельзя считать упреком составителям монографии, винить в этом географы могут только себя (внимание к междисциплинарным проектам никогда не было сильной стороной российского географического сообщества). И в то же время миграция как процесс пространственно детерминированный, сводимый в пределе к перемещению человека из точки А в точку Б, буквально *требует* географического взгляда, тем более если коллективный труд притягивает, пусть и неявно, на комплексность подходов к исследованию миграций. Можно ли изучать пресловутые «стрелочки на карте», не имея ни карт, ни даже самих стрелочек? Без географов в коллективе и без географии в арсенале?

Ответ получается дифференцированным. Без географов – увы, можно. Без географии – боюсь, нельзя. Без географии, по-видимому, просто не получится. И данная коллективная монография – с почти мак-наббсовским равнодушием к географии как к научной дисциплине, единственной (!) картой на 436 страницах и горсткой ссылок на Ж.А. Зайончковскую – есть в гораздо большей степени книга о географии, чем иные «сертифицированные» географические труды. И дело даже не в наличии отдельной главы, посвященной влиянию природных факторов на миграции: вопреки распространенному мнению, география – это не только природа, географические факторы не тождественны природным. География изучает пространство, а пространство здесь сквозит в каждом сюжете, проступает в каждом разделе, причем порой настолько явно, что невольно хочется процитировать (слегка не к месту) мультипликационного пирата Черного Пса, вопрошавшего «Где карта, Билли? Нам нужна карта...». Карт действительно остро не хватает – а это значит, что есть что картографировать.

Особенно любопытно выглядит вступительная статья Сергея Панарина, задуманная как своего рода поклон Старику Времени, но в то же время насквозь пропитанная географическими по сути и духу измышлениями. Рассуждая о семантическом дрейфе понятия «миграция», автор постоянно держит в поле зрения его смысловое ядро, на которое наслаиваются (и от которого отслаиваются) текущие оттенки восприятия, – миграция есть движение в пространстве, перемещение, переселение, вектор, та самая «стрелочка» на (мысленной) карте. И вся эволюция человечества, более того, сам процесс антропогенеза, предстает в виде непрекращающегося движения вдоль таких стрелочек. Общественная история во всей своей полноте элементарно кладется на карту, причем не потому, что это *возможно*, а потому что это *необходимо*. Совсем не кроткие заключения даже для географа. Отдельных слов заслуживает язык, на котором все это излагается. Миграция как «путь от свободных просторов – к пространствам, человеком-мигрантом одновременно расширяемым, разграничиваемым и изменяемым» [17] – такой цитатой, без сомнения, гордился бы любой убежденный географ (да простит меня автор за то, что я беззастенчиво сократил ее и в таком виде вынес в заглавие рецензии).

Прочие разделы монографии, составляющие ее содержательное «тело», в большинстве своем скорее игнорируют пространственность раскрываемых в них сюжетов, чем подчеркивают ее. Из общего ряда выпадают два текста. Прежде всего, это анализ трансформации системы социокультурных границ внутри казахстанского общества под действием миграций, проведенный Александром Алексеенко и Ольгой Колесниковой. Хотя формально социокультурные границы не всегда четко выражены в пространстве, рассмотрение их в связи с миграционными процессами автоматически переводит их в территориальную плоскость, превращает в географические объекты, что позволяет авторам делать такие – вполне географические по сути – выводы, как «Фактически шло переселение из одного «параллельного мира» в другой, и пересечение границы «миров» имело для казахов гораздо более глубокие последствия, чем пересечение государственной границы эмигрирующими русскими» [190]. Понятие границы используется и в других разделах, но, увы, без соответствующей рефлексии.

Другой нетипичный для данной монографии текст – это эссе Мариям Арпентьевой, посвященное феномену цифрового номадизма. Помещая в фокус исследования «нового кочевника», мобильного профессионала (журналиста, бизнесмена, студента), существующего в рамках нового же внепространственного и вневременного бытия, автор нарочито дегеографизирует текст, практически полностью очищая его от топонимов и любых других территориальных привязок. Такое выпячиваемое отвержение пространственности рассматриваемых процессов, как бы это странно ни звучало, является прямым доказательством признания автором географической природы миграций: провозглашение выхода на пределы некоторой системы координат означает как минимум подтверждение существования данной системы координат.

Что касается остальных разделов, то они, повторимся, склонны молчаливо обходить вниманием пространственные аспекты миграционных процессов. Для части из них это более или менее оправдано: в основном, это тексты из второй половины книги, посвященные восприятию мигрантов в странах-акцепторах, воздействию привнесенного мигрантами культурного и языкового багажа на структуру принимающего общества и др.,

т.е. те, в которых изучаются именно последствия миграций, а не сами миграции, где исходные перемещения де-факто выносятся за пределы области исследования. Впрочем, как минимум, поясняющая карта не помешала бы ни одному из разделов книги.

Как бы то ни было, основная масса текстов сфокусирована непосредственно на миграциях и тем самым крепко завязана на пространстве: помимо поисков ответов на вопросы «кто», «когда», «почему», «зачем» и «к чему это приведет», в соответствии с которыми строится рубрикация книги, большинство авторов так или иначе сталкиваются с вопросами «откуда», «куда» и «каким путем». Одни сосредоточиваются на определении областей исхода мигрантов, другие подробно разбирают их размещение в регионах прибытия, третьих более всего интересует сам путь, направление движения, четвертые заняты анализом всего поля, на котором протекают миграционные процессы. Для одних погружение в пространство сводится к дифференциации стран, откуда приезжают или куда устремляются мигранты, другие работают с целостными регионами, насыщая текст бесчисленным числом топонимов, маркирующих перемещения, третьи опускаются на внутригородской уровень, рассуждая в категориях этнических кварталов, исторических центров и примыкающих улиц. Отвернуться от пространства оказывается не так просто – оно само вторгается в рассуждения и где-то даже устанавливает свои порядки. О непрошенности гостя напоминает лишь отсутствие карт, без которых текст местами сползает в трудно перевариваемое нагромождение географических названий.

Иными словами, добрая половина включенных в книгу текстов оказываются похожими (где-то частично, а где-то и целиком) на аналитические записки при несуществующих картах. Некоторые разделы и вовсе оборачиваются их скрупулезным описанием, фактическим воплощением карт в тексте. И если уйти дальше в область сравнений и представить, что за каждым или почти каждым разделом стоит *воображенная географическая карта*, то вся коллективная монография предстает *воображенным географическим атласом*. Аналогия немного неуклюжая, но, если вдуматься, не столь уж и наивная.

Атлас – это не просто механическое собрание сюжетно близких карт, а их система, и ровно то же самое, только в отношении научных текстов, можно сказать и о коллективной монографии. Разница здесь в том, что атлас – даже если он и создан группой авторов – гораздо проще подчинить единой идее, единому заданию, заранее унифицирующему нужным образом все кирпичики-карты, тогда как коллективную монографию даже при ясности замысла приходится собирать из неизменно разнородных элементов. Но если в представленной в предисловии характеристике идеальной коллективной монографии, «в которой под пестроцветьем сюжетов и исследовательских техник уже кристаллизовалась некая внутренняя, объективная, логика, связывающая все собрание текстов воедино, так что мне, как редактору, остается лишь ее проявить и, следуя ей, структурировать весь корпус текстов, убедительно разбив его на части, главы и разделы глав» [30], заменить все «тексты» на «карты», не превратится ли она в характеристику идеального коллективного атласа?

Атлас предполагает определенную взаимообусловленность составляющих его карт, дополняющих и обогащающих друг друга. В представленной монографии разделы также не существуют автономно, даром что писались разными авторами. Между текстами полно

перекличек – не столь заметных, чтобы бросаться в глаза, но при этом способствующих сближению составных частей единого произведения. Хунну и жуань-жуани кочуют из раздела в раздел, Зигмунт Бауман разъясняет свою теорию сразу в нескольких местах книги, то там, то здесь мелькают оралманы, вырастают чайнатауны, под разным соусом обсуждается двойственность этнических кварталов. Цифровые номады, промчавшиеся сквозь вторую главу, неожиданно возвращаются в последнем разделе – уже под именем трансмигрантов. Некоторые сюжеты (феномен монголтауна в Сеуле, трансформация этнической идентичности у гагаузов) удостоиваются специального превью в более ранних разделах. Наконец, отдельные главы строятся по принципу сталкивания и противопоставления разных точек зрения на один и тот же вопрос – к примеру, на миграционный кризис в Европе начала XXI века или на изменение отношения россиян к приезжим из ближнего зарубежья. И так далее.

Комплексность, масштабность при сохранении детальности, цельность при сохранении внутреннего разнообразия – эти качества в равной степени присущи качественному атласу и качественной коллективной монографии. Все данные условия в той или иной степени соблюдены и здесь. Лежащая перед нами книга – это действительно целый атлас, в котором вообразенные карты разных лет наслаиваются друг на друга, отражаются друг в друге, соотносятся в разных формах, образуя, в конечном счете, лоскутную репрезентацию целостного четырехмерного пространства движения, пространства истории, сформированного человеком-мигрантом посредством упомянутого постоянного расширения, разграничения и изменения.

При этом каждый из разделов сам по себе представляет минимальный интерес, не будучи предназначен для восприятия в отрыве от остального контента. Интересна именно общая картина, итоговая мозаика, атлас во всей своей полноте. Полагаю, что это – лучший комплимент составителю коллективной монографии. И все же...

Где карта, Билли? Нам нужна карта.

ЛИТЕРАТУРА

От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени (2018).

Коллективная монография / Сост., науч., лит. ред. С.А. Панарин; ред. англ. текстов А.А. Космарский. Барнаул: Издательство Алтайского университета. 436 с. ISBN 978-5-7904-2258-4.

FROM EXPANSE TO SPACE: THE SEARCH FOR GEOGRAPHY IN A BOOK ON GEOGRAPHY

**Review of a collective monograph «Migration throughout
times: From the bronze age to the century of the digital».**

Ed. by S. Panarin

FEDOR POPOV

An essay on the impossibility of studying migration without recourse to geography as a way to understand reality. Using as an example a collective monograph made without the direct involvement of geographers, it is shown that the spatiality of the phenomenon of migration manifests itself even when it is paid no special attention. The collective work on migration here reviewed is compared to an imagined atlas: behind each section is an imaginary map or series of maps, all of which are interconnected by the book's overall structure as well as by the numerous internal references and overlaps.

Key words: *collective monograph, migration, history of migrations, moving, space, geography, imagined map, atlas.*

FEDOR POPOV (fpopov15@gmail.com), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DATE RECEIVED: MAY 2018.

REFERENCES

Ot veka bronzovogo do veka tsifrovogo: fenomen migratsii vo vremeni [Migration throughout times: from the bronze age to the digital age] (2018). Kollektivnaya monografiya [A collective monograph] / Compiled and edited by S.A. Panarin; editor of texts in English A.A. Kosmarsky. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 436 p. ISBN 978-5-7904-2258-4.